

ДА НЕ СМУЩАЕТСЯ СЕРДЦЕ ВАШЕ

2016 год

5 января

Пришла в Союз писателей художник Нина Ивановна Жданова, чтобы посмотреть свою выставку и увидеть, какую из акварелей, по её предложению, я выбрал для себя («Синь февраля»). Надарил ей в ответ свои книги — «Сроки», «Говорящее дерево», «В предчувствии Апокалипсиса»... И всё вспоминали прошлое — фотографии на стене в моём кабинете к этому располагали.

С облегчением закончил писать ответы на вопросы Михаила Попова (как понял — для сайта журнала «Москва»). Пока только вчерне. Но ужасно много времени утробил на эту работу. А ведь ничего путного не сделал.

Третий раз, теперь уже с балкона, смотрел пьесу Ольги Михайловой «Третья правда» в театре драмы. Конечно, пошёл из-за дочерей, решил показать спектакль Тане с Наташей, но скучно не было. Размышления над вечными русскими вопросами Л.Н. Толстого и П.А. Столыпина — в пьесе приводятся отрывки из писем этих персонажей русской истории — (закон или совесть, Бог или частная собственность, коллективизм или капитализм) точно так же волнуют, как и сто лет назад. Тем более теперь, когда мы знаем, что всё закончится трагедией и на сцене, и в жизни.

— Как всё это грустно, — сказал я Александру Васильевичу Мюрисепу, заслуженному артисту России, игравшему роль великого писателя, зайдя к нему в грим-уборную попрощаться после спектакля, — хоть и пели вы все трое замечательно, трагически. (Это сцена на дрезине в завершении действия — умерший после побега из дома Лев Николаевич Толстой, застреленный Пётр Аркадьевич Столыпин и повесившаяся героиня пьесы, крестьянка).

В антракте тоже заходил в грим-уборную к Александру Васильевичу. Туда же заглянула его племянница, приехавшая на похороны матери из Киева.

---

* Продолжение. Начало в №№ 49, 50, 51, 52, 53, 54.

— Ну, как у вас там жизнь? — задаёт вопрос Мюрисеп.

— Я поняла, что правда здесь в России никого не интересует. Вы верите всему, что показывает ваше телевидение.

— У вас есть другая правда? — спрашиваю я.

Нервно, возбуждённо женщина начинает говорить о том, что в наших новостях врут, будто поставляют газ для обогрева людей в какой-то городок в херсонской области (эта информация, действительно, с утра прошла в новостных выпусках).

— Может быть, это и неправда, да ведь и вы точно не можете знать, идёт газ или нет. Вы точно так же верите вашему телевидению, и не более того. Но ведь есть другая общеизвестная правда — об убитых детях, разгромленных городах. За эту информацию наши журналисты заплатили своими жизнями.

— Нечего им было туда лезть.

— И в России никто не ходит по улицам и не кричит украинягу на гяляху и на ножи.

— Они кричат в своей стране.

Я понял, что дальше разговор при такой аргументации теряет всякий смысл. Ненависть и полное отсутствие человеческого сострадания. Что сделали с народом? Впрочем — было ли это население хоть когда-нибудь народом? В противном случае разве бы позволило, чтобы ими командовала свора беглых грузин и ещё разные варяги из других стран. Разве национальное достоинство это позволило бы?

7 января

Перед тем, как идти к своей бывшей учительнице (была моим классным руководителем с пятого по восьмой классы) Татьяне Борисовне Лубяко поздравлять её с Рождеством Христовым, решил немного прогуляться по городу. Поднялся через Кремль на площадь Минина и Пожарского, оттуда на улицу Ильинку, и только потом на Малую Ямскую. После простуды — это первый подобный «поход».

Лубяко звонила и приглашала к себе ещё пятого января. В том разговоре впервые обмолвилась, что, мол, могу умереть — и не увидимся.

Татьяна Борисовна показала мне вполне здоровой.

— Да нет, силы совсем оставили. Ёлку пять дней наряжала. А ведь на ней игрушки трёх веков — девятнадцатого, двадцатого и уже двадцать первого.

Лубяко из старого нижегородского рода. Дед её был промышленником, служил у Нобеля, отвечал за склады на Моховых горах — это за Волгой, у города Бор. Татьяна Борисовна показывала мне великолепно, невероятно богато изданный фотоальбом к юбилею компании Нобеля. Теперь этой реликвии у неё нет — продала из-за безденежья антикварам.

Пробыл у неё около двух часов. Назад шёл по краю пустынного Похвалинского съезда, безлюдному Канавинскому мосту над Окой у Стрелки, и думал — уйдём мы, но в мире, городе ничего не изменится. Всё свершится буднично и совершенно незаметно для окружающих. И в этом тоже непостижимая тайна не только отдельно взятой человеческой жизни, но и всего того, что происходит вокруг нас. Ведь каждый из нас отдельно не мыслит своей жизни без тех, кто окружает нас. Одиночество — самое страшное духовное, общественное наказание. Почему же мы так легко «оставляем позади» тех, кто долго в этой жизни был рядом с нами?

15 января

Фестиваль «Святки на Рождественской, 19». Открываю выставку картин и этюдов Владимира Ерофеева. Народу пришло много. Были и неожиданные гости, например Эдуард Михайлович Чапрак. Владимир работает художником у него в синагоге.

Живопись Владимира мне напомнила о поездке на Ветлугу — о спокойных, красивых местах этой реки. Музыкальный концерт на этот раз оказался неудачным, не продуманным. Евгений Анатольевич Андрианов (скрипка) был взволнован и сосредоточен, но его аккомпаниатор И.С. Ушаков (пианино) пришёл явно схалтурить, а не отработать для публики. В итоге всё закончилось скомкано.

Раньше позвонила Алина Мазина из журнала «Столица Нижний» с просьбой писать для них «экспертные статьи», а на самом деле заметки на страничку о литературе. Это дело нужное, и я согласился. Тут же и написал для февральского номера о пятидесятилетии «Вертикали. XXI век».

16 января

А.В. Мюрисеп зовёт на свой спектакль «Жаворонок». Он его поставил со своим курсом совсем недавно. Пошёл с нашим профессором-математиком и замечательным историческим исследователем Анатолием Александровичем Абрашкиным.

В Кремле просто сказочное царство — снег свежий, пушистый, сверкающий. Кусты, деревья сплошь в блёстках бахромы. Всё это переливается под желтовато-густым светом фонарей.

В Учебном театре Нижегородского театрального училища им. Е. Евстегнеева вся публика — это приглашённые режиссёром. Кроме нас артисты театра драмы, доктор медицины и поэт Ярослав Валерьевич Кауров с зам. директора музея Н.А. Добролюбова, педагоги из Нижегородской консерватории, директор департамента культуры города Лариса Юрьевна Моторина...

Ребята играли хоть так же неплохо, но, как мне показалось, без «огонька», что ощущался на премьере спектакля. Я заскучал и оттого (эмоционально не отвлекаясь) стал внимательнее следить за текстом, отмечая длинноты и провисания, которые следовало бы убрать. Позже всё это высказал Александру Васильевичу.

Назад шёл один через зимнюю сказку в Кремле. Мороз, снег скрипит и эхом раздаётся между высоких каменных стен. Склоном к Ивановской башне превратился в Берендеево царство.

Дома в новостях один теракт сменяет другой — Афганистан, Турция, Индонезия, Африка. И везде смерти, смерти, смерти невинных людей.

Европа всё не может отойти от тех шабашей, которые в ней устроили беженцы в новогоднюю ночь. Больше всего видео из немецкого Кёльна. То, что происходило там, в центре города на Соборной площади, ввело бургеров в ступор. Только от женщин в полицию поступило более 600 заявлений об ограблении, избиении, изнасиловании. Так старый свет расплачивается за свои глупости.

В иранских водах сели на мель два американских военных катера. Десятерых вояк арестовали иранские пограничники и потребовали от США извинений, что немедленно и получили. После этого солдат доблестной американской армии отпустили. Всё повторилось в точности так, как несколько лет назад с английскими солдатами (их захватили иранцы, объявив, что они зашли на катерах в территориальные воды Ирана).

20 января

Меня, Рубцовых, Шапаевых позвал к себе в квартиру на улице Каванинской («Серый дом») Василий Никитин. И назвал он встречу «Презентация рояля Schroeder». У рояля этого интересная история. Стоял он в банке на улице Большая Покровская, возможно, ещё с дореволюционных времён. В советские времена на нём играли для капеллы мальчиков Льва Сивухина, когда те выступали для сотрудников банка. Со временем инструмент пришёл в негодность (так, видимо, его эксплуатировали), и вот в прошлом году кто-то его выкупил для Никитина, оплатил

дорогостоящий ремонт и реставрацию. Из чёрного рояль превратился в белый. Хозяева на нём играли, пели. Мы должны были всему этому внимать и хвалить. Такая претензия на светский культурно-музыкальный салон. Если бы это была просто встреча в гостях, то всё было бы теплее и заинтересованнее. А так — жажда славы, гордыня, неудовлетворённое тщеславие? Не знаю, как всё это оценить. Но инструмент послушал с удовольствием.

26 января

Давно меня зазывал к себе в офис некто Павел Рябинин — как он сам о себе говорит казачий полковник (на полном серьёзе в полковничьей форме появляется на всяких патриотических «тусовках»). Конечно, пишет стихи. Владелец трёхэтажного здания в Кожевнном переулке, (старая часть Нижнего Новгорода) которое сдаёт под различные конторы арендаторам. Сегодня пошёл на встречу, чтобы как-то разъяснить для себя, что это за человек.

Кабинет хозяина на самом верху здания. Раньше там, должно быть, был чердак. Стены с одной стороны увешаны фотографиями предков и родных, планшетами с царскими наградами, холодным оружием (в подавляющем большинстве — муляжи и копии), с другой — камин и шкаф, заставленные всевозможных видов и размеров пасхальными яйцами. Тоже в подавляющем своём количестве ширпотреб.

Из разговора уяснил — у человека хаос в голове. Он и казак, и монархист (будто казаки в первые же дни февральского переворота не предали царя), и убеждён, что в царской России были только свет и благо. Всячески клянёт сегодняшнюю власть в России, но это из-за того, что несёт потери в бизнесе. Всё в его оценках поверхностно, крикливо. Я почему-то уверен, что он точно так же кричал и ниспровергал власть в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, ратовал за приход Б.Н. Ельцина к руководству страной. Ушёл от него довольно быстро и с облегчением.

Мне давно противны разговоры «вообще», на темы «надо что-то делать». Как только попытаешься таким людям предложить что-то конкретное, пыл их немедленно угасает.

31 января

Таня с маленьким опять улетает в Норвегию. Пробыли у нас месяц, и Саша за это время заметно вырос, окреп. Так тяжело было с ним расставаться. Вновь и вновь задаю себе вопрос — как-то сложится его судьба, что ждёт его впереди. Жаль, что не суждено мне будет увидеть его взрослым.

В аэропорт уехали рано. По всей центральной России оттепель. В том числе и у нас. Синоптики обещают, что плюсовая температура подержится две недели, на десять градусов выше нормы. Но подмороженный асфальт у аэропорта всё равно похрустывает под ногой — гулял по площади, коротая время до отлёта самолёта. В зале ожидания пытался читать «Иосиф и его братья» Томаса Манна (взял книгу с собой), но в голове мешанина из мыслей об улетающем внуке (Ирина поднесла его ко мне, он заулыбался, начал ручкой играть, проводить ею по моему лицу) и предстоящем юбилее журнала. По организации юбилея появляется какая-то ясность, понимание, как всё организовать.

В новостях, кроме очередных чудовищных терактов (в Сирии от них сегодня погибло более 60 человек), а это происходит практически каждый день, ислам (сектантский) объявил войну всему миру — есть одна особенная с юга Европы. Сфотографировано на чистом небе необычное кроваво-красное облако в виде кулака. Его назвали рукою Бога, но что это на самом деле за природное явление — никто не знает. Вроде бы объясняют всё преломлением солнечного света.

5 февраля

Объявлена новость (одновременно РПЦ и Ватиканом) о предстоящей встрече Патриарха Кирилла и Папы Римского Франциска. О первой встрече за всю историю, за все 960 лет со времени разделения церквей. Произойдёт она в аэропорту Гаваны на Кубе (это после двадцати-то лет подготовки — так утверждает митрополит Илларион, занимающийся международными связями в патриархии), в месте пересечения путей двух глав церквей — папа летит в Мексику, патриарх в Латинскую Америку.

Это известие напомнило мне период Горбачёвщины! Отвратительный период предательства, начала разрушения страны в нашей новейшей истории.

Благовидный предлог встречи патриарха и папы — гонение на христиан в Сирии. (Будто это первое гонение за девять с лишним веков!) Но ведь есть такое же гонение (моральное) на христиан и в Европе. Есть там же, да и во всём католическом мире, поругание нравственных христианских ценностей (браки между извращенцами, извращённое сексуальное воспитание детей, гей-парады и тому подобное). Почему же Ватикан не выступает (во всяком случае, открыто) против всего этого?

И вот в этой ситуации Патриарх (непонятно для чего, с какой целью!) летит на эту встречу. Что она может дать русскому православию? Полное ощущение реформистского предательства — опять, ничего для себя не получая, мы идём по пути поддержания авторитета развращающейся западной церкви. Ну, да это, может быть, не самое страшное. Страшнее тот раскол, к которому эта встреча может привести в Русской Православной Церкви. К неспокойствию в ней, возмущению.

Только Россия начала обретать себя, входить в силу, успокаиваться, как Запад наносит удар сначала войнами и санкциями (пока это им не помогает), а теперь и в самое главное, скрепляющее всё государство место. И тут последствия могут быть необратимыми.

Но раз всё в нашей жизни происходит по промыслу, то значит, и в этом поступке Кирилла есть какой-то неведомый нам смысл. Будем ожидать результата.

В Сирию перебросили новейшие самолёты Су-35. Для устрашения НАТО или чтобы испытать их в реальных фронтовых условиях, военных действиях?

6 февраля

Несколько дней не решался, и вот всё-таки надел для чтения очки. С непривычки голова «поплыла». Странное ощущение, впервые в жизни мною испытанное.

Думаю, что основная подготовительная работа к юбилею «Вертикали, XXI век» завершена. Можно выдохнуть с некоторым облегчением. Всё, что задумал (разослать несколько десятков писем, сообщить в прессу, обратиться к властям и так далее) — выполнил. Подвела (пока) только одна организация — РПЦ. С остальными идут рабочие контакты по плану. Долго не мог заставить себя заняться хлопотами по предстоящему юбилею. Но вот всё-таки «растолкал», растормошил себя внутренне — и дело двинулось с места. Даже азарт появился. За прошедшие две недели всё стало понятно — как торжество должно пройти, кто будет выступать, кого привлечь для «культурной программы».

7 февраля

Смотрел комментарий Константина Душенова на сайте газеты «Завтра» — никакого опасения по поводу предстоящей встречи Патриарха и папы он не высказал. То же и о Владимире Чугунов в нашем разговоре. Может, и правда мои опасения напрасны.

8 февраля

В музей-квартире М. Горького заседали комиссией по присуждению областной премии имени писателя. Как мало претендентов! Почему? Я высказал своё мнение: «Серьёзные писатели не хотят участвовать в конкурсе, потому что не верят в объективность оценки их произведений. Слишком дискредитировали себя последние решения местных комиссий во всех премиях». Меня поддержал художник Вячеслав Юрьевич Грачёв. Да это, собственно, очевидно всем. Разве что чиновники из местного министерства культуры этого не понимают.

9 февраля

Зашла ко мне Ирина. Пришёл Владимир Иванович Заного, затем Нина Ивановна Жданова. Так вновь собрались вместе (впервые после моего пятидесятилетия) — и увидели, как за этот срок постарели.

Заного забрали три акварели из зала для какой-то выставки (понесли их в Союз художников), мы с Ириной с акварелью отца Евгения Юшкова «Старая акварель» (был сегодня у меня, подписал её в подарок) пешком по солнышку отправились домой.

Пока шли, рассказывал Ирине о сегодняшней встрече с Коломийцем — не издан его справочник по бурению. Всё откладывал, думал, что потом сделает. «Нет, всё нужно успевать сделать в своё время. Что ждёт нас «потом» — мы не знаем. Чаще всего наши мечтания не оправдываются», — закончил я.

15 февраля

В.Н. Исайчев позвонил и пригласил посмотреть спектакль «Сартаковская мадонна», поставленный по его тексту. В последнее время наши контакты оборвались, поэтому на приглашение я откликнулся. Хотя какого-то открытия от постановки «Сартаковской мадонны» театром «Орловская антреприза» и не ожидал.

Владимир Николаевич арендовал на сегодняшний вечер зал театра драмы, который заполнился вполне сносно. На сцене, как мне показалось, была пересказана (а не сыграна) история одной семьи — жизнь в деревне, любовь, репрессии, предательства и доносы, война, похоронки, выживший после ранения муж, смерть ребёнка (утонул). Всё бегом по сюжету, без смен декораций, без драматургии. Один состав играет и молодых влюблённых, и старух, хотя возраст актрис уже ближе к преклонному. Оттого сцены любви, страсти выглядят не просто нелепо, а отталкивающе пародийно. Но история, что называется, жизненная, подавляющему большинству зрителей понятная, и потому спектакль встречен тепло (искренне).

После, когда перекусывали в буфете театра, я спросил у Исайчева:

— Наверно, в пьесе много биографического?

— Да. Хотя есть и художественный вымысел.

19 февраля

Вечер, посвящённый пятидесятилетию «Вертикали. XXI век». Зал в Усадьбе Рукавишниковых полон. Публика достойная. Пришли те, кого мне, большей частью, и хотелось видеть. Вёл торжество сам. А.В. Мюри-сеп прочитал «Пророка» А.С. Пушкина. Блестящее слово о журнале произнёс Анатолий Абрашкин — не затянута, умно, отметив в содержании главное, значимое. Анатолий Александрович как бы проникся духом и философией журнала. В то же время в его тексте (он прочитал выступление «по бумаге») явно преобладал аналитический, системный подход.

Выступление Абрашкина задало тон (а я на это и рассчитывал) всем последующим: министру культуры Сергею Александровичу Горину, начальнику департамента культуры города Ларисе Юрьевне Моториной, главному редактору «Русской народной линии» Анатолию Дмитриевичу Степанову, заслуженному художнику РФ Киму Ивановичу Шихову, народному артисту РСФСР Валерию Васильевичу Никитину и далее, далее,

далее — всё мои друзья-товарищи, с которыми многие годы уже вместе. Несколькое не в унисон была речь о Владимире Чугунове: философствование общего плана на примере собственных книг. Но к этому времени всё основное о журнале уже было сказано. Да и отец Владимир говорил явно не столько для публики, сколько для видеосюжета, чтобы выставить это выступление на своём сайте.

Хорошо прочитал стихи Валерий Васильевич Никитин, исполнил песню под гитару Владимир Иванович Заного. Двухчасовое общение получилось душевным, искренним, без пустых славословий и себялюбивых выпячиваний. Хотя я быстро «заскучал» (минут через двадцать после начала), и пришлось поддерживать себя в тоне каким-то внутренним резервом. Это заметила и Ирина (из зала), что я был скучноват. Александр Васильевич, напротив, уверил, что всё было хорошо, динамично, для всех авторов журнала у меня нашлись добрые слова.

Жаль, что торжество проигнорировала местная пресса. Но я к этому, в общем-то, привык, и потому чувства обиды не испытываю. Видимо, настоящая русская литература и должна жить не крикливо, сосредоточенно, но с внутренним духовным напором, который внешне не осязаем, но влияние которого чувствуют в равной степени все — и доброжелатели, сочувствующие нам, и недруги.

Милый подарок преподнесла Алла Марковна Лебедева — директор музея А.М. Горького. Это фотографии 1990 года. Уже другая, мало знакомая мне «Воложка» — литобъединение, в которое я ходил и которое вёл писатель Валентин Арсеньевич Николаев (видимо, отмечали десятилетие литобъединения) во дворе музея. Так и хочется воскликнуть — как молоды мы были!

21–22 февраля Москва

На юбилейный вечер в ЦДЛ Владимира Григорьевича Бондаренко (70 лет) поехали с отцом Владимиром Чугуновым. Я, как всегда, дополнительно загрузился книгами и журналами — для Книжной палаты, Российской государственной библиотеки, в приёмную комиссию Союза писателей России, для авторов. Всё оставил у Офитова. Николаю Викторовичу (добрая душа, ответственный человек) придётся всё это разнести по назначению.

Большой зал Центрального Дома Литераторов полон сверх меры. Заполнены оба прохода вдоль стен, люди толпятся у раскрытых дверей в холлы. В зале на спинке каждого кресла свежий № 2 (232) газеты «День литературы», где на второй странице мой материал о юбилее «Вертикали. XXI век» — «Пятнадцать лет по «Вертикали».

Ведут действие Сергей Шаргунов и Захар Прилепин. Первый не упускает случая для саморекламы (и это неприятно режет слух), второй трещит как заведённый (такое впечатление, что слова из его рта вылетают быстрее, чем он успеваешь подумать, что сказать).

Выступают: Эдуард Лимонов (прочитал какое-то пошленькое стихотворение не по теме и не к месту), Александр Проханов (хорошо и искренне говорил о молодости и дружбе, о пережитом вместе в 1993 году), Геннадий Зюганов (трибун!), Владимир Личутин, Станислав Куняев (прочитал стихотворение, посвящённое Бондаренко — опубликованное к юбилею в «Завтра» и «Дне литературы»), Сергей Бабурин (отставной политик — никак ему не удаётся вернуться в тусовку, а ведь как всё для него хорошо начиналось в 90-х), Егор Холмогоров (говорящий правильно, но уж очень многословно) и так далее...

Совсем не пришли, заявленные в афише, литераторы «демократического» крыла: Валентин Курбатов, Юрий Поляков, Алексей Варламов, советник президента Владимир Толстой.

Владимир Бондаренко много раз заявлял о желании объединить писателей всех направлений на страницах своей газеты. И что-то у него в этом смысле получалось. Но выступить на вечере — это нечто иное. По-

тому — никого. Да и из «патриотического» крыла пришли только самые близкие и немногие. Никого не было и от Союза писателей России.

Когда выступили основные гости, я предложил Офитову и Чугунову выйти из зала. На лестнице «обогнали» Александра Проханова. Грузный, уставший, он с трудом, при помощи сопровождавшей его дамы из редакции «Завтра», спускался со ступеньки на ступеньку. И в таком состоянии Александр Андреевич ещё каждый год выдаёт романы, пишет огромное количество текстов для газеты, совершает множество поездок, проводит встречи — беседы (расшифровки интервью тоже почти в каждом номере), выступает в телевизионных дебатах...

Уже одевшись в гардеробе, увидел вошедшего в фойе Зюганова. Подошёл к Геннадию Андреевичу, представился, и поблагодарил за поздравление «Вертикали. XXI век» с 15-летием.

— Да, да, знаю о вашем журнале, — и тут же дал мне свои координаты для связи.

Подарил ему № 47 «Вертикали. XXI век». Потом уж окончательно попрощались, выходя из ЦДЛ.

22.02. До поезда много свободного времени. Отправляясь в дорогу, мы совершенно забыли, что попадаем на праздники. Поэтому никуда по делам съездить не пришлось. Дозвонился до Казинцева. Говорили довольно долго (Александр Иванович собеседник — слушаешься. И умён, и открыто доброжелателен). На моё предложение продолжить беседы — полное согласие. Даже следующую тему несколько наметили — деятельность в поступках и имитация деятельности. В третьем номере «Наш современник» поздравит «Вертикаль. XXI век» с пятнадцатилетием.

После обеда с отцом Владимиром до отхода поезда побывали в гостях у профессора Литературного института Владимира Павловича Смирнова. Его супруга (милый, располагающий к себе человек) приготовила замечательное застолье. Всё было обильно, вкусно. Разговор шёл в основном между двумя Владимирами, и меня это устраивало. Я больше разглядывал стеллажи с книгами — две стены (большие) от пола и до потолка уставлены томами.

Обсуждение тем у нас продолжалось в поезде — все четыре часа.

26 февраля

Выставочный зал Нижегородского художественного училища. Живопись Марии Заной — яркая, выразительная, энергичная, реалистичная. Владимир Иванович чувствует себя празднично — радость отца за успехи дочери.

После небольшого застолья мы с Ириной вновь пошли посмотреть картины — спокойно, без сутолоки. Туда и Маша пришла. Вновь ей сказал (совершенно искренне) о радости смотреть на её полотна.

В передаче по ТВ услышал, что после переворота в 1991 году в течение последующего года 1746 человек покончили жизнь самоубийством (ответственные работники, как-то связанные с финансами КПСС) подобно главному финансисту партии, управляющего делами ЦК КПСС Николаю Ефимовичу Кручины (выбросился из окна). Если это действительно так...

9 марта

В Союз писателей (уже довольно поздно вечером — случайно меня застала) пришла писательница из Херсона. Я уже собирался уходить, но остался, разговорились об обстановке на Украине. Ирина Сергеевна Цветкова — прозаик, пишет романы, хотя есть и один сборник стихов. Невысокого роста, худощавая женщина лет пятидесяти-шестидесяти. В Нижний Новгород приехала к дочери, к внуку (1,5 года). Дочь попала в наш город по программе обучения русских из стран СНГ в вузах России — поступление без экзаменов и бесплатно. Теперь вышла замуж.

Писательница Цветкова по мировоззрению человек русского мира

— не отвергает советского периода, уважительно высказывается о И.В. Сталине, не приемлет украинского национализма. Говорит спокойно, рассудительно, взвешенно.

— Мы несколько обижены на Россию. Ожидали, что с нами поступят, как с Крымом... Сейчас в украинский Союз писателей принимают только тех, кто пишет на мове. Но качество украинской литературы крайне низкое. Думаю, это оттого, что нет традиции, нет основы, на которой бы эта литература поднялась... На ТВ, в эфире одна точка зрения. И она отупляет тех, кто не хочет думать. Но мне кажется, что многие затаились. Они не поддерживают националистов, однако, боятся высказывать свои взгляды вслух.

Предложил Ирине Сергеевне написать о своих наблюдениях для «Вертикали. XXI век» (дал ей 47-й номер почитать). Вряд ли напишет, но вдруг. Было бы любопытно.

Захотела предложить свой роман журналу. Действие сюжета как-то связано с городом Горьким, с нашим институтом иностранных языков, с переводчиками (девушками), отправившимися на фронт.

14 марта

Сегодняшние новости:

В Ярославле В.В. Путин провёл заседание Госсовета. Из его выступления: «За десять лет в ДТП в России погибло 350 000 человек. Более 3 млн получили травмы». Чудовищные цифры! Сейчас на самых жестоких войнах столько людей не гибнет.

Теракт в правительственном квартале Анкары. 38 погибших. Это уже пятый в Турции за последние месяцы. Всего в них погибло более 200 человек.

И главное — президент России объявил о выводе наших воздушно-космических соединений из Сирии. Поставленные перед военными цели они выполняли.

Будем ждать подробностей.

16 марта

Заседание расширенной Коллегии областного министерства культуры в Усадьбе Рукавишниковых. Пока шли выступления — вычитывал рукопись о. Евгения Юшкова (новые страницы из «Последней тетради»). И сделал из неё две выписки для себя: «Благодать Божия не даётся не имеющим доброго усердия, и человеческое естество не может преуспевать в добродетели без помощи свыше». «Смотри, не разори дома своего, желая построить дом ближнего». В тексте сказано, что последнее высказывание взято из книги преподобного Симеона Нового Богослова.

Уже прощаясь внизу у гардероба, увиделись с народным артистом РСФСР Гергием Демуровым. Сказал ему с искренним сожалением:

— Как жаль, что теперь вы так редко выходите на сцену.

— Что делать, что делать, — поставлено засмеявшись, ответил тот, и тут же глаза «потухли», погрузстнели.

17 марта

Приехали Важнёв и Шихов. Устроили застолье (пока Михаил Рубцов с Татьяной Антиповой в моём кабинете набирали текст «Хода особого назначения» — очерк Михаила). Ким Иванович попросил использовать текст моего с ним интервью для подготовки биографического очерка в какую-то книгу. И рассказал, что мой портрет подарил в Москву в Международную академию культуры и искусства. Всё, пропала работа.

В Кремле В.В. Путин вручал награды лётчикам, вернувшимся из Сирии. В своём выступлении развеял все сомнения: «Обе базы (воздушная и морская) там остаются. Затраты на военную акцию взяты из статьи бюджета Министерства обороны России на проведение учений. Была испытана в боевых условиях новейшая военная техника, специалисты

получили навыки действий на войне. Сейчас выводится только излишняя боевая техника. «Если будет надо, то в течение пяти часов мы её туда вернём. Для защиты наших баз в Сирии остаются новейшие комплексы ПВО. США и все другие об этом предупреждены. И если будет какая-то угроза нашим войскам, то любые цели будут немедленно уничтожаться. Любые!»

В комментариях наших политиков откровенное ликование. В прочем мире — растерянность. Опять президент России сделал шаг, которого от него никто не ожидал. И как к этому относиться? Даже приглашённые на российские телепередачи американцы бормочут что-то невнятное.

18 марта

И вновь Усадьба Рукавишниковых. Губернатор В.П. Шанцев вручает правительственные и региональные награды. Мне — Почётную грамоту Нижегородской области. При получении немного поговорил с Валерием Павлиновичем, и вновь удивился — какой-то он непроницаемый, зажатый в своём величии, искусственный, неживой. Настолько вжился в роль правителя, властелина?

После торжества хотели с Ириной пройти через Кремль вниз — Ивановская башня закрыта. Решили обойти вдоль стены — у Северной башни нас вновь развернули. Оказывается, на площади у памятника Минину и Пожарскому митинг в честь второй годовщины воссоединения Крыма с Россией. Вся улица Рождественская освобождена от машин. Спуски перекрыты.

19 марта

В Ростове на Дону разбился «Боинг», летевший из Арабских Эмиратов. Авиакомпания арабская, пассажиры наши. Погибло 62 человека.

Взрыв в Турции. Убитые, раненые в квартале, где расположены дипломатические миссии.

Нам сообщили, что все дома в нашей деревне Кунавино вскрыты, ограблены. Ирина разволновалась. Я, на удивление, спокоен. Что случилось, то случилось.

Хорошо, что пошёл к себе. Дописал предисловие ко второй книжке стихов Николая Петрова «Перламутровый сон». Спасительное это ощущение, что хоть что-то сделал, и день не прожит зря.

20 марта Кунавино

Рано утром едем с Наташей в «разорённый дом». Морозно, солнечно. Когда свернули на нашу дорогу, то подивились, как красиво на припорошенных деревьях у обочины льдинки сверкают на солнце переливчатыми маленькими огоньками.

Сутробы у дома высокие, но наст крепок, держит не хуже асфальта. Несмотря на то, что все соседи уже приезжали, ворота наши стоят нараспашку. Никто не удосужился их прикрыть. Но в комнатах никакого беспорядка нет. Украдены только два складных кресла, и то только потому, что я не поднял их наверх.

В дом воры проникли, выдрав пробой с замком и выломав две доски над воротами — через это отверстие пролез кто-то во двор и открыли ворота.

Всё поправил, приколотил доски, закрыл дом. Опасался чувства осквернённости, но воры оказались аккуратными людьми (вещи, книги на стеллажах и всё прочее осталось на своих местах), погрома не учинили, и я их уже простил.

22 марта

Бельгия. Брюссель. Три взрыва — два в аэропорту, один в метро, в центре города. 34 человека убито, более 230 ранено. Столица Евросоюза в панике — не работает общественный транспорт, жителей попросили

не выходить из домов, не работают школы, университет, госучреждения, заводы, театры... Из Брюсселя срочно эвакуировали бельгийского короля с королевой. Могерини, еврокомиссар по международным делам Евросоюза на пресс-конференции разрыдалась.

Да, это не двести погибших русских в подорванном самолёте (на которых ещё и шаржи рисовали в европейских журнальчиках) — это пролилась «голубая кровь».

23 марта

В драмтеатре поставили «Волки и овцы» А.Н. Островского (режиссёр — дама из столицы) — бездарный, скучный и невероятно длинный спектакль. Актёры на сцене хохочут, а в зале гробовая тишина. Может быть, единственные образы, которые получились, это Чугунов (Анатолий Фиров) и Мурзавецкая (Маргарита Алашеева) — это её бенефис.

Я был уверен, что Беркутова сыграет Сергей Блохин (это уже какой-то штамп в нашем театре). Но нет, вышел Сергей Кабайло. И совершенно в роль не попал. Уж лучше бы пошли по проторенной дороге.

Обменялись впечатлением с В.В. Никитиным и А.В. Мюрисепом:

— Ничего понять не могу, чего они играют, — возмутился Валерий Васильевич.

24 марта

В Водной академии провели вечер в честь 90-летия Владимира Васильевича Половинкина. Издали к этому сроку (распечатали на принтере) убогую брошюрку воспоминаний «Волгарь, человек нашенский!» (там есть и мой текст «Жизнь прожить от истока до устья»). Пригласили человек пятнадцать стариков, да В.Н. Чих «пригнал» свою группу студентов (человек двадцать), чтобы посидели вместо занятий — вот и вся аудитория. Господи, как всё это самодеятельно удручающе! Я сидел среди студентов (среди зрителей), слушал выступающих и пытался хоть что-то для себя любопытное отыскать. Вот эпизод с заседания парткома (партийного комитета института). Половинкин был его председателем (а рассказывает теперь его бывший заместитель). «Вдруг входит технический секретарь и просит взять телефонную трубку. Половинкин берёт, слушает... и вдруг встаёт, разговаривает стоя. Оказывается, это позвонил первый секретарь Горьковского обкома КПСС, чтобы сообщить — стихи Владимира Васильевича победили в конкурсе и будут высечены в мраморе у вечного огня в нашем Кремле».

(Кстати, я помню, как мне рассказывал Половинкин, что он за эти стихи не получил никакого гонорара. Об этом и разговора не было.)

Старичок, с которым Половинкин готовил книги памяти, утверждал, что в конце жизни Владимир Васильевич «стал очень верующим». На эти слова Анатолий Абрашкин, с которым встретились в Союзе писателей и я ему поведал о превращении убеждённого атеиста в верующего православного человека, мне ответил, что сын Половинкина стал набожным, со второй своей женой ходит читать акафисты в церкви. Не в этом ли кроется изменение отношения Владимира Васильевича к религии?

Константин Душенов в передаче «Слово дня» Ивана Вишневского на сайте «День ТВ» сказал: «В США по данным соцопроса одного из известных агентств только 48% (в стране) девочек и мальчиков от 13 до 20 лет придерживаются традиционной сексуальной ориентации».

25 марта

На это раз День работников культуры в администрации города отметили более чем скромно: никакого банкета, ни пакетов с коробкой конфет и бутылкой шампанского — экономят. Городской бюджет трещит по швам — одни долги. Впрочем, об экономии на зарплате чиновников я ничего не слышал.

Но была в торжестве и некая оригинальность — награждаемых гра-

мотами встречал и провожал «Чарли Чаплин», безмолвно гримасничал (порою удачно, смешно), оживляя в общем-то казённую процедуру.

Одно вызвало недоумение — 2016 год в России объявлен Годом кино (отсюда и Чарли), но и песни из фильмов пели на французском и английском, и вот главный, развлекающий публику персонаж не имеет отношения к истории отечественного кинематографа. Так и думается, глядя на всё это — уж куда нам с немытым рылом да в калашный ряд. Самоунижение (подготавливающего всё это чиновничества) на грани безрассудства.

26 марта

Вот произошёл теракт в Багдаде — во время проведения футбольного матча экстремист взорвал бомбу. Убито более 30 человек. И что? Никаких стений, переживаний, скорби, визга в Европе. И правда, чего переживать за погибших «мух». Ведь только их жизни (западноевропейцев) имеют ценность. Эгоизм, возведённый в догму, в религию, в божество. И видеть, понимать это — невыносимо раздражительно. Может быть, эгоизм и является самым страшным пороком в человеке, а всё остальное — это только составляющие части главного зла?

Набирал очередную заметку отца Евгения Юшкова в его «Последнюю тетрадь» и вдруг подумал о неизбежности всего происходящего в нашей истории. Всё, что мы переживаем — должно происходить. (Может быть, уже и происходило). Потому Господь и пришёл к нам предупредить, что всё это с неизбежностью будет, и не в наших силах что-то предотвратить. Потому что гордыня, эгоизм должны погубить (и погубят!) человечество. Всё это уже произошло, только мы не знаем. Господь — знает. Но ничего поделать не может. Иначе ему надо лишить нас свободной (гибельной) воли.

27 марта

Взрыв в Пакистане. Убито 60 человек, более трёхсот ранено. Трагедию почти никто не заметил. Минимум комментариев.

28 марта

В театре драмы торжество в честь Дня работников культуры и Дня театра. Ведёт Сергей Блохин. Кукольники устроили сюрприз — сделали соведущим уморительную куклу Коленьку. Замечательный концерт по-казал Нижегородский русский народный оркестр с вокалистами.

Солнечно, снег тает. Миша Рубцов попросил послушать завершение своего очерка — недавно написал. Пошли к Кремлю, встали на солнышке у Коромысловой башни с подветренной стороны. В тексте примеры неблагоприятных, предательских поступков наших священников. Умалчивать о них? Не знаю. Посоветовал убрать эти примеры «в глубину» общего текста.

В министерстве информационных технологий заседание рабочей группы Издательского совета Нижегородской области. Мне удалось предложить внести кандидатуру Владимира Чугунова в состав Издательского совета.

О теракте в Пакистане: Взрыв устроили на детском празднике (Пасха по григорианскому календарю) христиан. Погибло более 70-и человек — детей и женщин. И как на это отреагировала «рыдающая» Могерини? На своём сайте просто сообщила о количестве погибших. Никакого сопереживания.

29 марта

Провели совместное заседание Русского собрания и Топонимической комиссии. Говорил о Монастырской площади. Похоже, что всё надо начинать сначала. Власть в городе поменялась. Но упования на формирование по этому вопросу общественного мнения я не разделяю. В совре-

менных условиях цена этому мнению — копейка.

Но вообще встреча получилась довольно формальной и необязательной, с приглашением (Скатовым) случайных людей. Это говорит о том, что «кадровый резерв» у Сергея нулевой.

Станислав Смирнов подготовил с ещё тремя авторами книгу по «красному террору». Издают тиражом в 50 экземпляров. Хотят реализовать по подписке.

30 марта Новосёлки, Вачский район

Выехали из города целой делегацией на пассажирской «Газели». С моей стороны никого — я один. Но отказаться никак не мог. В новом Доме культуры села провели встречу в честь 90-летия Половинкина. Я говорил сразу за министром Гориным, и вроде бы всё по делу — о целно прожитой жизни Владимиром Васильевичем, о том, что за порядочные поступки и почёт воздаётся полной мерой — вот и доска мемориальная на доме, где жил поэт, и Дом культуры носит его имя. Ещё вспомнил, как ему предлагали высокую должность в институте, но Половинкин отказался — это помешало бы ему по-настоящему и ответственно заниматься литературой. А он понимал, насколько ответственно служение этому делу. Не в пример сегодняшнему, когда писание текстов воспринимается как хобби.

Вообще, это одна из лучших встреч, что видел я в нашей провинции. И номера сельской детской самодеятельности порадовали, и В.В. Половинкина вспоминали просто и по-доброму.

Когда возвращались в Нижний Новгород, то на одном белом, заснеженном поле увидели огромную стаю чаек. Под солнцем (уже закатным) на белом снегу белые птицы. Красивейшее зрелище. Но стаю эту тревожили, разгоняли три чёрных вороны. Чайки неохотно невысоко взлетали, опять недалеко садились на снег. А вороны всё метались чёрными кляксами на голубом фоне неба, старались налету ударить клювом чаек. И ведь на протяжении ста километров только в одном месте эти птицы собрались. Почему?

Третий день на Оке ледоход. Позавчера увидел, как первый лёд тронулся — от поля, между Канавинским и Метромостом откололась половина, и большие белые куски, толкаясь, топя друг друга, притираясь боками, устремились к Волге, стараясь протиснуться между опорами моста. А теперь уже и вода поднялась, и лёд по ней идёт напористо. Крошево всякое поприбило к берегам, особенно к острову Гребнёвских песков, выдавило на берега. Но основная масса стремительно движется к Волге. На серой воде сахарно-белые льдины.

Утром Александр Фёдорович Важнёв прислал сообщение — скворцы прилетели.

31 марта

Горячий спор с Рубцовым на тему о «покаянии русского народа за гибель царя». И больше всего меня раздражало, что на все сомнения и вопросы Михаил заученно отвечал цитатами из святоотеческой литературы. И ни одной своей свободной мысли, ни одного собственного размышления. А ведь подумать есть о чём. Например — пока мы не поймём, в чём каяться, никакого искреннего покаяния достичь невозможно.

Подобные проповедники нам кликушески талдычат: «За то, что допустили казнь царской семьи большевиками-инородцами». Здесь кроется главное заблуждение. Приход большевиков был подготовлен двадцатилетней русской смутой — когда убивали людей из власти, помещиков, жгли и разоряли их усадьбы. Когда вся наша интеллигенция была пропитана духом нигилизма и либерализма. Всё это и привело к февральскому (демократическому) перевороту, а уж потом к октябрьскому (большевистскому) в 1917 году. И выходит, что гибель царской семьи — это лишь закономерный итог, а начало духовной болезни кроется в ином.

Да, канонизированы страстотерпцы, видимо, законно. Но ведь перед этим Николай II отрёкся от престола ради спасения собственной семьи, и тем самым обрек на страдания миллионы других русских семей. Обрёк страну на кровопролитие гражданской войны. Не мог навести порядок? Не знаю, насколько я тут прав (уверен, что эти суждения довольно поверхностны) но ведь большевики навели порядок «железной рукой» в течение нескольких лет. Да — безбожно, жестоко, но навели. Так ведь это после того, когда вся страна была разрушена. Государь же, наверно, мог это сделать как-то иначе — имея талант и мужество руководить государственным аппаратом с его полицией, жандармерией, армией, казаками.

Так можем ли мы выбросить все эти вопросы из своего сознания, будто их и не существует, чтобы бездумно, автоматически каяться? Да и будет ли от такого покаяния толк, изменится ли что-то в наших душах от него?

Говорил я всё это Михаилу несдержанно, излишне горячо, о чём, конечно же, сожалею. Да только ведь куда денешься от действительности — сколько лет он проводит чуть ли не еженедельные молебны у Покаянного Царского Креста, а приходит на них горсточка (человек 5-10) старушек маргинального вида — и всё. И не от того, что другие черствы душой или глупы. Нет! Не идут, потому что не объяснено, в чём каяться, в чём лично каждого из нас вина в произошедшей почти сто лет назад трагедии в Екатеринбурге. Бесконечные же цитаты, что мы слышим от «проповедников» и «подвижников» лишь раздражают своей каменной нежизнеспособностью.

2 апреля

Премьеры новой музыки (в основном, нижегородских композиторов) в Большом зале консерватории. Пригласил Евгений Анатольевич Андрианов. Он исполнял рапсодию для скрипки соло Бориса Сазонова. Я уже слышал это произведение на концерте у нас в Союзе писателей, а вот вся остальная программа оказалась в новинку — музыка Татьяны Татаариновой, Дениса Присяжнюк, Анастасии Шестериковой, Бориса Гецелева, Марка Булошникова. Почти всё — «авангардно», сконструировано, не мелодично. Тут бы выделил только Дмитрия Лукьяненко с его «уединённостью» для двух скрипок, альтового саксофона и уличных шумов. (Во время исполнения демонстрировался видеоряд лондонских улиц, в котором участвовал и автор — саксофонист.) Тоже, конечно, претенциозно... Но и оригинально.

Ну, да это ладно. Главное, я почувствовал во время концерта, как эмоциональная усталость, раздражительная тяжесть от встреч, поездок, споров потихоньку начала оставлять меня. Давно я не ощущал такого освобождения от душевных тягот.

В новостях: начались кровопролитные столкновения между Азербайджаном и Нагорным Карабахом. Армяне сбили один вертолёт.

3 апреля

Ещё в консерватории Анатолий Абрашкин отдал мне «Литературную Россию» № 12 со статьёй некоего Александра Байгушева «Гришка Отрепьев нашего времени» (об А.И. Казинцеве). Статья огромная, но в конце её стоит — «продолжение следует». Давно я не читал ничего более хамского, да и глупого. А тут ещё автор называет себя одним из лидеров (в прошлом) «Русской партии». Ну, если такие мракобесы возглавляли в советское время скрытую в недрах КПСС «русскую партию», то стоит ли удивляться тому, что в итоге империя развалилась, принесла русскому народу неисчислимые жертвы — десятки миллионов вымерли, остались за границей недогражданами. Был нанесён колоссальный урон промышленности, сельскому хозяйству, культуре.

Конечно, не со всеми высказываниями Александра Ивановича можно соглашаться. Но не до такой же степени, чтобы в ответ раздражаться

площадной бранью. Да и опускаться до прямой лжи. И тут вопрос коснулся лично меня. Автор упоминает нашу с Александром Казинцевым беседу «Патриотизм — это не СОБЕС» в газете «Завтра», и по этому поводу утверждает, что «серый кардинал (Казинцев — В.С.) «Нашего современника» взял покладистого А.А. Проханова (главного редактора «Завтра» — В.С.) за горло, и тот оперативно напечатал явно состряпанное самим «Козьявкой» наглое интервью с самим собой... Собственно, именно само-разоблачительный стриптиз... и побудил меня всё-таки взяться за перо».

Иными словами, подобные патриоты нам уже и думать самостоятельно запрещають. Дай им волю — только бы вешали инакомыслящих, и в первую очередь русских думающих и сострадательных людей.

4 апреля Горбатовка

А.Ф. Важнёв решил писать море. Поехали с К.И. Шиховым смотреть его картину. Конечно, любительщина, ничего самостоятельного, живого.

Вот нашёл человек в конце жизни «отдушину эмоциональную» в живописи, а понимания служения искусству нет. Искренне не понимает! И драгоценное время (которого впереди не так уж и много) тратится впустую.

За обедом, перешедшим в ужин, выпили с Кимом Ивановичем по бутылке водки. Я-то ладно, не привыкать. Но Шихов! И это в 84 года! К тому же почти ничего не ел. Закусывал сигаретами «Приму», выкуривая одну за другой. И при этом не потерял ясность ума в своих высказываниях.

5 апреля

Был у министра культуры С.А. Горина по его просьбе. Предлагают Союзу писателей переехать в другое помещение. Правда, окончательное слово оставляют за мной. Конечно, отвечу — нет! Тут ведь только раз согласишься — и загоняют по городу так, что рад не будешь.

8 апреля

Вот и прилетели утки. Последние дни всё вглядывался, проходя через Канавинский мост, в береговые заросли острова — не появятся ли, не воротились ли домой дорогие птички. И вот — парочка (серка и селезень) любовно плавают, перелетают, играя, с берега на берег. А река тиха, приветлива. Вода будто выглажена, и круги от забав влюблённых птиц радостно расходятся долгими волнами. Шли с Ириной, и оба обрадовались этим первым прилетевшим птицам, как родным.

12 апреля

Михаил Рубцов побывал у зам. генерального директора по персоналу «Нижегородского машиностроительного завода» С.Н. Рыбакова. Вроде бы договорился о небольшой помощи «Вертикали. XXI век». Во всяком случае, я письмо подготовил. Но интересное высказывание Сергея Николаевича передал мне Рубцов — «Нам нужно ещё года три, чтобы восстановить паритет с США. Пока такого нет». И это чувствуется по не столь резким высказываниям В.В. Путина в адрес США, которые, в сложившейся обстановке, могли бы быть. Потому и на этот завод он недавно приезжал, открывал новый завод — «Нижегородский завод 70-летия Победы» по производству противовоздушных комплексов С-400.

Поздно возвращаюсь из Союза писателей. День потух, близится к ночи. В небе летит самолёт, и за ним тянется розово-красный двойной след, освещённый там, в вышине, заходящим солнцем.

Очередное скандальное видео с нашим митрополитом Георгием. Недалеко от Оранского монастыря на дорогу опустился вертолёт. Дорогу перегородили легковые автомашины. К вертолёту подъехала машина владыки. Из неё вышел Георгий и уместил своё тело в летающий аппарат. Вертолёт взмыл в небо.

Видео, зафиксированное автомобильным регистратором, показал федеральный канал «Россия 24» в сводке криминальных новостей. На запрос программы Нижегородская епархия ответила, что разберутся.

В комментариях специалистов отмечено, что такой вертолёт стоит от 500 тысяч долларов. А ещё необходимо оплатить огромный таможенный сбор, сборы за регистрацию и прочее, прочее. Не говоря уж о содержании машины, её обслуживании, зарплате специалистам и лётчикам...

Ну и чем «эти бизнесмены» отличаются от прочих денежных мешков, захвативших в свою власть Россию? Только тем, что носят на груди панагии и кресты.

20-24 апреля Москва — Санкт-Петербург — Москва — Нижний Новгород

В Москве надеялся провести несколько встреч, но столица не терпит наскоков. Тут, чтобы кого-то «поймать», выхватить из непрерывного, десятилетиями установившегося бега, нужны дни, недели. Одна помощь мне — Николай Викторович Офитов. Ему оставил и книги для книжной палаты, и деньги, чтобы заплатить в Союзе писателей России за удостоверение священников Сергея Муратова и Евгения Юшкова. Александр Казинцев — в командировке, Арсений Васильевич Ларионов — болен (давление), даже по телефону разговаривать не стал.

21.04. Боясь проспять утренний поезд, встал рано. Из дому вышел загодя и от Ленинградского вокзала ещё прогулялся по проспекту Сахарова. Хотя и прохладно, но солнечно и безветренно. Дышится легко. В поезде продолжал читать воспоминания о детстве Павла Флоренского. Некоторые места подчёркивал для памяти. С самого раннего детства философ, учёный-открыватель ощущает себя неординарной, ищущей личностью. Если кому-то Богом даны особые способности, то он их ощущает сразу, с первых годов жизни.

В Санкт-Петербурге погода такая же, как и в Москве. Знакомой улицей Пушкина дошёл до Разъезжей, затем по Марата до Звенигородской. Тут гостиница, устроенная в бывшем доходном доме. Номера тесноватые, но по-современному чистенько оборудованные всем необходимым. В такой комнате не жить, а только спать. Окно моего номера выходит на улицу.

Встретились с Андреем Ребровым, Игорем Смолькиным, Игорем Гуревичем (впервые познакомились — писатель из Архангельска). Андрей водил по местам своей юности в районе Сенной площади, Фонтанки, у Мариинского театра (величественный собор, в который вошли). Заходили в кафе обедать. Выпили водки. Вечер закончили в Китайском ресторане. Туда Валентина Ерофеева привезла отца Геннадия Рязанцева, с которым мы встречались ещё в общежитии Литературного института в начале 80-х годов — я несколько дней жил там в их комнате. Конечно, вспомнили это время — бывших студентов о. Владимира Чугунова, о. Михаила Резина.

Отец Геннадий высок, худ, на макушке головы лысина, волосы прямы и тонки, оттого неопрятно раздуваемы ветром, не держатся в причёске. Говорит тихо, смиренно, и, по-моему, искренне сердцем добр.

Со Смолькиным за столом всё-таки поспорили несколько. Некритичность взглядов на нашу прошлую (царскую) историю и на события сегодняшнего времени меня всегда заставляют возразить оппоненту. Это не значит быть врагом нашему государству, не ценить его политических и духовных лидеров. Но рассуждать обо всём прошедшем и происходящем мы должны без усвоенных догм.

В номере долго стоял под горячим душем. В постели вновь читал «Раннее детство», «Пристань и бульвар», «Наука» Павла Александровича Флоренского. «А любил я воздух, ветер, облака, родными мне были скалы, близкими к себе духовно ощущал минералы, особенно кристаллические, любил птиц, а больше всего растения и море». (Философ о своём детстве).

22.04. Из гостиницы на двух такси организаторы конференции, приуроченной к «Всемирному дню книги и авторского права» повезли нас в медиацентр Правительства города на улице Потёмкинской. Старинный особняк с небольшими, уютными залами.

Интересно выступил председатель Комитета по печати С.Г. Серезле-ев: «Санкт-Петербург входит в тройку самых читающих регионов (по проведённым исследованиям). Книжный салон располагается на 5 га исторического центра. В прошлом году его посетили более 200 тысяч человек. Было представлено 20 тысяч наименований книг. Продано более 60 тысяч экземпляров печатной продукции. Организована книжная аллея у Михайловского дворца. В Рождество такую аллею устраивали на Малой Конюшенной улице.

Местный издательский совет получил в 2015 году 25 млн рублей. В городе 197 библиотек. Создан поезд-библиотека (8 вагонов) в метро. С помощью издательского совета в 2015 году издано 200 тысяч экземпляров книг.

Трансляция нашей конференции по интернету ведётся на сайте «город +» и в зал Книжного магазина (не записал, какого).

Издатель книг на русском языке из Эстонии Нэлли Мельц. Редактор журнала «Таллинн»: В стране живёт 1 200 тыс. человек. Из них 200 тысяч русскоязычные. Издательство через гранты поддерживает Министерство культуры Эстонии. Оно заинтересовано в переводе книг местных авторов на русский язык. Никогда и никто не оказывал на издательство давления (политического или националистического). «Более свободно, чем сейчас, я никогда не работала».

Действительно, представила интересные, хорошо изданные книги и номера журнала.

Николай Мейнерт. Хельсинки. Издатель из (Финляндии — Эстонии).

В Финляндии действует сильный профсоюз журналистов и публицистов. Защищает права авторов. Хотя любое устное соглашение в стране имеет силу закона — связано ли это с трудовыми отношениями, коммерческими или какими-то ещё. Потому как таковой контракт (на бумаге) заключать совсем необязательно.

Открыта замечательная четырёхэтажная библиотека, где всё предусмотрено для работы — можно уединиться с книгой, попить кофе, встретиться с коллегами и так далее. Финны считают, что работа с книгой необходима. Но в библиотеке книги гуманитарного направления — не художественная литература.

Интерес к русской книге огромен. Связано это с желанием разобраться в России. А вот в Эстонии есть ещё один интересный способ поддержать писателей — специальное агентство выплачивает деньги авторам за то, сколько раз его произведение было востребовано в библиотеках страны.

Живую дискуссию вызвало выступление генерального директора Санкт-Петербургского «Дома писателя» Владимира Малышева. Владимир Викторович затронул тему уважения в России писательского труда и оплаты за него. Тут уж всё всколыхнулось. Причём со стороны некоторых издателей было полное непонимание требований.

После обеда в ресторане на Смольной набережной всей группой (присоединились Виктор Кирюшин и Игорь Шумейко) поехали в офис «Родной Ладоги». Андрей Ребров организовал застолье. Я больше молчал, опасался опять ввязаться в бесплодные споры. Лишь негромко переговаривался с рядом сидящим о. Геннадием Рязанцевым, который перед этим, полистав показанный мною журнал, попросил подарить ему «Вертикаль. XXI век».

Увы, но Андрей выпил лишнего, оттого по предложению Смолькина мы поспешили уехать.

Вечер закончили в пивном баре на Невском проспекте — вокруг шумно, звучал рок, по телевидению крутили моменты забитых голов в ан-

глийской футбольной лиге, а мы спокойно и хорошо говорили о литературе.

Уже на обратном пути в гостиницу рассказывал отцу Геннадию о своём впечатлении от только что прочитанной книги «Жизнь Климса Самгина» Максима Горького, о драматургии писателя. И, кажется, Рязанцев был заинтересован моим анализом этих произведений.

Перед сном сидели в номере у Игоря Смолькина, пили красное вино. Читал ему отрывки своих бесед с Юрием Васильевичем Бондаревым из книги «В предчувствии Апокалипсиса», пока не зашёл отец Геннадий и не забрал подаренную ему книгу.

23.04. В половине десятого зашёл к Смолькину звать завтракать и на прогулку. Игорь отказался — будет спать. Поев и напившись кофе, распрощавшись с администратором, в 10 часов пошёл в город. До поезда четыре часа.

Шёл по тихим улицам (в выходной день Северная столица просыпается не сразу), по тротуарам, которые намывают продавцы перед своими магазинами, мимо лотков, на которых продают свежевывловленную корюшку — мелкую, размером с мойву рыбку.

В эти часы почему-то теплее всего вспоминалась моя первая поездка в Ленинград. Тогда город меня просто ошеломил — красотой и непохожестью друг на друга зданий, музеями, театрами, барами, каналами.

Вышел на Литейный проспект. По Невскому проспекту пересёк Фонтанку и вновь углубился в старый город. Посидел у Инженерного замка. Невольно вспомнилось, как жестоко здесь убивали императора Павла. Через Марсово поле прошёл к Мраморному дворцу. Вновь (в который уже раз) попытался разгадать загадку (для меня) памятника Александру III. Удивительно притягательная работа скульптора Павла Петровича Трубецкого. Есть в ней что-то чисто русское, неповторимое для других народов (и, может быть, непонятное).

Между Мраморным дворцом и Эрмитажем вышел на Дворцовую набережную. Засмотрелся, как в центре огромного города на Неве, напротив Петропавловской крепости, рыбаки на большой лодке достают из воды садки и вытряхивают из них корюшку. Рыбаки в прорезиненных костюмах наподобие химзащиты. Видно, что труд не из лёгких, снасть поднимается из воды с большим усилием.

По Миллионной дошёл до Зимнего Дворца. Зашёл в дворик Эрмитажа (тут ужелюдно, суетливо). Когда вновь выходил на Дворцовую площадь — раздался выстрел пушки. Поддень! Петропавловская крепость возвестила городу.

По Большой Конюшенной вышел на Невский проспект, и уже по нему (с остановкой в скверике у нейрохирургического института на улице Маяковского — почитал книгу Флоренского) вышел к Московскому вокзалу. Питер оставил светлое, праздничное впечатление.

Москва после северной столицы тиха, сонлива. Время вечернее. Не без путаницы, но встретились с Алексеем Фёдоровым. Ужинали у него в мастерской. Алексей подарил фотографии, сделанные у Кремлёвской стены, у праха В.П. Чкалова.

В квартиру к Офитову приехал в полночь — Николай уже и не ждал.

24.04. Нужно возвращаться домой. Доходим с Николаем Офитовым до метро «Семёновская». Он спрашивает:

— Сколько сейчас времени?

— 12-30. До поезда полтора часа, — отвечаю ему. — Пойдём, прогуляемся одну-две остановки.

— Конечно, пошли. С удовольствием.

И менее чем за час дошли до Курского вокзала. Оба этим были довольны.

В поезде с восхищением прочитал очерк Павла Флоренского о Троице-Сергиевой Лавре. Какой мудрый, глубокий взгляд на историю России!

27 апреля

Станислав Александрович Смирнов в Центральной городской библиотеке устроил представление вновь изданной книги «Политические репрессии в Нижегородской области 1917-1953». Попросил быть и меня. Я в своём выступлении предложил присутствующим быть более объективными и менее эмоциональными в обсуждении этого очень непростого периода в нашей истории. Но, конечно, никто не внял моей просьбе. Собрались в основном люди пожилые (хотя среди них были и доктора наук), подозреваю, бывшие комсомольские и партийные активисты, и устроили перестроечный антисталинский и антисоветский митинг. Доводы сплошь времён «Огонька» Коротича. Как и во всех подобных встречах, раздавались требования, чтобы эта книга была в каждой школе. (Напечатать её, как я понимаю, должно за свой счёт то самое, так ненавидимое ими, государство), что молодёжи нужно рассказывать о преступлениях советского периода.

Профессор, доктор исторических наук В.М. Строгоцкий так распалился в крике, что не заметил абсурдности своего последнего требования — нужно всё сделать, чтобы имена В.И. Ленина и И.В. Сталина были стёрты из человеческой памяти.

Мне пришлось спросить: «Так вы за то, чтобы о «преступлениях советской власти» рассказывать молодёжи, или за «стирание памяти»?» Подозреваю, что этот профессор ранее преподавал научный коммунизм или историю КПСС. И был столь же строг к студентам в знании ими основ марксизма-ленинизма. Всё ещё не нареволюционировались. И пример Украины (да и наш двадцатипятилетний) им не в прок.

Впрочем, я задал аудитории вопрос: «Расстрел законно избранного парламента России из танковых орудий в 1993 году — это политические репрессии?» В ответ зал взревел негодованием. По мнению многих «профессоров и демократов» это, конечно же, было продиктовано политической необходимостью.

28 апреля

С нового космодрома «Восточный» в Амурской области стартовала первая ракета. Всё должно было произойти вчера, но автоматика за полторы минуты до старта остановила запуск. И вот — свершилось. Но произошедший вчерашний сбой В.В. Путин не простил. После того, как спутники доставили на орбиту, он объявил выговор вице-премьеру Дмитрию Рогозину, строгий выговор главе «Роскосмоса» и предупреждение о не полном соответствии директору предприятия, чьи детали автоматика «забраковала».

Вчера умер Валентин Зорин, сегодня Игорь Фесуненко (его я видел на заседании «Клуба Н.И. Рыжкова») — политические обозреватели центрального телевидения СССР, чьими глазами мы видели (в нашей молодости) и через чьи комментарии воспринимали весь остальной (не советский) мир.

Пришёл Алексей Маркович Коломиец. Его геологические идеи продолжают быть востребованными. Представитель президента в Приволжском федеральном округе М.В. Бабич приглашал, выслушивал (думаю, всё хотят нефть найти в наших краях). Но мы говорили о другом — о прожитом и пережитом. О разбитых и склеенных «горшках» дружбы. А склеенное, как известно, не прочно. И тут я признался, что только благодаря мудрости Коломийца наша дружба не была прервана. Хотя несколько раз мы стояли «на краю», но Алексей Маркович всегда осторожно и инициативно исправлял ситуацию.

— Это всё неважно. Главное, знайте — я всегда ваш. — Закончил беседу Алексей Маркович.

29 апреля

В центральной областной библиотеке о своём деде Вячеславе Михай-

ловиче Молотове рассказывает депутат Государственной Думы Вячеславом Никонов. Вернее — о нижегородском периоде жизни будущего государственного деятеля.

Надо сказать, что и в телевизионных дебатах Вячеслав Алексеевич говорит всегда точно, аргументировано, убеждённо-спокойно. Вот и на этот раз он сразу сориентировался (было много студентов первых курсов — устроители, похоже, побоялись, что зал буде пуст), как бы упрощённо-доходчиво построил своё выступление.

В завершение предложил желающим взять распечатки своего выступления (стопки лежали на столе президиума) и подарил библиотеке брошюру, которая под редакцией Молотова вышла в Нижнем Новгороде (кажется, обобщение опыта проведения субботников) и была подписана Вячеславом Михайловичем В.И. Ленину, но по каким-то причинам вождю так и не была вручена — осталась в домашней библиотеке хозяина.

По завершении я представился депутату. Пожали друг другу руки, обменялись визитными карточками. Попросил Никонова найти время для беседы. Он согласился, но тут меня перехватила его помощница (Татьяна Борисовна) и оттеснила от шефа, которого ждала толпа телевизионщиков для пресс-конференции.

1 мая Пасха Христова!

На службу ходили с Ириной в наш Староярмарочный собор.

Вечером по обещанию пошёл к Лубяко. Татьяна Борисовна вчера звонила, жаловалась на здоровье, просила прийти. Два часа слушал монолог, невольно думая о быстротечности времени. Её любимый дядя (я о нём, наверняка, в своих записях уже упоминал) служил во время Великой Отечественной войны «при лошадях». Потому он всегда и говорил: «Меня лошади спасли». В чём спасение? Я сразу не догадался. И только потом до меня дошло: лошадиная тяга была главной у артиллеристов. Потому коней берегли, их обслуживала специальная команда конюхов — людей, умеющих обращаться с этими животными (кормить, поить, обихаживать, лечить). Лошади подвозили орудия на позиции, и их отгоняли в безопасное место — подальше от возможных взрывов вражеских снарядов. С ними уходили и конюхи. Вот что значит — «меня лошади спасли».

3 мая

Из дома пешком сходил в Кузничиху, в мастерскую к Николаю Павловичу Мидову. Галина Алексеевна Скотина закончила художественное оформление повести «Колька». Рисунки я забрал, но как это всё будет выглядеть в книге — пока не представляю. И от содержания картинки, как мне кажется, довольно далековаты. Это общие (яркие) деревенские мотивы. Но — посмотрим, что выйдет, когда буду готовить книжку.

С Мидовым проговорили более шести часов. Выпили три чечушки водки (в честь праздника). Главная тема беседы — что есть спасение, как его достичь. В земной жизни тут хоть что-то ясно — спасение в работе, в служении, в том, чтобы что-то оставить людям после своего ухода. А вот далее...

Вспомнил Николай Павлович свою молодость и небольшую церковку на улице Рождественской — такую аккуратную, красивую. Как бы она сейчас украшала улицу. Но во времена хрущёвских гонений на православие её снесли.

— Где же она стояла? — спросил у него.

Оказалось — напротив Волжско-камского банка. На опустевшем месте в моё время были выстроены кафе-стекляшки «Мороженое», «Пиво-воды». Теперь и эти кафе заброшены. Стоят, стыдливо от глаз людских затянугые банерами. Ничего на этой земле не прижилось. Зря церковку загубили.

6 мая

Новым мэром Лондона избран мусульманин, выходец из Пакистана, поднявшийся на политическую вершину из «городских трущоб». Интересно, чего здесь больше — толерантности англичан, или это всё-таки показатель превышения (количественное) мусульманского населения столицы над христианским (иными словами — традиционным). Не первая ли это ласточка для Европы о грядущих изменениях в её жизни?

Ещё 4 мая Владимир Павлович Полеванов откликнулся на моё поздравление, и прислал интереснейший материал по Китаю — презентационно-аналитический доклад с фотографиями и статистическими справками. Развитие экономики этой страны просто потрясает — огромные новейшие аэропорты и железнодорожные вокзалы, скоростные авто и ж/д трассы и по несколько десятков километров мосты, огромные размеры экономической экспансии по всему миру. Быстрыми темпами идут космические программы, особенно по освоению Луны. (Россия в этом вопросе тоже зашевелилась — явно боясь опоздать, оказаться в хвосте при «делёжке нового пирога»). Попробую поговорить с Полевановым, чтобы этот «Китайский материал» привести в форму статьи для «Вертикали. XXI век». К тому же эта тема для нас не нова, и начатый ранее разговор на страницах журнала требует продолжения.

8 мая

Позвонил Полеванову. Номер его телефона не изменился. Владимир Павлович пообещал прислать статью после праздников.

В филармонии с Ириной слушали выступление (традиционное) Симфонического оркестра Мариинского театра (Пасхальный фестиваль — на этот раз посвящён 125-летию Прокофьева). 6 мая этот оркестр (дирижировал Валерий Гергиев) выступал в Сирии, в Пальмире, в древнем амфитеатре, внутри которого, на сцене боевики устраивали показательные казни с отрезанием голов. И вот через два дня музыканты в нашей филармонии исполняют музыку Прокофьева (из «Ромео и Джульетты»), Рахманинова («Симфонические танцы») и любимого мною Чайковского (симфония № 5).

Домой шли через Кремль, и музыка всё жила во мне.

9 мая

На островке справа у Канавинского моста со стороны улицы Советской, где растут несколько американских клёнов, заливается соловей. Вчера поздно вечером, возвращаясь после концерта, я услышал его «щёлканье» — и удивился, и пожалел птичку: «Ну кого ты здесь, в самой городской толчее, в несносном автомобильном шуме найдёшь?» Но сегодня вновь услышал его зов и, как мне показалось, благожелательные ответы соловьиных.

И в лесу на острове разливаются трели. А по мосту идут и идут мне навстречу люди с портретами своих близких — участники «Бессмертного полка». Замечательная акция гражданской, человеческой памяти.

Вот и открыл «пляжный» сезон. Читал и загорал на набережной Оки. Книга Даниила Зайцева «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева» — согласен, необычна (воспоминания русского старообрядца — довольно непоследовательные, но живые, исполнены в «разговорном жанре»), любопытна (с точки зрения познания иной, скрытой от большинства из нас жизни на южноамериканском континенте) и даже имеет некоторую историческую ценность (как документ). Но я бы не стал переоценивать это произведение подобно Валентину Курбатову, который в статье «Здравствуй, завтра!» (прислал мне для «Вертикали. XXI век») пишет о нём так: «На немыслимых путях скитаний вполне нынешней старообрядческой семьи в «Повести и житии Даниила Терентьевича Зайцева» XVII век со всею ветхой лестовкой совершенно естественно живёт, житийствует посреди двадцатого и двадцать первого веков, не теряя и

не роняя себя, опять доказывая, что в духовно правильном мире времени нет».

В такой оценке книги Валентин Яковлевич больше выдаёт желаемое за действительное, чем констатирует действительно имеющий место факт. Нет, в книге полно и падений, и сомнений, и прочих неблагоприятностей, как в духовной жизни переселенцев, так и в их бытовой, семейной, производственно-сельскохозяйственной. А некоторые места в ней и просто уморительно-смешные.

И уж коли заговорил о книгах: звонил Анатолий Абрашкин, поздравлял с праздником, да и сообщил, что в «Эксмо» у него вышла книга о романе «Мастер и Маргарита».

— Выходит, поторопились мы с её публикацией в журнале «Вертикаль. XXI век»?

— Напротив, думаю, что публикация помогла тому, что издательство её выпустило.

В Москве этой работе дали другое, более провокационное для читательского интереса, название. Ну, да это неважно. Надо бы отметить выход этой книги в очередном номере «Вертикали», но так не хочется помещать на наши страницы нынешнее её название.

Вечером с Ириной смотрели салют на Волжской набережной у Чкаловской лестницы. Пока дожидались его начала — в сумерках смотрел на воду, и заметил, что если резко отвести от неё взгляд на бетонный склон набережной, то этот бетон, вместо воды, начинает двигаться, колебаться, «плыть».

11 мая

Отец Евгений Юшков приехал с пасхальным угощением на стол — кулич, конфеты, сахар. Пожалуй, впервые никуда не торопился — был не на машине, а «своим ходом». Привёз распечатку вёрстки книги «Последняя тетрадь» с небольшой правкой. Думает уже о продолжении — второй части. А в конце года обе книжки соединить в одну и издать в хорошем оформлении с цветными вклейками. Предложил сходить в Художественный музей, посмотреть выставку работ Олега Григорьевича Бордея, приуроченную к 100-летию художника. Я позвонил заместителю директора музея Вере Гордеевне Хорошиловой, уточнил — да, экспозиция в «Губернаторском доме».

Пошли пешком. Жара! Вверх по Кремлю поднимались медленно. о. Евгений рассказывал о своём сельском житье, о заросшем чистотелом огороде. Я о вчерашней встрече с Коломийцем, Шаровым, Абрашкиным. У Анатолия вышла в Москве книга по тайнам «Мастера и Маргариты». Ну и просидели за столом в Союзе писателей до позднего вечера, обсуждая все наши дела за рюмкой водки. Теперь вот никак в себя не придую.

Выставка нам понравилась — картины, рисунки представлены из фондов музея и из частных собраний Голланда, Ларисы Помыткиной, Кузнецова. Но большинство работ именно из собрания Яна Голланда.

После обеда занимался подготовкой к годовому собранию — премией нашей организации за 2016 г., дела (личные) для приёма в члены Союза писателей. Приезжал Владимир Серафимович Новиков, забрал файлы для изготовления дипломов. Рассказал о поэте Владимире Константиновиче Миронове (как тот хотел застрелиться от чувства невыносимой жизни, но жена его напоила, а когда тот заснул — на лодке выплыла в озеро и утопила в нём пистолет), что, когда Владимир служил в армии, его за непокорный нрав часто и сильно били. Ох, не сладка жизнь русского мужика из глубинки, от земли, без образования. Тем и удивительнее, когда из этого неблагоприятия вдруг является в мир настоящий поэт!

Ещё утром звонил Владимир Павлович Полеванов. Переживает — получил ли я текст отправленной статьи. Подтвердил, что получил.

12 мая

Издательский совет. Подготовленная речь хозяина «Дирижабля» Якова Иосифовича Гройсмана, смысл которой — художественная литература (вся ранее изданная) низкого качества, не покупается, а потому зачем финансировать из бюджета издание подобных книг. На самом деле — он не далёк от истины. Подготовленное издательством «Книги» — всё низкого литературного качества. Но ведь под это «Дирижабль» расчищает площадку для себя. Тут виден исключительно коммерческий интерес, а не забота о литературе. Но Гройсман захотел решить вопрос кардинально — поставить на голосование предложение о финансировании проектов художественной литературы 50% на 50% — издательством и бюджетом. Понятно, что в этом случае издание наших книг однозначно бы прекратилось.

Я выступил, и сказал: без обсуждения по такому важнейшему пункту голосовать нельзя. В итоге «убийства» не состоялось. Но тенденция видна, явно прослеживается. И мне приходится тут вступать в полемику уже не в первый раз. Местная «старая тусовка» привыкла всё делить — бюджетные деньги, награды, почести, привилегии — только между собой. И до смерти будут отстаивать это право. А кто их, собственно, назначал в вершители местных судеб? Никто. Они сами себя назначили. И теперь держатся за своё место зубами.

13 мая

Станислав Смирнов попросил устроить в Союзе писателей встречу по поводу окончания работы над книгой о репрессиях. Тираж в 100 экземпляров распродан и распространён. Я думал, что соберутся какие-то люди, но кроме Станислава Александровича пришёл его соавтор, кандидат юридических наук Александр Валентинович Беляков — и всё. У меня в кабинете оказался Михаил Рубцов. Вот и устроили маленькое застолье с бутылкой скотча. И конечно, заспорили по репрессиям, о дальнейшем историческом пути России. Правда обошлось без обид и взаимных упрёков. Беляев — историк правоохранительных органов — в ответ на подаренные мною в библиотеке (во время встречи 27.04.) ему книги, принёс свои исторические исследования, очень уважительно мне подписанные. Принёс с благодарностью.

14 мая

Годовое собрание. Решил на нём провести приём новых членов. Отобрал дела Юрия Изумрудова, Алексея Лосякова, Николая Петрова, Михаила Рубцова и ещё нескольких человек. Ничто не предвещало каких-то осложнений, но бучу поднял Евгений Эрастов.

— Кроме Юрия Изумрудова, я никого не читал, и поэтому голосовать не буду. Воздержусь. И вообще, вот раньше...

Пришлось спросить:

— Кто всем вам мешал книги этих авторов прочитать загодя? Они год лежали для ознакомления у нас в библиотеке.

В очередной раз удивил Чугунов. Только вчера мне звонил, говорил, что если у Изумрудова нет книг, то принимать его нельзя. Однако, стоило выступить Эрастову (только произнести первые несколько слов), как отец Владимир стал призывать немедленно принять Юрия Александровича в Союз писателей и поддержал претензии Евгения о «неизвестных книгах». Что происходит в голове у этих людей — для меня потёмки. И чего в их действиях больше — глупости или...

Конечно, я взял ситуацию под контроль. Всех обсудили и приняли. Но к таким мелким проявлениям тщеславия, предательства никак не могу привыкнуть.

Гадкий осадок на сердце. Почему всегда его ощущаю после «больших» встреч с местными писателями?

15 мая

Праздник Жён Мироносиц!

Читал воспоминания старообрядца у Староярмарочного собора. Иду назад — на солнечной стороне аллеи у Красного дома буйство красок: внизу сочная зелёная трава сплошь покрыта жёлтыми цветами одуванчиков. А над этой красотой кипейно-белое цветение калины, приглушённо-белое рябины, спокойно-белое яблони. Между ними жёлто-тёмными искорками, вкраплениями цветёт акация, и большими, сиреневыми гроздьями сирень.

Пройдёт совсем немного времени, и всё это исчезнет. Но сейчас — красота!

16 мая

На Оке над островом кружит ястреб. Вот и этот прилетел в свои владения.

Отдал для номера «Вертикали. XXI век» последние материалы. Наверное, ещё что-то понадобится, но основная работа сделана. Внёс правку в тексты В.П. Полеванова и В.И. Заноги, вычитал (большая работа, неряшливо написано) воспоминания В.Г. Татаринцева — война и послевоенный Баку.

Звонили из фонда митрополита Николая (Кутепова). В программе Мининской конференции стоит мой доклад. Не хватило духу сразу отказаться. Но, конечно, не пойду. Всё это пустые хлопоты.

Из министерства культуры вновь зовут в Болдино на Пушкинский праздник. От одного этого названия такой скукой повеяло... А ещё зовут в Лысково на дни памяти князя Грузинского. В Сеченово (Глыбин) на представление его книги о знаменитых земляках. Не разорваться же. К тому же своя работа требует сосредоточенности. Наконец-то начал приобретать форму роман-дневник.

20 мая

Пришли статьи от Станислава Смирнова и Ирины Сергеевны Цветковой (Херсон). Станислав написал довольно пространно о красном терроре в Нижегородской губернии. Есть интересный фактический материал. Но главное: две статьи с разных позиций — Никонов и Смирнов — рассказывают примерно об одном и том же времени в Нижнем Новгороде. И как разнятся их оценки, взгляды. И у каждого своя правда. Вот что значит гражданская междоусобица. Сто лет прошло (этими статьями «Вертикаль-48» начинается разговор в преддверии юбилея революции — переворота 1917 года), а примирения нет и не предвидится. Публикация (именно из-за непримиримости сторон) будет интересной.

Цветкова о событиях на Украине написала «на нервах». Подписалась псевдонимом — боится. И есть чего. Высказала горький упрёк России — не оправдала надежд, бросила в трудную минуту. Здесь автору можно было бы возразить — в своём государстве разбирайтесь сами. Она это предвидит, и идёт в наступление: Российская армия правопреемница армии СССР, которую строили все жители страны, включая и тех, которых сейчас гнобят на Украине. Так почему же эта армия не защищает тех стариков (да и не только их), кто столько сил и средств вложил на её создание? Честно скажу — не знаю, что на это ответить. Одно ясно — это крик отчаяния, потому что больше защиты униженным и оскорблённым, ограбленным и избитым искать негде.

Думая обо всём этом, смотрел с моста, как ветер по Оке против течения гонит большие, буквально морские, валы с белыми гребнями. Не часто такое увидишь. Но как спокойна, мощна в своей силе стихия. Запораживающее зрелище!

Отослал в журнал «Столица Нижний» статью о книгах Анатолия Абрашкина. Надо Анатолия Александровича поддержать, дать красивую публикацию.

Ближе к ночи позвонил А.В. Мюрисеп. Из типографии в Союз писателей привезли половину тиража его книги «Степень свободы», и Александр Васильевич хотел узнать моё мнение о ней, услышать добрые слова. Я же пробормотал что-то не совсем вразумительное, чем его, несомненно, расстроил. Расстроил незаслуженно. Потому что «Степень свободы» — книга хорошая, ранее вся мною прочитанная (по отдельным публикациям). И оформлена довольно неплохо. Хотя и возвышенные оценки Мюрисепа по этому поводу я не разделяю. Скажу даже — в оформлении есть некая провинциальная претензия на оригинальность. И это нехорошо. Уж лучше попроще, классически.

21 мая

Вот уже несколько дней в новостях главная тема — катастрофа (я уверен — теракт) египетского «Боинга», летевшего из Парижа в Каир. Самое страшное, что мы все к подобным новостям начинаем привыкать.

Михаил Рубцов зазвал на чтение акафиста Николаю II у «Покаянного Креста». Пошли с Ириной. В сквере на улице Маслякова «столпотворение» из Михаила (в красной праздничной русской рубашке), А.М. Коломийца, одинокой старушки и непонятного вида мужичка.

Прочитали акафист, помолились. В заключение Михаил организовал Крестный ход с иконами Государя и Григория Долбунова по Большой Покровской из двух человек — он и мужичок. Немного с ними прошёл Коломиец. Мы с Ириной отказались. Рубцов не настаивал.

23 мая

В Академии госслужбы скромненько отметили 80-летие Анатолия Ивановича Пафнутьева. Человек сложной судьбы — детство в немецкой оккупации, в молодости закончил юридический факультет Московского государственного университета, работа, алкоголизм, потеря семьи, тяжёлое восстановление «на сухую». При этом успел стать кандидатом юридических наук, практически всю жизнь преподаёт в высших учебных заведениях, является автором монографий и всего прочего, положенного в этом статусе. К этому ещё примешалась «поэтическая тяга», и как следствие, непризнание... Жизнь заканчивается (при двух семьях) проживанием в комнате студенческого общежития. Впрочем, он всем доволен, всё его устраивает.

Пафнутьев — добр, талантлив и сострадателен. Пока поднимались по лестнице на пятый этаж в комнату, где в уголке между стеной и шкафом втиснут его рабочий стол, Анатолий Иванович сказал: «Знаешь, часто вспоминаю детство и совсем не вспоминаю время московского студенчества».

За праздничным столом (небольшим, несколько коллег-преподавателей) вручил юбиляру диплом нашей (Нижегородской областной организации СП России) премии, пожалел, что Пафнутьев перестал писать свои литературные заметки. Это у него получается лучше стихов — в оценках, видении чужого творчества он оригинален, мыслит свободно, нестандартно, самостоятельно.

Провожая, Анатолий Иванович пообещал всё-таки подготовить текст книжки с заметками о произведениях А.С. Пушкина. Не уверен, что соберётся. А хотелось бы такую книжку выпустить.

Шёл с юбилея с какой-то грустью в сердце и с полным пониманием ненужности таких «придуманных», тягостных торжеств.

26 мая

А.В. Мюрисеп осуществил новую постановку. На этот раз оперы «Зори здесь тихие» со студентами консерватории. Показал в зале Дома актёров. Музыка исполнял Нижегородский русский народный оркестр (дирижировал Борис Схиртладзе). Сцена маленькая, но Александр Васильевич

всех уместил, хор пел из зрительного зала. Удивительно, но получился полноценный драматический спектакль, в котором герои (всё отличие) не разговаривают, а поют. Немножко комически выглядел старшина (А. Пузырёв), больше напоминающий шириной, басовитостью, жестами сельского раскормленного попа, а не отца-командира. Но и об этом во время действия забываешь.

28 мая Лысково — Макарьевский монастырь

Как и в прошлом году, Лития в Спасо-Преображенском соборе по светлейшему князю Георгию Александровичу Грузинскому, который несколько десятилетий был предводителем дворянства Нижегородской губернии и имел множество других заслуг перед государством. Службу провели два священника — местный и из Грузинской церкви Москвы — тоже прошлогодние знакомцы. Лысковский священник (не запомнил его имя, но узнал, что он из бывших журналистов, краевед) сказал хорошее слово о князе, подтверждая свои выводы ссылкой на документы, которые разыскал в областном архиве.

Я спросил о могиле (захоронении) Грузинского — действительно ли она здесь? Или в церкви лежит только надгробная плита?

— Захоронение здесь. Мы, когда были мальчишками, в небольшие проёмы пролезали и заглядывали в подвалы собора. Видели там надгробья. Так что под нами, под полом некрополь (родовой) Грузинских.

— Вы думаете, его не разорили, не осквернили?

— Нет. Но кто именно там захоронен, нужно узнавать в архивах. Видимо, опять придётся всем эти заняться мне.

Митинг у мемориальной доски, посвящённой памяти Грузинского. Я в своём выступлении предложил, чтобы в городе в день памяти князя вспоминали и других замечательных людей, много сделавших добра для Лысковской земли.

После говорили «академик» Сергей Скатов, журналист Валерий Татаринцев, Кукунашвили от грузинской диаспоры, «атаман» Назимов, «академик и профессор» Мария Сухорукова...

Экскурсия по Центру народного творчества «Рассвет» (замечательное дело делают энтузиасты, обучая детей ткачеству, кузнечному и гончарному делу, рисованию, шитью, работе с кожей, деревом, камнем...) Краеведческий музей оставил жалкое впечатление, но директор истово любит (и знает) своё дело. Слушали её с удовольствием.

На пароме переплыли Волгу (а это целое 40-минутное путешествие). На воде хорошо. Наблюдал за ястребами. Они кружатся над водой, пикируют вниз и выхватывают когтистыми лапами рыбу. Видимо — большую. Это добыча более лёгкая, вот они и составляют конкуренцию чайкам.

В Свято-Троице-Макарьево-Желтоводском монастыре встретила матушка игуменья Михаила с двумя девочками («мои дочки») лет десяти. Фотографировались, долго трапезничали, говоря тосты под вкусное грузинское вино.

Я поднял бокал за любовь и веру — только это объединяет людей, даёт возможность для их дальнейшего существования. После меня каждый говорил только лично о себе и своих достижениях. Как это скучно. Но матушка выступила в роли доброй и заботливой хозяйки. С удовольствием пригубила вино: («Ну, давайте на посошок до дна и бегом к мощам...»), рассказывала о восстановлении обители из страшной «мерзости запустения». Это сейчас она сплошь цветущий сад. Сама провела нас по церквям и соборам. Приложились к мощам Макария Желтоводского. На паром чуть успели.

Матушка Михаила проводила нас до самой пристани, и, оставшись на ней одна, ещё долго крестила (благословляла) нас своим крестом. Когда паром довольно далеко отплыл, помахала рукой и одиноко побрела к монастырю (как мать, проводившая в дорогу своих детей) — невысокая, полная, тяжело идущая.

В город въехали по Карповскому мосту. Вышли с Ириной у парка Дубки и до Комсомольской площади (до магазина «Новость») шли пешком. Делились впечатлениями от поездки.

2 июня

Выставочные залы на площади Минина. Множество работ Сергея Квача. Странное впечатление от увиденного. Кажется, умеет автор справиться с любой задачей — живопись, графика, акварель. Но всё подражательно. Всё исполнено в разных манерах, в разной технике. И не покидает чувство, что всё это многообразие уже видел у каких-то других художников. Ну, например, серии акварелей. Одна явно сделана (пейзажи, цветы) — под картины Нины Ивановны Ждановой, другая — полная противоположность (городские этюды) под Владимира Рекина. И так во всём.

Мы бы не пришли на эту выставку, если бы не В.И. Занюга. Володя захотел показать в других залах, отданных под пасхальную выставку, новые картины своей дочери Маши. Их там три. Пасхальное угощение, вид из мастерской на леса Приючья (большое, интересное полотно), и «За чтением». Последняя картина нас «затянула». Не хотелось от неё уходить. Я её назвал — открывающая суть русской интеллигенции. За старым письменным столом под киотом со многими иконами, у окна сидит пожилая женщина (к зрителю боком, лицо не угадывается) и читает книгу. За окном осенний пейзаж. Вдалеке, на возвышенности, очертания белой церкви.

Маша рассказала — писала эту работу (большую, на холсте) с натуры у подружки матери. Женщина на картине — это Нина Ивановна Жданова. Но вот интересная деталь — церковь она написала по какому-то наитию: «Потому что она там должна быть». И ведь, действительно, была. Хозяйка дома подтвердила. Только до нашего времени не достояла. Вот теперь и гадай — что или кто «подтолкнул» художника «присочинить» в картине Божий храм?

Просмотрели три зала гжели художника-керамиста Сергея Владимировича Исаева. И чего там только не выставлено, каких только причуд не воплощено — от часов до статуэток...

Заглянули и в зал фотографий с Афона протоиерея Игоря Пчелинцева. Бывший наш священник (я у него исповедовался и причащался, когда он служил в Строгановской церкви на улице Рождественской) теперь находится в Израиле, на Святой Земле, в Миссии Русской Православной Церкви.

Красиво, профессионально, есть и два впечатляющих кадра (старец принимает исповедь, успокаивает с любовью и состраданием).

3 июня

В городе министерство культуры вновь проводит «Литературную ночь». Попросили меня в Союзе писателей что-то организовать. Позвал Бориса Селезнёва (в первую очередь), А.М. Коломийца. Алексей Маркович устроил целый творческий вечер. Пришли Андрей Тремасов, Ярослав Кауров, Николай Тихонов (Чих), Ирина Дементьева, которая, кроме своих, прочитала стихи Сергея Карасёва и Лигии Лопуховой.

Всех представлял как авторов «Вертикали. XXI век» — журнала и издательства. Через усилитель трансляция велась на улицу. По завершении вечера дружески пообщались в моём кабинете.

Когда на вечере представляла слово для выступления, то всё шутил — сплошь учёные — доктора и кандидаты наук. Непонятно — творческий вечер или учёный совет.

4–5 июня Большое Болдино

Поехал только после настойчивых просьб, взяв с собой Михаила Рубцова и Анатолия Абрашкина. Долго и с удовольствием гуляли по парку. В самом его конце выстроена небольшая деревянная церквушка (зачем

она здесь?), с паперти которой открывается замечательный вид на дальние холмы и перелески, зелёные поля и овраги.

В ложбинке у ручья растёт громадная ветла в шесть обхватов. Удивительно старое и ещё крепкое дерево. Дотрагиваешься до его ствола, до старой твёрдой коры, и словно соприкасаешься с иным временем, с иными людьми, которых давным-давно нет на этом свете. Особенное чувство испытываешь от тишины. Гуляние праздничное наверху, довольно далеко за парком, садом, прудами. А тут тишина, покой, редко кто из гостей добирается в этот угол усадьбы, где старое дерево говорит с вечностью, где воздвигнута никому не нужная церквушка и еле движется вода в крохотном, обессиленном ручейке.

Прошли с экскурсией по пушкинскому дому, конторе приказчика. Расположились в гостинице отдохнуть. Бутылку коньяка распили по приезду. Теперь выпили бутылку водки, и тут звонок: «Валерий Викторович, не вижу вас в зале. Вам на сцену нужно будет выходить». Пошли в новый культурный центр. Зрительный зал большой, с удобными креслами. Сразу после торжественного открытия и выступления заместителя министра культуры Аллы Александровны Забегаловой приглашают меня. Говорю о том (придумал за несколько минут, пока был в зале), что А.С. Пушкин воспел женскую красоту, любовь и что-то ещё в этом же роде. Вроде бы всё прошло гладко.

05.06. Зашли в большую каменную церковь рядом с усадьбой. Постояли на службе. У памятника А.С. Пушкину оживление. Всё готово к возложению цветов. Проят и меня с Виктором Фёдоровичем Кирюшиным (Москва) отнести корзину.

Гуляние у барского дома на этот раз более скромное, я бы даже сказал, тихое.

Во Львовку и рощу Лучинник с Михаилом Рубцовым не поехали. Остались в парке. Рубцов в белой русской рубаше, подпоясанный плетёным разноцветным пояском, бородатый. В этом парке он на своём месте — будто фольклорный персонаж.

За прощальным обедом, после тоста главы района по настоянию Валерия Тургая (сидели за одним столом) в тишине и безразличии поблагодарил хозяев за радушный приём.

Дорога назад — пытка. Долго. Местный поэт Александр Попов напился, и потому говорил что-то многословно, громко, надоедливо. Анатолий Абрашкин его поддержал. Крики, песни, гогот... Но доехали.

6 июня

Дочитал огромную книгу старовера «Повесть и житие Даниила Терентьевича Зайцева». Странное впечатление оставил этот текст. Я не говорю о противоречиях внутри книги (например, приехал в Россию, дали денег, земли, дома, технику, но внутри своей семьи, большей частью из-за зависти, все переругались, всё развалили, побросали, оставили благодетелям долги и с проклятиями в адрес России уехали из страны), но имею ввиду то состояние духа, что терзает человека, оставившего когда-то Богом данную ему страну. И нет ему, его душе, успокоения нигде. Подумать только — шестьдесят раз Зайцев со своей семьёй переезжал с места на место, из страны в страну, с континента на континент — и нигде ему не было по душе. Всё не так! Истинно — перекачи поле. Обновится, пустит неглубокие корни, поживёт сколько-то и опять встанет (душевное беспокойство) гонит дальше. Сохранили язык, одежду, веру в Бога (с большими, как видно по тексту, потерями) — но всё это без родной земли никчёмно.

Единственное, в чём я согласен с автором (когда он увидел смуту на Болотной площади после избрания В.В. Путина вновь президентом) — «Вы недовольны Путиным, но вам Бог его дал, за ваши беззакония и неправды. Хотите хорошей власти — молитесь и поститесь, как ниневитяны, и будет вам продление веку, и власти, и изобилия. Другого выхода нет и не будет».

Ночью отправил рассказ «Лестница» на сайт «Дня литературы». Сегодня же вечером пришёл ответ: «Ваш великолепный рассказ — на сайте». После журнала «Новая Немига литературная» и альманаха «Тула» это третий выход текста (после последней переделки) к читателям.

Во время возвращения из Болдина дивился разноцветности полей — чёрные от вспаханной земли, ярко-жёлтые от цветущей «пастушьей сумки», приглушённо-фиолетовые от цветов-свечек, белёсо-зелёные от поднявшихся посевов пшеницы и изумрудные на дальних склонах холмов, когда уходит тень от облаков и солнце заливает округу. Дивен мир и красив.

9 июня

Из типографии привезли несколько экземпляров «Вертикали. XXI век» № 48 — для проверки. Собирался номер, в котором много юбилейных материалов, несколько хаотично. Я волновался — не скажется ли это на качестве выпуска. Но теперь успокоился. Некоторые материалы надо бы поменять местами, хотя это и не принципиально.

В интернете беседа Константина Душенова. Интересный его рассказ о посещении В.В. Путиным святой горы Афон. Ссылается и цитирует греческие СМИ. Оказывается, греки вели прямую пятичасовую телевизионную трансляцию встречи Владимира Владимировича на Святой земле. Особое впечатление произвело на корреспондента англоязычной греческой газеты то, что в какой-то момент Путин попросил оставить его одного (в том числе и охрану), и, взяв чётки, на сорок минут ушёл от всех. Где он был и о чём молился — никто не знает. Но это было именно удивление.

Всякий, кто берёт на себя какую-то честную миссию — малую или большую — должен осознавать, что удел его — одиночество и обывательское непонимание. Это раздражительно, обидно — но поделать ничего нельзя. Нужно только честно идти выбранным путём, трудиться ради тех же неразумных обывателей, ради будущего. Пока те же обыватели крадут, делят то, что им попало в руки, не задавая себе вопрос, не утруждая себя им — а что дальше? Куда всё это поделенное и украденное пойдёт?

Поэтому нечего ждать, что кто-то поможет в издании журнала... Да я давно уже не жду. На то оно и служение, что требует самоотречения.

12 июня

Завтра утром еду в Москву. Поездка как следует не подготовлена, но отступать некуда. Поэтому пришлось сейчас дома написать статью (обещал) и отослать в журнал «Столица Нижний». Тема — музыка и литература. Не знаю, зачем я сотрудничаю с этим изданием? Видимо, в благодарности за то, что они дали возможность отметить на своих глянцевых страницах (тираж 10 тысяч экземпляров) 15-летие «Вертикали. XXI век». Совесть не позволяет быть должником.

Перестал записывать о терактах. Каждый день гибнут люди, особенно на Ближнем Востоке: Ираке, Иране, Сирии, Израиле, Египте — везде. Европу, когда речь идёт не о её территории, эта кровь (пролитая, невинная) не беспокоит. Однако то, что произошло сегодня в США (Флорида, город Орланд), пропустить невозможно. В гей-клуб «Пульс» зашёл человек (гражданин Соединённых Штатов, сын афганских родителей) и из огнестрельного оружия убил пятьдесят человек и ранил ещё 53-х. В.В. Путин направил телеграмму соболезнования Бараку Обаме.

13-17 июня Москва

Привёз «Вертикаль-47». Совершенно забыл, что сегодня праздник — выходной день. Пришлось с Николаем Викторовичем Офитовым отправиться гулять в Измайловский парк. Там и прочитал статью Владимира Бондаренко «Доносы закулисного человека» в «Дне литературы» (№ 4,

2016). Отклик на безобразную статью Александра Байгушева в «Литературной России».

Что касается моего интервью с Александром Ивановичем Казинцевым: «Проходится в своей статье Байгушев и по покойному Кожину, и по Проханову, опять же с явными бредовыми измышлениями. Так он уверяет: «Сейчас Александр Проханов анонсирован в первом и втором номерах «Нашего современника» с новым своим авангардистским романом... Как совместим авангардист со старым русским, почвенным, принципиально деревенским (от сохи), по своему прежнему духу журналом?! Но своя рука владыка. А в ответную благодарность «серый кардинал» (Казинцев — В.С.) взял покладистого Проханова за горло, и тот оперативно напечатал явно состряпанное самим «Козьявкой» наглое интервью с самим собой «Патриотизм — это не Собес». Благодарный Проханов даже перестарался — напечатал Казинцева не только в своей газете «Завтра» (2016, № 4), но и ещё в расширенном варианте в приложении к своей газете бондаренковском «Дне литературы» (2016, № 1). Вот такие у нас творятся бесстыдные дела по взаимному «перекрёстному опылению» в якобы ура-патриотической периодике...» Во-первых, романы Проханова в журнале печатаются с ведома и по настоянию самого Куняева, с Казинцевым Проханов вообще мало знаком. Да и не нуждается Проханов в перекрёстном опылении. Во-вторых, интервью Казинцева для «Дня литературы» отобрал лично я, и поместил, как один из лучших материалов, на полосу «Завтра», выделенную Прохановым для моей газеты. Думаю, Александр Андреевич так до этого интервью и не добрался, и знать о нём ничего не знает. Вот такие конспирологические бредни печатает Огрызко в своей газете».

Прочитал я это у Бондаренко, и вновь подумал — надо писать статью и мне.

Дома в новостях узнаю — РПЦ не поедет на остров Крит и не будет принимать участие во Вселенском Православном соборе. До нас отказались Болгарская, Антиохийская, Грузинская и с оговорками Сербская церкви (поместные). Готовился этот Собор пятьдесят лет. Не проводился тысячу лет. И вот — всё сорвалось.

Позиция нашего патриархата вызывает много вопросов. То они подготавливали все подготовленные документы. Слова патриарха Кирилла: «Они опубликованы и потому все сомнения сняты. Все с ними могут ознакомиться». Теперь митрополит Илларион, руководитель внешнеполитического отдела РПЦ, говорит о каких-то неприемлемых посылах в этих бумагах. Что им мешало до этого так высказываться? Непонятно!

На этом фоне встреча патриарха с Римским папой приобретает уж и вовсе какой-то зловещий смысл.

14.06. Звоню Н.Н. Шестинской (хотел встретиться). Она у подруги на даче.

— Наконец-то объявился. А я уж думала, что обиделся и потому не звонишь.

Уверил Нину Николаевну — ничего подобного быть просто не может. — Тогда я буду тебе звонить.

С В.А. Карпычевым разговор короткий, деловой.

— Валерий Викторович, рад вас слышать. Мы вас любим и ждём на нашей встрече в четверг. Я познакомлю вас с семейством Чкаловых. Собираемся на пристани у Речного вокзала в 10-30. Теплоход «Союз» отойдёт в 11-00 от причала № 1. Всего ожидается 45 человек.

Повёз с Николаем Офитовым в Союз писателей России «Вертикаль. XXI век». Там никого, но Светлану Васильевну Вьюгину застал. Она помогла связаться с врачом и писателем (деятельным человеком) Александром Петровичем Брежневым. Надеюсь на его участие в жизни журнала. Заглянул в «День литературы» к Валентине Григорьевне Ерофеевой. Хвалит «Лестницу», обзор «Вертикали-46, 47» обещает дать в следующем номере газеты.

Из Союта этнографией по бульварам дошли до «Нашего современника». На всём пути этнографические выставки и представления — бывшая русская жизнь с кузнецами, гончарами, воинами в кольчугах и шлемах с пиками и мечами.

С Александром Казинцевым в беседе коснулись темы публикаций Байгушева. Журнал уже напечатал ответы «Литературной России» в 5-м номере и ещё будут в 6-м. С.Ю. Куняев, действительно, Байгушеву звонил. Но цель — не оправдание, а узнать, «не от президентской ли администрации, не от Володина ли идёт недовольство «Нашим современником». Володин — заместитель главы администрации Путина. Иными словами — смелость публикаций не исключает осторожности и оглядливости. Все участвуют в большой политической игре.

15.06. Третьяковская галерея. Пять часов в залах, наполненных картинами — по репродукциям знакомыми с самого детства. Светлое, хорошее чувство на сердце. Что-то сродни празднику.

После зала с иконами поднялись к картинам Валентина Александровича Серова, да так и пошли в обратном направлении — от двадцатого века к семнадцатому. Именно в конце, в портретных залах (народу уже мало, перед закрытием даже пустынно) испытал чувство — будто побывал в старой русской усадьбе. Дух того времени (неведомо как до меня дошедший) почувствовал. Лица, лица... А ведь все они когда-то были живы — страдали, мечтали, любили, надеялись...

На выход пошёл прежним маршрутом — по гулким залам — пока у картины Ивана Николаевича Крамского мне не объявили — музей закрывается.

16.06. Движемся по каналу. Пять часов на воде. Сначала выступления (пришлось и мне говорить, подарить землячеству свои книги «Сроки», «В предчувствии Апокалипсиса» и выпуски «Вертикали-46 и 47»), потом застолье, тосты. Вёл встречу Виктор Александрович Карпочев. Любопытное сообщение сотрудницы Института мировой литературы им. А.М. Горького Л.А. Спиридоновой. Исследуя документы из открытого фонда ФСБ, она пришла к выводу, что М. Горького, через внучек (они тоже были на пароходе — теперь уже милые старушки) специально заразили болезнью. Секретная лаборатория по изготовлению ядов и вирусов подчинялась Генриху Григорьевичу Ягоде (Енох Гершевич Иегуда), который готовил заговор против И.В. Сталина. Похоже, что Алексей Максимович знал о предстоящих событиях, и именно поэтому его устранили — чтобы не предупредил. Перед смертью Горького к нему несколько раз приезжал И.В. Сталин. Вероятно, хотел что-то узнать о заговоре.

В.Н. Исайчев читал свои стихи и пел. Бывший мэр Сарова возмущался, что в этом городе работало пять трижды Героев Социалистического Труда, учёных, — но об этом почти никто не знает. Писатели не пишут. Спрашивается — когда он был у власти, то кто ему мешал всё это организовать, пригласить писателей, издать книги воспоминаний?

Вернулись в Москву, сфотографировались на память (фотограф из «Литературной газеты») и разошлись. Алексей Фёдоров всё-таки нашёл меня на аллее в парке у Речного вокзала. Достал из сумки бутылку водки. Пришлось с ним немного выпить, но больше наблюдал за дроздами, как они выискивают на газоне червячков, букашек, набирают их в клюв и улетают. И всё это конвейером, без перерыва. Кормят появившееся на свет потомство.

17.06. По предложению В.А. Карпочева позвонил Чарыкову Рэму Ивановичу — зятю В.П. Чкалова. С Николаем Офитовым от метро «Полежаевская» поехали к нему в «Серебряный бор», дача 19-А. Огромный участок леса, подаренный правительством страны семье после гибели прославленного лётчика. Теперь с трудом отбиваются от наседающих риэлтеров. Дом тоже большой, с просторными комнатами. Хозяева гостеприимны. Говорили о всём, без системы, что связано с

памятью Валерия Павловича — книгах, фильмах, борьбе за установление памятника в Москве... Это больше ознакомительная беседа друг с другом.

Рэму Ивановичу 86 лет. Бодр, энергичен, деятелен. Переделал для «Вертикали. XXI век» материал — киносценарий, из которого я попытаюсь сделать статью или как-то иначе подготовить для публикации. После чая хозяйин с внучкой проводили нас до автобуса. Пахнет лесом, хвоей, сосновой смолой. Удивительно — и это в Москве.

В поезде читал повести и рассказы Михаила Афанасьевича Булгакова — его фантастику 20-х годов двадцатого века («Похождения Чичикова», «Дьяволиаду», «Ханский огонь», «Роковые яйца» и прочее.) Скучно!

21 июня

Стоял на берегу Оки, загорал и дочитывал повести Булгакова. («Собачье сердце»). Понимаю, что Михаил Афанасьевич в своих произведениях этого периода поставил диагноз грядущему российскому обществу на весь двадцатый век (а может, и двадцать первый) — вперёд. Та социальная трансформация, что изменила прежний уклад жизни, прежнюю расстановку ценностей, накрепко въелась, внедрилась в большую часть именно российского общества (в то время крепко разбавленного еврейством). В национальных республиках общинный уклад жизни, доставшийся от предков (плох он или хорош — не в этом суть) удержал народы (Средней Азии) от подобной трансформации.

Вечером в нашем академическом театре драмы «Ревизор» (гастроли театра на Малой Бронной) — оригинальная и «человечная» постановка режиссёра Сергея Голомазова. Конечно, осовремененная. Хлестаков (Даниил Страхов) соблазняет дочь городничего и его жену, находясь «под кайфом» — наркотик принёс купец-татарин (явно «браток» из 90-х годов). Но играет Страхов не фигляра, а попавшего в странную историю человека. Не циника, а доброго и довольно искреннего малого. Городничий (Леонид Каневский) не провинциальный идиот, а вызывающий сочувствие человек.

22 июня

Продолжаются звонки Рэма Ивановича Чарыкова. Не всегда улавливаю смысл его разговоров. Ясно, что переданный мне текст не готов для публикации в журнале. Но что с ним тогда делать, я понять не могу. Чарыков хочет передать дополнительно фотографии, вырезки из газет (в том числе и иностранных) — отклики на гибель В.П. Чкалова, свой фильм, посвящённый этой же теме — всё для того, чтобы я составил своё мнение о произошедшей трагедии. Но когда это всё дойдёт до меня? Буду просить Николая Офитова, чтобы съездил к старику, забрал передаваемые материалы.

23 июня Горбатовка

Вчера отмечали день рождения А.Ф. Важнёва. Я приехать не смог — помешал ливень. Зато ближе к вечеру хорошо поработал в Союзе писателей над текстами. Пришлось срочно решать вопросы и по финансированию «Вертикали-48».

Сегодня поехал (после встречи с о. Е. Юшковым — о. Евгений приехал за удостоверением члена Союза писателей России), чтобы подарить Александру Фёдоровичу отлично изданную книгу-альбом о Ветлуге — родной для него реки.

Показал хозяйин свою новую картину «Вспоминая Средиземное море». Прибой, волны, закат. Впервые поднялись с ним на третий этаж, под крышу дома — полностью сделанный, но не обжитый.

В итоге — подарил мне Важнёв свою картину «Пионы» (я было заотказывался принимать, чем обидел автора) с тёплой надписью: «В знак нашей дружбы Ваерию Сдобнякову».

Весь вечер деликатесный щедрый стол, дорогой коньяк семилетней выдержки. В телевизионных новостях главная тема — референдум в Великобритании по поводу выхода из Евросоюза.

24 июня

В Великобритании объявлены результаты — 52% за выход и 48% за сохранение членства в ЕС (Англия, Уэльс — выход. Шотландия, Северная Ирландия — остаться). В Шотландии вновь заговорили о повторном референдуме о независимости от королевства. Правые партии Франции и Нидерландов заявили о готовности провести свои референдумы о выходе из ЕС. Политическая Европа кипит.

Напротив, на встрече в Ташкенте страны ШОС (Шанхайская организация сотрудничества) начали процедуру приёма в свою организацию Индии и Пакистана.

Из новостей в России — арест губернатора Кировской области Никиты Белых. Задержан в Москве во время получения взятки в 400 тысяч евро. Это уже третий, после Сахалинского и Коми, губернатор-стяжатель.

Из журнала «Столица Нижний» прислали вёрстку моей статьи «Слово и звук». Предлагают заменить название. Согласился. Зато фотографию Юрия Адрианова сохранил. И композитора, народного артиста СССР Александра Александровича Касьянова помянул. Так отвоёвываем русское пространство в местной культуре. Позже, если не поленюсь, все эти заметки соберу и опубликую в «Вертикали. XXI век».

Вечером в телефонном разговоре с о. В. Чугуновым слегка коснулись темы выхода Британии из ЕС.

— А ты знаешь хоть один пример в истории, где бы англичане не выиграли, когда бы что-то делали не в свою пользу? — спросил меня отец Владимир.

Точно! И здесь английская крыса первая почувствовала, что пора бежать с этого корабля, что все возможные выгоды уже получены, дальше будут только потери. И она бежит!.. Пока все остальные не догадываются о грядущих испытаниях.

25 июня

«Тартюф» с Виктором Сухоруковым в главной роли. Комедией Мольера Московский драматический театр на Малой Бронной заканчивает гастроль в Нижнем Новгороде.

В первом действии на фоне Александра Самойленко (Оргон), Ольги Ломоносовой (Эльмира), Владимира Яровского (Клеант), Агриппины Стекловой (Дорина) Сухоруков выглядел самым живым, «заведённым», в нём жил тот образ, которого он играл, но во втором и он как-то «скис», «потух». Жаль. Оттого и весь спектакль оставил впечатление... Ну, не знаю — какой-то неудовлетворённости, что ли. Хотя Ирине, которая была со мной, он понравился.

С А.В. Мюрисепом в оценках мы сошлись.

26 июня

Который уже день стоит жара. Пошли с Ириной на прогулку к Мещерскому озеру. Многие купаются. И тут же несколько уток со своими выводками — совершенно не боятся людей, чуть ли не между ними плавают. То же и на другой стороне озера. Всё, как в центре Сормова на Юбилейном бульваре. Там птицы и вовсе выходят из воды, подходят к людям, ждут хлеба. Как же всё разумно в природе (никакой случайности, никакого хаоса) — там, где в уток стреляют (в болотах, озёрах, лесных речках), они на многие десятки метров к себе охотника не подпустят. И лишь обманом (манком, подсадной уткой) эту птицу добывают — она поддаётся инстинкту размножения, летит на зов страсти. И тут, в городе, первые обитатели озёр, наверняка, прятались, таились, боялись

смерти от людей. Но два-три поколения, что появились здесь на свет, и вернувшиеся сюда выводить своё потомство уже привыкли к «мирной, спокойной жизни» около людей, и вот — совершенно их не боятся.

Полетят осенью на юг — по дороге в них будут стрелять. Утки станут опасаться, уходить от людей в сторону, ввысь, таиться в камышах и лесных лужах. Но здесь вновь не будут опасаться людей, когда весной вернуться и выведут новое потомство. Здесь для них дом (добрый, сытный, защищённый), здесь земля обетованная... А кто-то говорил, что у обитателей дикой природы отсутствует абстрактное чувство добра и зла, что живут они только инстинктами... Куда же этот инстинкт делся у птиц, что выводят своих птенцов к людям с уверенностью, что крохам ничего не грозит?..

27 июня

Дочитал и внёс правку в компьютерный набор текста дневника за 2005 год — пятая глава будущей книги (как я определил её жанр — роман-дневник), которую я продолжаю и в этом ежедневнике. Много было сомнений — стоит ли публиковать эти записи? Давал читать отдельные главы-годы Михаилу Рубцову, Ирине, А.М. Коломийцу. Весь текст набирает Татьяна Антипова. Все они укрепили меня в мысли, что дневник следует предать гласности, обнародовать.

Почему «роман»? Потому что в записях прослеживается основной сюжет (жизнь журнала «Вертикаль. XXI век»), есть побочные сюжеты, которые получают своё развитие. Есть главный герой и герои, которые (жизнь которых вместе с журналом) прослеживаются на протяжении долгих лет. Есть сюжетные побочные линии и второстепенные герои. Но всё это (включая «страсти» — обиды, предательства, радости и горести, наконец, смерти) создаёт одну цельную картину. Отдельные главы для публикации отослал в Смоленск, Тулу, Красноярск. Буду оттуда ждать откликов. Но для меня этот вопрос, кажется, решён.

В офис приходил Михаил Рубцов. Принёс красивую русскую рубаху и пояс, сотканный в Лыскове. Я померил, и сам себе понравился.

— Ведь говорил же, что когда-то надо начинать носить. Вот и начинай, — поддержал Михаил моё восторженное чувство.

При мне он позвонил на завод «70-летия Победы». Там подтвердили — принято решение по моему письму об одноразовой поддержке журнала благотворительной помощью. Отец Сергей Муратов договорился с каким-то депутатом тоже о небольшом вспоможении.

Три дня назад приезжал (за удостоверением члена СП) отец Евгений Юшков и тоже внёс небольшую лепту. А перед этим отец Владимир Чугунов перечислил деньги. Так общими усилиями и с Божьей помощью издаём «Вертикаль. XXI век».

Политическое событие — президент Турции Реджеп Эрдоган прислал письмо В.В. Путину с извинениями за сбитый самолёт, соболезнованиями в связи со смертью (гибелью) лётчика. Высказал желание возместить весь причинённый ущерб. Утверждает, что всегда наши народы были дружны... Однозначно верить Эрдогану нельзя. Но это ещё одна, вне всякого сомнения, дипломатическая победа президента России и проигрыш Запада. Подобные покаянные письма — крайне редки в международных отношениях.

28 июня

Закончил с вёрсткой книги стихов «Избранного» Николая Петрова. Утвердил подготовленную публикацию в журнале «Столица Нижний» для 7-го номера. Встретился на ярмарке с отцом Сергием Муратовым. Передал ему удостоверение члена Союза писателей России. По этому поводу зазвал меня батюшка пообедать в ресторан «Меркурий». Спокойно поговорили, поближе познакомились. Муратов совсем не пьёт спиртного. Возможно, осенью буду издавать новую книжку его стихов.

Заказав удостоверение нашей организации — начинаю реализовывать давнюю задумку.

Из «Слова дня» № 129 (интернет, сайт газеты «День» — «День ТВ») Иван Вишневецкий: «Папа Римский Франциск 27 июня 2016 года заявил, что все христиане и Римская католическая церковь должны попросить прощение у геев за прошлое отношение к сексуальным меньшинствам». Ольга Четверикова: «В 2008 году принята декларация о правах человека и гендерной идентичности. Ватикан на это ответил своей резолюцией, в которой, фактически, поддержал первую».

Вновь недоумение — зная всё это, патриарх Кирилл едет и встречается с папой Франциском в аэропорту Гаваны.

В Стамбуле в аэропорту им. Ататюрка теракт. Стрельба из автоматов, три взрыва. Около 40 человек погибло, 150 пострадало.

29 июня

На берегу Оки со стороны улицы Черниговской читаю воспоминания о 60-х — 70-х годах, о жизни «неформалов»-литераторов (московских) Юрия Мамлеева, опубликованные в газете «Завтра». Удивительная, неповторимая атмосфера творческой, интеллектуальной жизни. Как-то в один из вечеров в своей мастерской на Верхней Масловке в Москве мне рассказывал об этой жизни художник Виктор Григорьевич Калинин — тоже писавший «неформальные» стихи в те годы.

Вдруг слышу мужской крик: «Эй, на лодке. Человек с моста упал!»

Крик взволнованный, далёкий, самого кричащего не видно, но я догадываюсь, что это один из рыбаков. Они сидят на дугах моста, под дорожным полотном, и оттуда поднимают зыбки.

После нескольких призывных криков какая-то моторная лодка с тремя мужиками направилась к острову, подобрала в воде бедолагу и перевезла на наш берег — похоже, на пристань пожарников. Может быть, пострадавшему требовалась медицинская помощь. Высота-то падения — большая... Половил рыбку.

1 июля

Привезли тираж «Вертикали-48». На последней странице обложки В.И. Занюга совсем замечтал акварель Нины Ждановой. Увидел и расстроился. Надо было самому проверить, а не понадеяться на Володю при утверждении обложки.

Жарко. В Союз писателей пошёл вечером, после пяти. Дописал статью «Как избавиться от клеветы и ненависти» в ответ Байгушеву. Не скажу, что эта работа полностью меня удовлетворяет, но промолчать тоже нельзя. Так я в душе чувствую. Ведь дело не в какой-то склоке (писательской). Тут всё глубже — имеет ли человек (даже с заслугами перед патриотическим движением, как Александр Казинцев) право высказывать своё, отличное от навязанных маргинальным большинством, мнение. Имеем ли мы свободу мысли, допустимы ли сомнения. Я не все взгляды Александра Ивановича разделяю. Но в этом разнообразии и есть «пища для ума», только в таких условиях может идти поиск истины. Закостенелые же догмы — смерть для ищущего ума.

4 июля

За журналами приезжал отец Евгений Юшков. Пили чай. Я говорил о романе Томаса Манна «Иосиф и его братья», который сейчас читаю, отец Евгений вспоминал прошлое. Он продолжает писать заметки для «Последней тетради». В январе 2017 года ему исполнится 80 лет. Отметим это в «Вертикали. XXI век» репродукциями картин отца Евгения на обложке, беседой с ним, публикацией его новых текстов.

Приехал Игорь Соловьёв. Работали над его книгой рассказов «Гипсовая трава». Мне кажется, что она слабее первой. Опубликованные в книге «Тихие окраины» написаны жёстко, но более профессионально.

Никак не может мне переслать свой текст Р.И. Чарыков. Что-то у Рэма Ивановича не получается с электронной почтой. Звонит, переспрашивает, но в компьютере весточки лишь от Владимира Макаренкова, Сергея Овчинникова, Николая Переясллова... Все просят оставить для них журналы.

Не умолчать о новых нападениях террористов. Вчера варварские взрывы в Багдаде. Более двухсот человек погибло, сотни раненых. Сегодня бомбы рвались в Саудовской Аравии возле мечети Медина, где захоронен пророк Мухаммед.

После колебаний и сомнений выставил и на сайт областной писательской организации (после сайтов журнала «Москва» и газеты «День литературы») своё интервью Михаилу Попову. В адрес местной «культурной общественности» там есть несколько довольно нелицеприятных высказываний... Ну да чего уж теперь. Сказавши «а», надо говорить и «б» — доводить своё мнение до местной тусовки. Собственно, для них мои слова и были предназначены.

5 июля

Александр Васильевич Мюрисеп принёс в подарок свою книгу «Степень свободы» с добрейшей в мой адрес подписью. Приведу её здесь: «Моему дорогому другу и профессору от литературы Валерию Викторовичу Сдобнякову с душевной признательностью за всё сделанное им для русской изящной словесности и, конечно, для автора этой книги, за хорошие литературные и жизненные уроки, преподанные благодарному ученику. А. Мюрисеп. 5.07.2016. Нижний. Скоба. Союз писателей России».

Понимаю, что это, безмерно преувеличенное, восхваление меня написано от доброго сердца, искренне... и всё равно как-то неловко подобное читать относительно себя самого.

От чая Александр Васильевич отказался. Рассказал, как подходит к завершению работа над композицией для диска по произведениям Владимира Миронова. Потому что найдено звуковое оформление — музыка Валерия Александровича Гаврилина. Весь в думах и замыслах по поводу проведения новогодних представлений в Литературном музее. В.В. Никитин предложил использовать сказку про конька-горбунка.

Пришли Сухорукова с Высоцкой, и Мюрисеп тут же раскланялся.

Мария Арсентьевна подарила свою новую книжку. Они едут с Ириной в Сызрань на Царские дни. Отправил с ними 15 книг «Вера в Бога у меня от мамы». Володю Цветкова местная община очень любила (думаю — и продолжает любить), так пусть им будет подарок на память.

Все эти встречи помешали дописать обзор № 48 журнала. Работа сделана на одну треть.

6 июля

Станислав Смирнов разослал пресс-релиз о выходе 48-го номера «Вертикали. XXI век». И утром с вопросами позвонила девушка из редакции газеты «Патриоты Нижнего». Тут же дала информацию на свой сайт.

Пришло письмо из «Дня литературы». Мои «полемические заметки» поставили на сайт. Под текстом жёсткий комментарий Валентины Ерофеевой — с виртуальной пощёчиной Вячеславу Огрызко. Крепко достал он их, видно, своим «кусанием» со страниц «Литературной России».

Отослал текст статьи Анатолию Степанову на «Русскую народную линию». Немного попозже размещу и на нашем сайте. По сути конфликта из нижегородских «писателей» мало кто разберётся, а вот о моральной ответственности перед обществом им стоит напомнить. Это напоминание их не изменит, но какой-то след в сознании оставить может. А как известно — вода камень точит («капля воды») — вот и нужно капать.

Анатолий Дмитриевич ответил уже вечером. Горько, что такая нелицеприятная полемика идёт между изданиями, придерживающимися

патриотических взглядов. Опубликуют мою статью на сайте в ближайшее время.

По ТВ «Россия 1» в программе «Специальный корреспондент» фильм о наших коммерческих вузах, где не дают образования, а торгуют дипломами «для граждан южных республик». Вдруг упоминают РГСУ (Российский государственный социальный университет) и его ректора, академика РАН В.И. Жукова. Что, мол, была это частная лавочка одной семьи. Проректор — жена, дочери и зятя тоже в руководстве. Но в 2014 году на Жукова было совершено жестокое нападение, избили. Во главе ВУЗа стала бывшая жена Починка (он был в совете института, я его помню) — доцент с годом преподавательского стажа.

Я помню Василия Ивановича Жукова в расцвете (М.И. Козин был у него проректором, потому Жуков оказался в членах «Московского интеллектуально-делового клуба. Клуб Н.И. Рыжкова») — награждён орденами «За заслуги перед Отечеством» 4 и 3 степени, огромное влияние в университете, развитие российско-китайских учебных связей (направление работы Козина) — не пьёт, не курит, следит за здоровьем. И вот показывают — лежит в гипсах, среди прочего медицинского оборудования. Сам себя называет «полукалекой». Унижен, ограблен, посрамлён. Ну как здесь в сотый раз не воскликнуть: «Что наша жизнь?!»

Воистину — не на земле надо собирать богатства. Здесь всё иллюзорно — обман, прах.

8 июля

Позвонил Мидову. Николай Павлович в хорошем настроении, даже радостен. Был на службе в Печерском монастыре, причастился. Тут же переспросил о получении отцом Евгением Юшковым удостоверения члена Союза писателей России. Я это подтвердил.

Дочитал рассказы Игоря Александровича Соловьёва для новой книги. Опять есть один о мальчишке-первоклашке. Какие они всё-таки горькие у Игоря получаются. И не из-за беспросветности бытия, а из-за глубинной правды образа, из-за трагизма всей нашей жизни. Трагизм этот внутри нас, наших душ.

Думаю о содержании следующего выпуска «Вертикали. XXI век». Пришёл текст о Чкалове. Из него может получиться нечто интересное. Например, вопрос о вредительстве. Приводятся документы — контролёры фиксируют более сотни неисправностей в новом испытываемом самолёте. НКВД против полёта. Лаврентий Павлович Берия сообщает это высшему руководству страны. Но в нарушение всех инструкций на заводе принимают решение поднять самолёт в воздух. В итоге гибнут и самолёт, и лётчик.

Андрею Реброву исполнилось пятьдесят пять лет. Сидит в каком-то кафе у себя в Питере, пьёт пиво и звонит мне. Просит прислать материалы для сайта «Родной Ладоги». А я и сам об этом подумывал. Отошлю нашу беседу с Михаилом Поповым. «Литература не умирает и не умрёт».

9 июля

Пошёл в Союз писателей, чтобы прогуляться и написать статью для следующего номера «Столицы Нижний». Думал над материалом о Евгении Анатольевиче Расторгуеве, а написал совершенно другое — вольное эссе «Литература — это свобода». Смысл — главное в художественной литературе, главная цель — создание живого образа, в который должна «войти» душа, оживить его. И тогда этот образ, этот литературный герой обретает способность «жить среди нас», влиять на нас. Примеров подобного — множество.

Но повторю — удивительно другое. Думал и хотел написать об одном, а написал совсем о другом.

Горькая новость из Сирии. Сбит наш вертолёт. Оба лётчика погибли.

10 июля

С Ириной развешивали этюды на стене в зале. Давно нужно было это сделать, да всё никак не мог собраться с духом. Поначалу всё шло хорошо. Затем не стала складываться мозаика — тот этюд выпирает, этот не подходит. Пока не перевесили «Баньки» Юрия Андреевича Адрианова к весеннему деревенскому этюду Владимира Ерофеева. И всё сложилось, всё встало на свои места. Дальнейшее развешивание дало стопроцентный результат композиционной завершенности. Всё сложилось, как и должно быть.

Вот так и в нашей жизни. Порой кажется, что всё плохо, всё не так, хаос, сплошные неудачи. А нужно всего-то немного поправить, изменить в ней. Чтобы мозаика жизни сложилась правильно. Но главное увидеть это «немногое», которое всё в нашей жизни поменяет. Кто в этом поможет? Да кто, кроме НЕГО!

13–19 июля Макарьево — Чебоксары — Нижнекамск — Чайковск — Елабуга — Казань

Тяжёлый подъём рано утром. У Ирины давление. Она в сомнении — может быть, всё отменить и ни в какой круиз не ехать? Несколько часов нервной неопределённости. Поэтому, когда за нами заехала Наташа, голова у меня была «чугунной». И это оказалось на весь день.

Первая остановка в Макарьево. Поездка на раздолбанном в хлам (ни один прибор на панели у руля не работает) автобусе на страусиную ферму. После самостоятельная прогулка по монастырю. Постояли на службе в Троицком соборе.

Вчера по каналу «Культура» посмотрел фильм (1987 года) об Олеге Николаевиче Ефремове и разделении МХАТа. Теперь читаю в «Нашем современнике» работу Александра Белоненко «Шостакович и Свиридов: к истории взаимоотношений» — о смене руководства в Ленинградском отделении Союза композиторов СССР. Идёт время, но ничего не меняется. Много из этих двух «произведений» можно почерпнуть поучительного... Только чужой опыт разве когда-то и кого-то хоть чему-нибудь научил?

Поздно вышел на палубу. Висит над рекой половинка луны. Напор воздуха лёгок и вкусен — насыщен запахами реки, прибрежного леса, трав.

14.07. Проснулся оттого, что Ирина включила бортовое радио. А там меня поздравляют с днём рождения. Я к подобным формальным поздравлениям отношусь спокойно, без всяких эмоций, но когда и во время ужина целая делегация от лица кампании принесла торт с зажжёнными свечами, то не скрою, порядком смутился.

Но это я забежал вперёд. А с утра всё не выходил из головы вчерашний звонок Коломийца. Алексея Марковича теперь не пропускают в «Волгагеологию» (его же выкормыши), но он как-то туда проник, чтобы посмотреть оставленные книги. Нашёл одни обложки от томов Большой Советской Энциклопедии, Собрания сочинений Ленина (всё одни из первых изданий), других книг. Сами книжные блоки, вернее всего, отвезли на макулатуру, чтобы заработать на одну-две бутылки водки. Время варваров... А книги жалко. Там среди них было много интересного, достойного. Опять повторю (уж в который раз в этих записях) — ничего не надо откладывать на потом, которого может просто не быть.

Прогулка по Чебоксарам под то начинающимся, то прекращающимся дождём. Уж сколько раз бывал в этом городе, а центр по-настоящему осмотрел впервые. Особое впечатление — Свято-Троицкий мужской монастырь с выполненной в дереве старинной скульптурой Николая Чудотворца в архиерейском облачении с панагией и крестом. Сейчас скульптура без рук и ступней. Ступни, так как скульптура куда-то там не помещалась, по приказу одного из священников отпилили. (Я тут сразу вспомнил свою Богородичную икону, нижняя часть у которой также варварски отпилена).

Но общее впечатление от столицы Чувашии хорошее.

Зашли в Воскресенскую и Успенскую церкви, подошли к грандиозному монументу Матери (надо полагать — всех чувашей), который также оставил доброе впечатление. И эти немислимые размеры не раздражают. В них больше призыва, может быть даже просьбы к собору, миру.

С любопытством посмотрел экспонаты краеведческого музея. Все народы хотят доказать, что они на этих землях жили вечно. И не упоминают, что огромный толчок развитию культуры и экономики их племенам дало их добровольное вхождение в состав России ради защиты от множества хищных и безжалостных врагов.

Среди поздравлений — погрел мне сердце звонок Бориса Лукина. Люблю этого человека, как брата.

Перепишу несколько полученных СМС-сообщений:

*Плоды большой литературы
В Вас воспитали мощный дух,
И Ваша яркая натура
Не терпит сплетен, зла, разрух.
Вы выше хамства и пороков,
Вы выше зависти людской.
Господь да не сократит сроков
Сказать правдивую строкой
О том, как жизнь в стране кипела,
О том, как Вы вершили дело...*

Татьяна Антипова

Дорогой Валерий Викторович! С Днём рождения! Здоровья, впечатлений, творчества, новых книг, радости! Обнимаем! Ваши Мюрисеппы.

Папуль, с Днём рождения! Люблю тебя. Целую и обнимаю. Таня.

Последнее прочитал и ком в горле. Таня, отдыхая с Сашенькой, уже перебралась из Испании на Кипр.

15.07. Странная остановка близ Нижнекамска. До самого города нас не повезли — да и что в нём смотреть, появившемся в 60-х годах прошлого (советского) века. Походили у двух Святых (мусульманских) ключей. Место старинное, связанное с именем купцов Стахеевых (здесь была их дача-усадыба) — крупных не только промышленников, предпринимателей, но и благотворителей, жертвователей. А раз так, то много знаменитостей побывало на этой земле. Всю их историю, при желании, можно разыскать. Меня же, в первую очередь, очаровали берега Камы. Первые я в этих местах, а побывать хотелось давно.

Только никакой особой красной глины на этих берегах (как она отражена в этюдах В.И. Занюги и картине К.И. Шихова) я не заметил. Она, действительно, буроватая — и только. Но у художников свой взгляд.

Вот идём по Каме: Нижнекамск, Набережные Челны, Чайковский (а до этого подобное по Волге) — огромные промышленные центры нефтехимии, машиностроения, энергетики. Проходили три шлюза электростанций. И всё это построено в срок: конец пятидесятых — начало семидесятых годов. Дух захватывает от сделанного — чем и по сию пору мы живём. И вот это время невероятного промышленного рывка, развития сейчас осмеивается. Только когда всё это видишь своими глазами, понимаешь — какое невероятное количество лжи нас окружает. Какой невероятной мощи страну можно разрушить, пообещав обывателю джинсы, жевательную резинку, колбасу... свободу. И он в одурении променяет истинную свободу на рабство (экономическое, ЖКХ, медицинское).

Вспомнил слова В.В. Путина, высказанные как-то во время встречи с журналистами: «В Советском Союзе умели только резиновые калоши делать». Вот эти «калоши»: Новочебоксарск, города Мари Эл, Удмуртии, Татарии, Башкирии сейчас и проплывали перед моими глазами.

16.07. Проходим крупнейший шлюз Воткинского водохранилища. Корабль поднимается аж на 23 метра — будто из бездны показывается невидимый до этого белоснежный четырёхпалубный красавец.

Город Чайковский — экспонсия нашего Заволжья. Выстроен вместе с электростанцией. Вся эдкорсия по одной улице Ленина. Памятник пер-востроителям, памятник военным, погибшим в локальных конфликтах, площадь Карла Маркса, площадь Победы (с памятником). Все работы «местных художников», и потому веет от них повтором, самодеятельностью. Хотя памятник воинам сделан из большой глыбы змеевика — дорогого камня. На площади Победы (стелы с именами павших, орден Победы, Вечный огонь) здание бывшего стандартного кинотеатра (у нас «Печеры»), которое успело послужить мебельным салоном, казино, и теперь осквернённое, с берёзками по карнизам и лестницам, уныло смотрит на бюсты героев Советского Союза и кавалеров орденов Славы трёх степеней.

Самостоятельно с Ириной прошли до памятника П.И. Чайковскому (всё на этой же улице, но в конце — Пётр Ильич не Карл Маркс, ему своей площади не положено, хоть и назван город его именем — порой в ступор приходишь от чиновничьей логики). Это хорошая работа настоящего скульптора (кого-то из москвичей). Но обсажен по периметру елями (как памятники вождю мирового пролетариата во всех без исключения провинциальных городах), и потому с тротуара почти не виден.

На окраине высится только построенный, богато расписанный внутри, с ухоженной территорией вокруг собор Георгия Победоносца. Зашли в него, помолились. Собор новый, но роспись уже так закоптили, что начали мыть стены.

Честно сказать — из Чайковского я удалялся с радостью. Хоть и продают тут копчёную стерлядь в полном изобилии, но захотелось (нестерпимо) поближе к цивилизации.

Вновь глубоченный шлюз (на этот раз опускание в жуткий бетонный мешок), в котором на выход почему-то долго не открывались громадные ворота — и вот свободная вечерняя Кама.

Поздно, перед сном, пошёл на корму, на среднюю палубу, сел по центру и не отрываясь смотрел на уходящую от винтов вскипевшую воду. От самой плотины по правому берегу реки в сумерках светятся непрерывные огни от костров, фонарей, автомобильных фар, направленных к воде. Суббота, вот рыбаки и понаехали. Откуда же на всех, на такую ораву «жаждущих» рыбы набраться?

Этот участок палубы определён для курильщиков. Подошёл народ, загалдели. Пришлось подняться выше, на четвёртую «солнечную» палубу. Сидел в пластмассовом кресле, смотрел на эти появляющиеся и исчезающие огоньки. В баре несколько человек делали вид, что танцуют. Но музыка на палубу сквозь стеклянные стены не пробивалась. Тихо. Только шум воды внизу у борта, звёзды и половина Луны светит прямо в корабль как гигантский прожектор.

17.07. Подходим к Елабуге. Здесь-то нам будет что посмотреть.

На автобусе с берега поднимаемся в город. Вернее, в городище, в самую древнюю его часть. Здесь якобы раскопаны фундаменты крепости дальних предков, мусульман.

Но наиболее интересна купеческая часть Елабуги — уцелевшие улочки домов, особняков той поры. Музей Ивана Ивановича Шишкина (мемориальный — большая часть мебели, интерьера сохранилась), Н.А. Дуровой (автора книги «Записки кавалерист-девицы»), М.И. Цветаевой (дом кузница, на веранде которого жила Марина Ивановна с сыном, тут же написала три своих предсмертных записки, а затем повесилась). Узкая, низкая потолочная балка в сенях, как входишь — слева. В неё был вбит гвоздь. Жутковато глядеть на неё. Душе беспокойно. Не выдержал — перекрестился. Как сказал экскурсовод, отпели поэта в 1990 году. Разрешение на это дал патриарх Алексей II. Мол, она не самоубийца, а жертва режима. Ну как здесь не отметить двуличие.

Война, но поэта с сыном эвакуируют из Москвы. В Елабуге предоставляют бесплатное жильё (подседают в дом) и трижды предлагают ра-

боту, которую М.И. по разным причинам отвергает. В записках перед самоубийством она пишет, что больна, в тупике (надо полагать, духовном, запуталась). Деньги (кажется, более четырёхсот рублей) у Цветаевой ещё оставались — об этом тоже в её записках. Также вопрос — насчёт режима.

Это человеческая драма. К тому же не надо забывать — страна сражается, идёт невиданная ещё человечеством война. И в это время «режим» находит возможности, средства заниматься эвакуацией и устройством литераторов. А как же тогда быть с самоубийцами 90-х годов в России? Когда в мирное время, в стране, богатейшей после советского периода, люди прерывали свою жизнь от безденежья, от невозможности существования, от ограбленности и покинутости? Считает ли этих людей наша церковь жертвами несправедливого режима, отвечает ли? Я такого не слышал. Во всяком случае, о решении патриарха на этот счёт.

И тут невольно возникает следующая тема. Экскурсовод непрерывно рассказывает о благотворительности местного купечества, показывая на здания, выстроенные ими для больниц, школ, библиотек и так далее. У нынешних властей (не говоря уж о богатых «гражданах») на это денег нет. Они, наоборот, всё это закрывают, «оптимизируют». Во время войны в Елабугу правительство эвакуирует библиотечный техникум, чтобы продолжать готовить специалистов в этой области для страны. В наше время библиотеки (как и больницы, школы, почты...) закрываются повсеместно. Литературный труд не считается профессией. И будет ли в случае беды о нас заботиться правительство? Вопрос риторический.

Посмотрели музей Уездной медицины им. В.И. Бехтерева. И всем-то нашлось место для хороших памятников — Шишкину, Дуровой, Цветаевой, Бехтереву и многим другим. Город чтит свою историю, свою память. В национальных республиках это вообще отличительная черта.

18.07. Казань. Город нам знаком, поэтому отправляемся в Свияжск — удивительное место в 70-и километрах от столицы Татарии. Город-крепость, город-остров основан царём Иваном Грозным в 1551 году как форпост для взятия Казани, покорения Казанского ханства.

Реставрационные работы огромны. Успенский Богородицкий мужской монастырь и Иоанно-Предтеченский женский (есть ли насельницы — не знаю), соборы, вновь построенные и возрождённые дома. Всё возрождается в древнем и старом облики. Виды на Волгу и Свиягу (как и в Елабуге на Каму от древней крепости) великолепны, художественны. Высокие берега, водная ширь, простор пойменных лугов, бархатистая зелень пологих холмов, бока которых облиты солнцем.

Большой и значимый исторический проект Татарстана.

19.07. Последний день путешествия. Проснулся отчего-то рано, в 3-30, и видел, как красный шар Солнца (цвета раскалённого в кузнице металла) быстро всплывает ввысь из-за горизонта, над лесами левобережья Волги.

Через какое-то время опять заснул — уже до завтрака. Этот день отдан реке, созерцанию её.

Перечитал «Котлован» Андрея Платонова, и оказалось, что помню эту книгу иной, другой по ощущению. Конечно, в советское время эта повесть выйти к читателям не могла. И дело не только в своеобразии авторского языка. Каково бы было «строителям новой жизни» (справедливой) так взглянуть на себя со стороны, как это сделал М. Бугаков («Роковые яйца», «Собачье сердце») и А. Платонов («Котлован», «Чивенгур», «Ювенильное море»)?

Кстати, книгу Платонова взял в Чайковском. И тут любопытно порассуждать о «движении книги в пространстве». На окраине городка, на перекрёстке, недалеко от торгового центра стоит застеклённый металлический шкаф с полками. В нём стоят и лежат книги. Тут и советская литература, и детективы, поэзия, переводная иностранная проза. На шкафу надпись: «Прочитай, передай другому». Я открыл дверку, стал

перебирать книги. Взятый в дорогу номер «Нашего современника» был прочитан, и вот такая удача.

Подошёл мужчина с книгой, поставил её на полку и выбрал другую.
— Раньше тут много книг было. Я вот каждую неделю прихожу, меняю.
— И много у вас таких... пунктов?
— Четыре, по одному в каждом районе.

Я выбрал том повестей и рассказов Андрея Платонова и «Севастопольские рассказы» Л.Н. Толстого — и «Котлован», и очерки давно хотел перечитать. Так книги идут «в люди», приобретают свою историю, из одного конца страны попадают в другой.

Вернувшись домой и впервые за неделю включив телевизор, узнаю — за это время в Турции армейскими подразделениями совершена попытка государственного переворота. Более 200 человек убито. Правительственные учреждения бомбили с самолётов, обстреливали из вертолётов. В итоге пуч подавлен. Тысячи арестованы, в том числе и лётчики, сбившие российский самолёт в Сирии. Они принимали участие в перевороте.

В Ницце террорист давил людей автомобилем. Почти сто человек убито, сотни ранены.

В Баварии в поезде мусульманин напал с топором и ножом на немцев. Рубил их и резал.

Такое впечатление, что мир погружается в хаос.

20 июля

Пришёл Михаил Рубцов. С Поклонного Царского креста в скверике на улице Маслякова украли все керамические иконы, на которые он собирал деньги, а потом изготавливал. Михаил написал заявление в милицию. Пошёл его относить, и выдержал пятичасовое ожидание и оформление, чтобы дело приняли к рассмотрению. Многие люди, что приходили одновременно с ним по другим происшествиям, не выдерживали многочасового ожидания и ушли. Так какова же криминогенная обстановка в городе, если даже те (немногие), кто решает обратиться в органы, и те в итоге не регистрируются? Значит, к той официальной жутковатой статистике нужно прибавить тысячи случаев, умолченных из-за попустительства (ради хорошей статистики) милиции, или просто человеческой лени, равнодушия, бессовестности.

21 июля

Заседание Издательского совета. Наши с Чугуновым книжки не прошли. Да я на это и не рассчитывал. Ужасно тоскливо вблизи наблюдать за этой административно-местнической, провинциальной жизнью. Какое захолустье в мыслях, планах, задачах. Ничего не меняется.

Собрались в Союзе писателей отметить мой прошедший день рождения. Перед самым сроком сбора грянул ливень. Коломиец и вовсе пришёл босиком, неся ботинки и носки в руках. Не убоившись дождя, пришли и многие другие. Славно посидели. Всё-таки добрые и талантливые люди меня окружают. И почему никого из них нет во власти? Видимо, там нужен иной интеллект и другие способности.

22 июля

Германия. Мюнхен. Стрелок-одиночка устроил расстрел посетителей в Торговом центре. Убил девятерых. Ранил около тридцати.

23 июля

Взрывы в Кабуле. Смертник. 80 погибших, 230 ранено. Взрывы в Ираке. 10 погибших, 19 ранено.

25 июля

Отец Евгений Юшков приехал поздравить с днём рождения. В Союзе писателей были вдвоём, потому говорили спокойно, рассудительно. Ба-

тешка несколько дней назад похоронил племянника — 41 год, пятеро детей, умер внезапно во сне.

— И вот стоим мы у могилы, каждый сам по себе, а недалеко в стороне его четвёртая дочь семи лет так беззвучно рыдает, что страшно смотреть. Видно, понимает, что больше отца никогда не увидит...

Вновь говорили о стремительно меняющейся обстановке в мире, что жадность и бессовестность правителей (но главным образом владельцев мировых денег) ведут современное общество к войне. И некому разбудить их души, воззвать к их разуму. Ибо Церковь (Русская Православная не исключение) также погрязла в стяжательстве, во мздоимстве и стремительно всё дальше и дальше отдаляется от народа, от его соборной души.

Когда расставались, отец Евгений крепко (как ещё не было) и надолго обнял меня.

— Держись, держись... — промолвил он, имея ввиду, конечно, не мировую обстановку, а ту сложность нашего дела (общественного, издательского), при которой нам приходится отстаивать истинные ценности для человека. Хотя, вроде бы, всё против нас — пренебрежение и незаинтересованность власть имущих, отсутствие финансирования.

26 июля

Во Франции молодые исламисты вошли во время службы в храм (в нём всего-то было пять человек), поставили 86-летнего католического священника на колени и отрезали ему голову. Других, находящихся тут же, поранили ножами. Понятно — гаумились перед престолом. Всё делали осознанно, «с идеей».

27 июля Сады. Борский район

У Михаила Рубцова в доме переждали сильнейший ливень. Это лето и жарой мучает, и водой заливают. И не поймёшь — в радость это нам дано, или для испытания.

Пришло письмо из «Дня литературы». Опубликовали обзор 48-го номера «Вертикали. XXI век. Получилось подряд два обзора двух номеров журнала в июньском и июльском выпусках газеты.

Пока в саду в летней печке сжигал вырубленные кусты смородины и крыжовника, Михаил прочитал вслух свою заметку из «Русского вестника» 2001 года. И уже тогда звучало разочарование — надеялись, что верой и любовью одолеем смуту, укрепим державу, почувствуем себя в ней братьями и сёстрами. На самом деле ничего этого не произошло. И церковь здесь оказалась (в лице её первоиерархов) не помощница. Я и сам в своих ожиданиях разочарован, обманут. И мои ожидания, как эти, отжившие своё время ветки, были за ненужностью уничтожены, сожжены. Неужели ждать впереди новых страшных испытаний?

28 июля–2 августа Кунавино

Уныло нас встретил дом. Земля заросла злой травой. Во всём неухоженность, запущенность. Разве можно так безжалостно бросать землю, дом, который служит тебе верой и правдой? Вот душа и томится от этой несправедливости.

Но дом оживили довольно быстро. Снял щиты с окон, стряхнул половинки, подмёл полы. Ирина навела порядок на веранде. Задыхалось полегче. Потихоньку за эти дни немного пообжили территорию — подёрпали кое-где дурнину, попримяли траву.

Яблони от яблок ломают ветки — так их много. Собрали крыжовник, чёрную и красную смородину. Заменял разбитое стекло в первом окне (это ещё зимой, во время грабежа повредили), поставил заплатку на крыше двора (давно надо было сделать), поправил штапики на окнах веранды. С горечью заметил — отвыкли руки от плотницкой работы. А ведь когда-то, когда много занимался этим домом, неплохие навыки приобрёл. Сейчас же всё несподручно, всё не с руки.

Купалась в озере с ощущением крайней нужности этого занятия — словно исполнял необходимое для моего существования действие. Наверное, это ощущение идёт от того, что многое из очень простого, доступного в жизни упускается. То же купание — в этом году лишь дважды себе это позволил в Оке у моста.

Приезжали отец Владимир и матушка Галина Чугуновы. Так радостно было встретиться «на земле», а не в коробке городской квартиры. На веранде пили чай с большим «Городецким пряником». Увы, было не избежать о больном, церковном. Но не только... Впрочем, ничего нового в этих наших разговорах нет. Хотя болит рана, болит, и способа её залечить пока нет, не видно.

Поднялся в свой кабинет, убрал щиты с окна, пересмотрел книги. Сколько же всего прочитано! Последние годы все старые прочитанные книги я перевозил из городской квартиры сюда. Думал, перечитывать уже не буду. Книги на стеллажах, на полу стоят рядком. Потянулась к ним рука, начал перелистывать — и не оторваться. Как люди могут жить, существовать без этого чуда?

Года три деревенскую библиотеку не пополнял (теперь всё отвожу в Союз писателей), и оттого старые книги приобрели какую-то особую притягательность, теплоту, желанность... Воистину — встречаешься с ними как с давними друзьями. Ведь с каждой что-то связано в твоей жизни. Каждая содержит память — важную для меня — об ушедших и ныне (слава Богу!) живущих.

Отобрал перелистать литературоведческие книги Ивана Кирилловича Кузьмичёва. О Николае Кочине любопытно. Книгу выпустили к 70-летию писателя в 1972 году. Помню, как через десять лет, на траурном митинге, когда хоронили Николая Ивановича, Иван Кириллович сказал: «По-настоящему тетралогия Кочина («Юность», «Гремячая поляна», «Нижегородский откос», «Семён Пахарев») ещё не прочитана. Это впереди». Да нет, с трудом верится, что сейчас кто-то будет перечитывать романы Николая Ивановича «Девки», «Парни», анализировать его творчество. Хотя, безусловно — это настоящий писатель, самородок из народа. Испытавший всё то, что испытал наш народ в XX веке, включая и репрессии, лагерь, предательство и несправедливость. Надо бы вспомнить его на страницах «Столицы Нижний». Всё-таки я и читал его книги, и живым видел, и хоронил. А за поминальным столом в студенческой столовой (на площади Минина и Пожарского) сидел рядом с женщиной, которая вполголоса, не обращая ни к кому конкретно (рядом были мы с Валентином Арсеньевичем Николаевым) рассказывала о лагерной жизни Кочина — Николай Иванович сам с ней делился этими воспоминаниями. Жаль, я был молод и не завязал знакомство с этой дамой. Впрочем, наверняка она эту тему «подняла» на эмоциях. В 80-е годы (в начале) о репрессиях говорить опасались, сторонились этой темы. Так что вряд ли бы она стала со мной откровенничать.

Другая книга Кузьмичёва «Введение в общее литературоведение XXI века. Лекции» читается с интересом. Открыл наугад — не оторваться. О художественном очерке (жанр, который сейчас просто исчезает из нашей литературы), о художественной форме... Ивану Кирилловичу в этом году (да совсем скоро — 3 августа) исполняется 93 года. Тоже бы надо отметить. К сожалению, много времени и сил он потратил на «социалистический реализм». Но ведь написал книги и о Горьком, и «Боль памяти: Великая Отечественная война в современной литературе». Он и сам участник этой войны.

Как иначе, чем в городе, действуют на человека раскаты грома. И дождичек-то был так, ерунда. А грохотало больше часа — приближаясь, разрываясь над головой, удаляясь — раскатисто, долго, словно звук, до-

бегая до горизонта (невидимого за тучами) падал в нечто бездонное. В это время ощущаешь полную свою слитность с пространством, с природой. И ведь не страшно. Только явно осознаёшь свою малость, крохотность.

Продолжаю читать (всё больше вечерами) «Иосифа и его братьев». Когда в повествовании появляется «сопровождающий» (Иосиф едет к братьям по поручению Иакова в домик у Шекема, к городу Дофан, и его белая ослица Хульда спотыкается и ломает (вывихивает) бабу) — я почему-то сразу представил образ с картины Виктора Калинина «Звездопад». И хотя описание «сопровождающего» в книге ему никак не соответствовало, меня при чтении продолжал преследовать именно явленный Калининым образ — и когда он разговаривал у опустевшего сухого колодца (Иосифа, брошенного в эту яму всеми братьями вместе уже спас, достал из смрадной глубины и освободил от верёвок странствующий купец) с Рувимом, и когда вёл караван купца через пустыню (с рабом-Иосифом) от Газы, я видел не полуженский образ, описанный автором, а сурового, измождённого, но непреклонного «вестника Божия» с картины Калинина. И синева библейской ночи, на фоне которой написан «этот странник», мою убеждённость (в правдивости именно этого образа) только усиливает. В этом взаимопроникновении и взаимодействии, дополнении и есть подлинность искусства. Когда творец в создаваемый образ вкладывает ещё нечто — от него самого, может быть, и независимое.

Хожу купаться через всю деревню. Небольшую. Но ровно наполовину её разделяет болотистый, заросший осокой овражек. Прямо у этого овражка (можно сказать, что почти в нём, в низине) стоит дом. Есть в ощущении от этого дома что-то недоброе, да и судьба у него на редкость невезучая. Вроде бы и не маленький он, не захоластный — пятистенок. Но всё время, пока я живу в деревне, он никак не может обрести себе хозяина. Раза два-три его покупали, но быстро бросали, перепродавали. Именно в этом доме как-то жена убила ножом мужа (буднично, при малых детях) — меня с Сергеем Шестаком полиция тогда позвала в понятие. Но большей частью за почти тридцать лет, что я его вижу, он стоит пустой, нежилой, заросший крапивой и осокой. И из-за своей ненадобности зло смотрит на проходящих мимо.

И у домов есть своя судьба, своя жизнь, ощущая которую, порой становится не по себе, жутковато.

Разговор Иосифа с купцом вечером на привале. Меня поразила мысль Томаса Манна, вложенная в уста юноши:

«— Скажи мне, какая вина довела твою жизнь до ямы?»

— Она заслужила наказания и называлась доверие. Преступное доверие и слепая требовательность — вот её имя. Ибо тот слеп и достоин смерти, у кого к людям больше доверия, чем они в силах вынести, и кто предъявляет к ним слишком большие требования: при виде такой любви и такого уважения к ним, они выходят из себя и делаются похожи на хищных зверей».

Истинно, все мои «напряжения» во взаимоотношениях с близкими людьми, единомышленниками возникают именно из-за этого «преступного доверия и слепой требовательности». И в первую очередь всё, что связано с «Вертикалью. XXI век», с её изданием, её судьбой. Тут в первую очередь вспоминается Володя Цветков, Коломиец... да очень многие.

Дурманящий травяной запах. Сколько приходилось читать об этом. Но вот пошли на дальний участок собирать крыжовник. Трава с человеческий рост. Цветы вперемешку с крапивой, полынь с какими-то колочками. И всё это под жарким солнцем пьяняще благоухает, источает невероятное разнообразие запахов. Нечаянно вздохнул всей грудью —

и горло перехватило. Не врут писатели — запахи обожжённой солнцем травы дурманят.

Вернулись в дом. Окно, двери открыты. Слабый сквознячок шевелит занавески. Живительно прохладно. В деревне тишина — ни звука. Всё живое где-то затаилось от зноя. Лёг с книгой и нечаянно вспомнил рассказанный Чугуновым анекдот: «Американцы решили напасть на Россию, и спрашивают у союзников — когда лучше это сделать? Французы отвечают: «Только не зимой. Мы воевали с русскими, знаем, что это такое. Чуть не погибли». Немцы: «Только не летом. Мы начинали летом. Чуть не погибли». Тогда решили спросить у китайцев — нейтральной стороны. Те отвечают — нападайте сейчас.

— Почему?

— Русские «Северный поток» строят, мост в Крым строят. Знаете, сколько пленных им сейчас надо».

Отцу Владимиру это рассказали какие-то священники.

Ненаписанный рассказ.

Не помню, отмечал ли я этот случай в давних своих дневниках. А может быть, всё произошло ещё до того, как я их начал вести. Время стремительно — и многое в памяти, относительно сроков, смешивается.

Как-то уже поздно вечером рыбачил я на нашем озере. Клевало хорошо, я на берегу в этом месте был один, и потому, хоть солнце уже почти скрылось, село за лесом, бросать ловлю мне не хотелось.

В это время я увидел двух мужчин — явно деревенских жителей. Они шли поодаль от берега и негромко разговаривали между собой. Но в тишине, в поле на закате голоса слышатся далеко. Вот и до меня донеслось, как один жалуется другому:

— Она мне: «Чего ты тут расселся, иди дрова коли, забор поправь, картошку надо окучивать, а не песни петь». А мне так попеть хочется. Всё работа и работа. Душа песни просит...

Спутник говорил жалующемуся какие-то сочувственные слова, ободрял.

Быстрым, деловым, торопящимся шагом они прошли поодаль от меня. Я подумал: «Торопятся мужики в совхоз, в магазин за бутылкой. Вырвались наконец-то из дома, сбежали от жён, от бесконечной крестьянской работы (я сам от этой же работы сбежал к озеру с удочкой), чтобы «расслабиться» за бутылочкой вдвоём, выговориться... может быть, даже пожаловаться на жизнь.

Солнце совсем скрылось за лесом. И как-то разом всё сумеречно посерело вокруг, да так, что поплавок еле различил на воде. Делать нечего, надо возвращаться домой. Я начал сматывать удочку (удилище из орехового прута, леску скручиваешь вокруг него так, чтобы крючком зацепиться за удилище где-то сантиметров за пятнадцать до его окончания — современные рыбаки о таких снастях уже забыли), выливать из ведёрка с рыбой лишнюю воду, когда от опушки недалёкого, прямо к берегу озера подходящего леса, раздалась песня.

Это было так неожиданно, непривычно, что я оставил свои занятия и вышел подалее в поле, чтобы посмотреть — кто это запел. Два мужика, два недавно прошедших мимо меня деревенских жителя, сидели у самой опушки на стволе поваленного дерева и пели.

Минуло с тех пор лет двадцать, а я этот случай помню. Так запал он в моё сердце. Жалею только, что не запомнил слова той песни, что звучала мне в спину, когда шёл в потёмках от озера к своей деревне.

Много лет спустя я рассказал этот случай Борису Лукину.

— Так напиши рассказ.

— Подумаю.

Я, и правда, хотел после предложения Бориса Ивановича, написать на этот сюжет рассказ, назвать его «Песня» и посвятить Лукину... Но так и не написал. Может, потому, что слова той песни, что пели с душой два убежавших от тяжёлой крестьянской работы мужика, не запомнил?

Выпилил на дальнем участке разросшийся терновник. Набрали ведро уже спелых яблок. Терновник совсем забил кусты смородины, поэтому пришлось потрудиться, несмотря на жару. Ягод смородиновые кусты дали самую малость.

Нестерпимо захотелось пить. Решил напоследок сходить к роднику. Когда пять дней назад мы приехали в Кунавино, то к нему было не подойти. Высоченная трава. Пробился до осоки, там к знакомому, одичалому месту. Помост остался на месте. Снял крышку с вкопанной в землю бочки. Полна чистой и свежайшей воды. И бьются о край попавшие в западню коричневые ящерики. Одна, похоже, совсем силы потеряла, хвост в воде повис вниз. Выловил их ковшом, выпустил на волю, в осоку. Потом зачерпнул из родника для себя. Какая же вкусная в нём вода — не напиток!

За то время, что мы здесь, пробил к роднику сквозь заросли тропинку. Вернул его из одиночества, одичалости. А он будто ждал этого — каждый раз, как прихожу и снимаю крышку, он полон свежей, прозрачной холодной воды. Но только сегодня я подумал вот о чём — и в деревне начинает преобладать индивидуализм. В каждом доме пробрили себе скважины, и о роднике забыли. Совсем! И мне почему-то за него обидно. Будто пренебрежение оказали кому-то из моих близких, родных.

В деревне с нашей стороны было два колодца (а в заовражной стороне их и вовсе не было). Теперь не осталось ни одного. Два исчезнувших колодца и две ящерицы в роднике — этот знак и заставил меня задуматься. Так как в простые случайности происходящего я уже давно не верю.

Из новостей — похоронили писателя Фазиля Искандера. Прощались сегодня в ЦДЛ. Лёг в землю на Новодевичьем кладбище («по просьбе родственников»). Я не был поклонником его прозы. По «Культуре» показали документальный фильм об Искандере, где он читает свои стихи. Это любопытнее. В целом же, по-моему, был довольно заурядным литератором, всё достоинство которого состояло в том (и это в подобных случаях мне приходилось констатировать уже не единожды), что принадлежал к либеральному крылу «российской интеллигенции». Оттого и на главное кладбище страны попал.

6 августа

Несмотря на жару и выходной день в Союзе писателей работал над старой своей повестью «Сезон». Оставил только тему старательства, полностью убрав любовную линию. Взясся за текст после письма Сергея Овчинникова. Он предложил что-то прислать в его альманах «Тула». Но и я у него попросил прозу для «Вертикали. XXI век». Хочу успеть в этом году выпустить два номера. Это сверхзадача, непросто выполнимая. Но надо постараться.

«Сезон» я публиковал в «Новой Немиге литературной», что-то для этой публикации уже редактировал. Но не так кардинально. Сейчас в сюжете повести больше очерковости, чем художественности. Но, может быть, изначально это-то в большей степени в ней и было заложено.

Гуляли с Ириной по слободе у Ромодановского вокзала. На набережной Оки снимают эпизод из фильма раннего советского периода — гонки маленьких яхт, чествование победителя с оркестром, красные транспаранты.

Мы давно хотели подняться на середину горы к восстановленной колокольне церкви Иоанна Предтечи, около которой, по преданию, жил Кузьма Минин. Церковь основательно перестроена, более напоминает офисное здание 80-х годов, имеет вид не действующей — крыльцо засыпано мелкими камушками, пыльное, заросло травой, в дверь воткнуто уже запылённое письмо (по конверту — казённое). Рядом два жилых трёхэтажных дома. И тут ощущение заброшенности, бесхозности. Всё

остальное жильё либо высоко вверху, либо внизу у Оки. А тут какой-то свой мирок, оторванный от общей жизни, с порушенными старыми домами и сараями (в них выросли деревья), с мощной бетонной лестницей, ведущей от этой слободки на Гребешок. Лестница по бокам заросла лесом. Видно, что по ней почти не ходят, но мы поднялись до дороги, идущей вверх с Метромоста. Оттуда двинулись вправо по асфальтовым дорожкам (всё советского периода). Дорожки широкие, подпорные бетонные стены мощные, лес взрослый, высокий — липы, клёны. Тут же и вездесущий сорняковый американский клён.

Опускаясь и поднимаясь, дошли до Гребешка, и уже оттуда спустились к Благовещенскому монастырю. Вот такое удивительное путешествие по местам, которые, я уверен, неизвестны подавляющему большинству нижегородцев. И ведь это в самом центре города.

Я не могу себе представить, чтобы сегодняшние власти могли нечто подобное построить на десятки километров по берегам рек в городе, как было это сделано «советами». Но чувство, проходя по этим глухим заброшенным дорогам иной цивилизации, испытываешь удивительное, потустороннее, словно невольно вторгся в чужой мир, мир иного, ушедшего уже навсегда, времени, иной жизни. И вернее всего, что ты здесь лишний.

7 августа

Прочитал стихи Виктора Калинина в книге «Ирина Калинина», и переписал заново уже подготовленную статью о его поэзии. Я не всё верно почувствовал, когда раньше писал. Теперь пришлось убрать текст с нашего сайта, написать объяснительное письмо и отослать новый файл в редакцию газеты «День литературы».

Сразу не почувствовал сложную полифонию чувства (переживаемого) и художественного взгляда. А ведь только художник мог увидеть в окружающем пространстве «свиток времени», «клеимённых временем коней», что «в глыбы облаков вмурован ветер», что существуют в небе «искры потухающих звёздных костров». Эти поэтические образы органичны художественным образам Калинина, всей его живописи. Стихи и картины у этого творца не вступают в противоречие, а являют нечто единое, цельное, абсолютно созвучное друг другу. И это несмотря на то, что девяносто девять процентов его творчества — это искусство на холсте, а не на листе бумаги.

8 августа

Редактировал материал Р.И. Чарыкова о гибели В.П. Чкалова. Убрал всю версию (притянутую за уши) причастности к этому И.В. Сталина. Ну глупость же, противоречащая и документам (их сам автор приводит в статье), и логике исторического момента, и политической обстановке в стране. Но как живучи все эти мифы, вбрасываемые в определённый момент людьми, заинтересованными в раскачивании обстановки в стране, в хаосе. И вот не глупые люди (бездоказательно, «глядя в потолок») их повторяют, при этом убеждены, что это их собственные мысли, а не вброшенные в общественное сознание кем-то многие десятилетия назад.

Придётся писать Рэму Ивановичу письмо — только бы как-то помягче высказаться, не обидеть.

На этот раз в Пакистане смертник взорвал себя на похоронах влиятельного местного деятеля. Только убитых 112 человек. Передают об этом скучновато, буднично. Это же не несколько порезанных в Баварии немцев. Никак не могу привыкнуть к этому вопиющему западному цинизму. Но ведь так не может продолжаться до бесконечности.

Ночью проснулся от странного состояния — какие-то эпизоды моей жизни стремительно проносились в голове. И было полное осознание, что ничего, до самой мелкой детали, не забыто. Всё во мне (где-то в глуп-

бине мозга ли, души?) сохранено, как на жёстком компьютерном диске. И сколько же неправильных поступков мною совершено! Все они со мной до скончания земного срока.

9 августа

Странные переговоры В.В. Путина с Эрдоганом в Санкт-Петербурге. От турецкой стороны никаких извинений за сбитый самолёт. Вообще этой темы публично не касались. Такое впечатление, что президент России больше озабочен, как вернуть наших туристов в Турцию, а турецкие фирмы на наш рынок, чем престижем страны. Явно — все усилия ради продвижения Газпромом строительства «Турецкого потока». Эрдоган в этих условиях ведёт себя спокойно, уверенно, по-хозяйски, и совсем не похож на раскаявшегося нашкодившего шалопаю.

Эту ситуацию может оправдать только та часть «закрытых переговоров», где, как я думаю, решались вопросы по Сирии, ну и какие-то другие. В наших СМИ утверждают, что именно спецслужбы России (перехватив радиопереговоры заговорщиков) предупредили Эрдогана о готовящемся перевороте и покушении на его жизнь.

Будем ждать продолжения истории.

10 августа

Рассказал привезшему свои новые заметки из «Последней тетради» отцу Евгению Юшкову свой сон-память, который так меня взволновал два дня назад.

— Но ведь уже говорилось, что сердце не только сосредоточие мышц, — заметил отец Евгений. — Внутри этих мышц кроется ещё нечто, что и делает нас живыми, страдающими людьми.

— Однако, мне не было страшно или тоскливо на сердце от напоминания памяти о не совсем-то благих моих делах и поступках. Почему?

— Господь милостив.

— Из многих поступков, переживаний, сочувствий и размышлений мы создаём свой мир, свой образ перед Богом. И наше покаяние внутри этого образа должно быть (как очищение) созвучно нашей жизни. Не само покаяние (на исповеди) изменяет нас, а то, что ведёт нас к нему. «Выстроенный» за время нашей жизни образ внутри нас и есть то главное, что руководит нашей совестью и что предстанет перед Богом. Поэтому мы и не можем обмануть ни себя, ни Его.

Пообещал сегодня встретиться ещё и с Е.А. Андриановым. Пока осталось время (после отъезда отца Евгения), пошёл в сквер на площадь Маркина, прочитал новый кусок «Последней тетради» — с искренним интересом и не без пользы для себя. Хороший материал для «Вертикали. XXI век».

С Евгением Анатольевичем вновь говорили о рождении музыки и влиянии её на человека. Он искренне и глубоко живёт только этим, своей скрипкой. От такого общения светлеешь душой.

Умер Эрнст Неизвестный, в Нью-Йорке. Там и будет похоронен. 91 год. США стали страной культурной эмиграции советских евреев, которые и в Москве, и в Питере создали абсолютно свой уровень ценностей, понимания искусства. (Вспомнил сейчас, как при моём поступлении в Литинститут один ленинградский поэт горячо утверждал, что ему совершенно не интересен Николай Рубцов, но восхищает Александр Яковлевич Розенбаум). В США те, кто туда уехал (Иосиф Бродский, Эрнст Неизвестный, Сергей Довлатов...) эту тему развили. Для этой волны эмиграции Нью-Йорк стал чем-то наподобие того, чем были Париж и Берлин для русской культурно-научной эмиграции послереволюционного периода. Там они оказались в своей среде. Там её культивировали и развивали, не сливаясь с западной англосаксонской культурой. Потому за полным признанием своего творчества они вновь вернулись в Россию (не сами воплотили, а произведениями). И только здесь получили самую

высокую оценку — издания, памятки, книги о них. Оценку справедливую или нет — другой вопрос.

Украинские диверсионные группы в Крыму. Большое количество взрывчатки, оружия. При задержании погиб наш сотрудник. При прорыве других с территории Украины в районе Красноперекопска (при поддержке автоматчиков и бронетехники) погиб ещё один российский военнослужащий. В.В. Путин на пресс-конференции пообещал произошедшее «не оставить без внимания». Я же подумал — дождались! Чего же ещё нам было ожидать при той бесхребетной позиции, которую Россия демонстрировала все эти годы конфликта на Украине — обстрела Ростовской области (с гибелью людей), перекрытие водного канала, железнодорожного сообщения и автомобильного сообщения с Крымом, транзитного большегрузного автомобильного сообщения с Европой, электроблокады полуострова, беспрерывного обстрела Донбасса... Так что начало диверсий в Крыму — это логичное продолжение действий властей Украины. Другого и быть не могло. Вопрос в другом — далеко ли их это желание заведёт?

11 августа

Из заявления МИД РФ по событиям в Крыму: «Призываем наших партнёров, чьими стараниями во многом и удерживается во власти нынешний режим в Киеве... добиться, наконец, от своих подопечных прекращения провокаций...» МИД предупредило, что гибель российских военнослужащих в Крыму не останется без последствий. «Хотели бы также предупредить как Киев, так и его зарубежных кураторов, что ущерб, нанесённый российской стороне, гибель российских военнослужащих без последствий не останутся».

Не часто с нашей стороны звучат столь раздражённые, жёсткие заявления.

Вновь прочитал несколько страниц из большого открытого письма Натальи Андреевны Адриановой (вдове поэта) Александру Марковичу Цирульникову по поводу изданной им книги «Сбирание памяти: слово о друге». А не пришло ли время его опубликовать? За одну подачу не получится, а в двух номерах можно. Одно смущает — очень много технической работы, чтобы привести текст в порядок для вёрстки. Времени жалко.

16–21 августа Кунавино

Заснул на кровати у окна в первой комнате. На стеллаже перебирал, перелистывал книги, что-то из них бегло прочитывал, напоминал самому себе, да так и решил тут заночевать.

Полная луна светит в окно, словно у дома горит фонарь на столбе — ровным молочно-голубым светом.

Проснулся от вспышки, «ударившей» по глазам. Подумал: «Наверное, приснилось». Но вот опять. Не одеваясь, вышел на улицу, в сад, к яблоням и стал зачарованно смотреть на небо. С двух сторон к луне подступили облака (бархатно-чёрные по краям от лунного света), и в этих облаках (или тучах) наподобие фотовспышек сверкают беззвучные разряды молний. Сверкнул и погаснул. И ни полоски от разряда, ни грома, даже отдалённого. Странно, непривычно. (17.08).

На следующий день, как только стемнело, вновь смотрел на небо. Большущая и чистейшая полная луна всплывала над деревней (на западе вечерняя заря ещё не совсем погасла). Лишь изредка долгие облака разрезали её диск, несколько затемняя. Невольно вспомнилась картина Куинджи.

Сегодня быстро навёл порядок на втором этаже (почему этого не сделал раньше!), и занялся в своём кабинете архивом. Сколько в папках и скоросшивателях собрано интереснейшего материала по истории, лите-

ратуре, театру, музыке, кино, эстраде русской и зарубежной и прочее, прочее, прочее. И ведь всю эту бездну статей, заметок, интервью, рецензий я прочитал, вырезал из газет и сохранил. Теперь для начала всё это перевезу в Союз писателей, а затем отдам в архив. Вот кто-то со временем умный попользуется (я-то уж не знаю — вернусь ли ко всему этому богатству). Что ж — не жалко.

О. Владимир Чугунов предложил перевести текст сербки Душицы Миланович Марики «Подарки». Прислал подстрочник. Прочитал раз — мало что понял. После повторного чтения что-то началось проясняться. Это некая — то ли притча, то ли сказка. Придётся сделать над собой усилия — не думаю, что работа будет в удовольствие.

Вот придумал себе новое занятие — смотреть ночью в окно на то, как причудливо освещаются лунным светом лёгкие облака. Удивительное это зрелище — не наглядись. Тут и морская рябь (только на небе), и разное психологическое состояние (не только внешних затейливых форм). Удивительно — как непосредственно это влияет на душу человека, как это беспокоит, тревожит её. Хотя, вроде бы, чем — где Луна и где мы. Ан, нет, какие-то нити связывают нас с этим загадочным ночным светилом.

Множество раз за эти дни топил печки. Хотя на улице тепло, и даже жарко. Оправдывал своё занятие тем (сам перед собой), что надо просушить дом, в котором за последние годы редко бываем. И в этом отчасти есть доля правды — без внутреннего тепла любой дом гибнет. Но именно отчасти. Главная причина — желание смотреть на огонь, на то, как он пожирает отслужившую свой век древесину.

Сижу у печки на низеньком стульчике, смотрю сквозь щели дверцы, как внутри топки мечется пламя. Есть в этом что-то жутко притягательное. Может быть, оттого, что огонь страшен, когда вырывается из-под твоего контроля.

Борис Лукин как-то мне привёз из Ясной поляны два номера издаваемого там литературно-художественного иллюстрированного журнала «Ясная поляна» №№ 1, 2, 1997 г. Невероятно дорогущее издание — 400 страниц мелованной бумаги, полноцветная печать, формат несколько больше стандартного литературного журнала, ближе к полноценному А-4.

Навряд ли они продолжают выпускать этот журнал — слишком дорого. Время от времени здесь в деревне я их перелистываю (как и два других сборника, также со вкусом изданных, проиллюстрированных замечательными фотографиями, в том числе Павла Кривцова — фотохудожника от Бога, в своём стиле неповторимого — эти книжки тогда же мне привёз Борис Лукин), но вот только сегодня прочитал такое высказывание Л.Н. Толстого: «Если человеку плохо жить, то это только от того, что у такого человека нет веры. Это же бывает и с народами. Если плохо живётся народу, то только оттого, что народ потерял веру» («Путь жизни»).

Невозможно не согласиться с классиком. Но почему-то мне кажется (из приведённого отрывка непонятно, какую веру имеет в виду Лев Николаевич) — что Толстой здесь подразумевал не только веру в Бога (чтобы это выяснить, нужно прочитать первоисточник, саму работу), но веру в более широком смысле — в себя, в справедливость, в своё будущее, в то, что он не зря живёт на земле... Хотя это и есть верить в Бога. И никуда от этой первоосновы не деться, не спрятаться за вольными философскими размышлениями. Как ни старайся, а всё равно придёшь к этому корню жизни.

И всё-таки какво: «Если человеку плохо жить... у такого человека нет веры».

И тут же в статье «Благо любви»: «Нужно тебе, милый брат, кто бы ты ни был, царь (...) прожить тот неопределённо короткий миг жизни так, как этого хочет от тебя тот, кто послал тебя в жизнь». «Я знаю, несомненно знаю, что жизнь — в любви и законе Бога и требовании моего сердца...»

Этот крик о любви друг к другу (как главной земной ценности) и о ненужности распрей в достижении благ земных, политических завоеваний как чрезвычайно важен, так и в той же степени иллюзорен, невыполним. Вся наша жизнь выстроена в ином ключе. И как побороть этот «закон бытия» — никому не ведомо. В том числе и самому Толстому.

Статья написана 21 августа 1908 года, в день, когда Лев Николаевич подумал, что умирает. Но за оставшиеся два года жизни приобрёл ли он ту степень любви в своём сердце, к которой призывает? Ответ очевиден всем, кто знает биографию классика. Благо любви можно культивировать только в себе, в своём сердце (индивидуально), не призывая других последовать этому примеру. Ибо призыв этот будет подобен «гласу вопиющего в пустыне».

«...Я в первый раз явно почувствовал такую же, как для живого человека близость завтрашнего дня, естественную близость смерти, не только не страшной, но такой переход, который так же естественен и благ, как переход к завтрашнему дню, — теперь, почувствовав это, мне и страшно и, главное, странно думать о той ужасной ненавистнической жизни, которой живёт теперь большинство из нас, людей, рождённых для любви и для блага». — Пишет в этой же статье наш гений.

А мне вспомнился недавний разговор с Колодийцем. Тогда Алексей Маркович сказал: «Мне не страшно, я к смерти готов. Вот только о семье думаю — жене, детям, внуках». Вот и Володя Цветков говорил, что он к смерти готов. Но можем ли мы на самом деле быть к ней готовы? Готовы в той полноте (к переходу в неведомое), о чём говорит Толстой?

И ещё о смерти. На этот раз о гибели деревьев. В последний день пилил поваленные (от ветра или от избытка плодов?) стволы яблонь. Где большие ветки, а где и именно стволы. Все эти деревья я когда-то сажал саженцами. Но ухаживал за деревьями неумело, плохо — не обрезал, не формировал крону. И вот теперь, страдая, они потихонечку гибнут. Впрочем, это уже и старые, большой толщины в стволе деревья. Их ломает время. А я отпиливаю (как хирург) отжившие, испорченные ветки (члены) и испытываю странное тягостное чувство.

С этими яблонями ушло и моё время, ушли мною прожитые года.

22 августа

Страшное развитие террора. В Турции, Ираке начинают взрываться мальчики — смертники (12-14 лет), унося с собой по несколько десятков человеческих жизней. Мир становится другим, а политики будто бы этого не понимают. И думаю, жестоко за это лукавство поплатятся.

24 августа

Пришли тексты от Владимира Карпова. Не отрываясь почитал очерк о Китае «Уруй! Айхал России! Уруй! Айхал Китаю! (Или «Билет в китайское метро)». С удовольствием опубликую его в «Вертикали-49». Оказывается, он там был на Днях Якутии и участвовал в представлении книги Николая Лугинова («Ханские повести»), которую перевели на китайский язык. Очерк небольшой, «весёлый», но в нём всё есть — и путевые впечатления, и добрые слова о творчестве Лугинова, которого он переводил на русский язык. Кстати — китайцы на свой наверняка переводили с русского (не с якутского же).

Текст Владимира ставит какую-то логическую точку в формировании 49-го номера журнала.

В центре Италии сильное землетрясение. Большие разрушения в гор-

ных городках. Уже сейчас понятно, что будут серьёзные жертвы, много людей погибло.

25 августа

Воистину — чиновничьей тупости нет пределов. Пришло заказное письмо из межрайонного налогового центра. Попросят внести изменение в наименование юридического лица АНО ЛХЖ «Вертикаль. XXI век», так как в нём «содержатся латинские буквы». Всё это во исполнение закона «О государственной регистрации юридических лиц...», где есть требование, чтобы подобное наименование «указывалось на русском языке».

Пришлось писать ответное письмо с предложением разъяснить — что наши доблестные налоговые органы имели ввиду? А то ведь иначе грозят прибегнуть к судебному решению и через «исковое заявление о принуждении к изменению» всё-таки заставить выполнить своё требование.

В названии «Вертикаль. XXI век» нет латинских букв. Есть римские цифры. Но человечество пользуется в своей деятельности либо римскими, либо арабскими цифрами — об этом же в первой строчке «Википедии» написано. Именно так отображён век в миллиардах книг по всему земному шару.

Я понимаю, что чиновнику вовсе необязательно быть грамотным (хотя этот вопрос разъясняется не в начальных ли классах средней школы?), но и дремучее невежество его не красит.

А вообще — это показатель малой начитанности человека. Это говорит о том, что книга для него нечто чуждое.

28 августа

Праздник Успения Пресвятой Богородицы. Пошли с Ириной в Благовещенский монастырь. Там ждал Михаил Рубцов. Выслушали долгую и не очень внятную проповедь священника. Утомившись, прошёл в малую, но такую уютную церковь Сергия Радонежского. Помолился в тишине и почти в одиночестве, приложился к ковчегу со многими частичками мощей и коленапреклонённо к большой (в рост) иконе Сергия Радонежского с клеймами. Так хорошо душе здесь — в этом небольшом слабоосвещённом пространстве, где благородным старинным серебром украшен иконостас.

Вернулся в Богородичный собор Благовещенья. Вновь проповедь — на сей раз игумена монастыря. Но качества того же. С трудом дождался, чтобы подойти к кресту. Хоть уходи. Но выстоял, крест поцеловал, святой водой окроплён был — и всю усталость как рукой сняло.

Осмотрел в монастырском дворе место раскопок. Большой глубины, где остались внизу древние фундаменты, выложенные крупным речным булыжником. Несколько столетий назад были выложены они человеческими руками. И вот вновь явлены на солнечный свет, когда тех, кто их выкладывал, «и след простыл». Никак не могу «уловить» это чувство в себе — соединённости прошлого с настоящим. Душа волнуется, а разум никак не в состоянии сформулировать, объяснить эти ощущения.

30 августа

Сформирован 49-й выпуск «Вертикали. XXI век». Отправил подготовленные материалы на вёрстку. Всё ближе и ближе главная цель последнего времени — выпуск 50.

31 августа

Пришло письмо от Геннадия Петрова из Атланты. Прочитал последний вариант «Лестницы». Вот его впечатление: «Мне кажется, что рассказ выиграл бы в самом главном, в художественной убедительности, если бы Вам удалось заменить по возможности полностью рассуждения персонажей — анализом их чувств и переживаний... Любые рассуждения, особенно в наше чудовищно, небывало лживо-цинично-болтливое

время, неизбежно воспринимаются едва ли не с заведомым духом противоречия... Рассуждать можно практически бесцельно и бесчужденно».

Были на осенней выставке наших художников. Несколько удивил Ким Шихов своим «религиозным» триптихом. Уж вроде бы совсем не его тема, а тут три довольно больших полотна — слева Серафим Саровский на камне (памятник Вячеслава Клыкова, установленный в Сарове), в центре храм, справа православный крест с молящейся (внутри себя — так по образу). Написано, по сравнению с прошлыми работами Кима Ивановича в суровых, тёмных тонах. Заставляет задуматься.

Володя Заного показал новую большую картину «На Белом» (море). Практически автопортрет. Опять яхта, парус на первом плане, выглядывающий от штурвала капитан... Я не думаю, что в этой работе всё удачно. Она оставляет скучноватое впечатление.

Насторожили пейзажи Маши Заного. Её этюды всё больше становятся похожи на работы отца. Этого не хотелось бы. Тут главное даже не в некоем повторе, сворачивании на уже пройденный путь, а в потере той индивидуальной энергии, что присуща её живописи... Ну, может быть, всё и обойдётся.

Виктор Пурихов выставил новую скульптурную композицию «На берегу Днепра». Два всадника в кольчугах, с копьями. Вот бы такой памятник поставить у Зачатьевской башни, вместо (какой уж десяток раз) повторенного памятника Петру I. Высказал всё это Виктору Ивановичу, да напомнил, как он здорово однажды играл на гармошке у себя в мастерской. Пурихов подтвердил, что у него и сейчас гармошка есть. Та, что была в мастерской, после затопления погибла. Но осталась «домашняя». Можно встретиться там же в мастерской и вновь поиграть.

Традиционно после выставки своей компанией отправились в мастерские Евгения Юсова — Альберта Данилина. Жаль, что на выставку так и не пришли Мидов с Виктором Тырдановым. Николай Павлович звонил, приглашал, хотел о чём-то поговорить. И вот, как видно, сам не смог.

Из мастерской с Ириной пешком дошли до дома. В начале осени вечерний город — замечателен.

Утром в поликлинике смотрел в окно — стоя в коридоре на 4-м этаже. В небе летела белая птица (чайка или голубь — далеко, не разобрал), а за ней следом (совсем близко) чёрная ворона. Птицы летели как-то не торопясь, но чёрная ворона, повторяя все повороты белой птицы, неотступно, преследуя, следовала за ней. Будто выжидала...

И я у окна в ожидании — что скажет врач...

8 сентября

На «Радио России» прямой эфир. Передача «Литературный клуб», ведущая Наталья Валерьевна Михайлова. Раньше она вела «социальные» эфиры, потому я несколько удивился, когда она позвонила и предложила поговорить «о журнале и вообще...».

Перед эфиром, проходя через площадь Лядова, зашёл в огромный торговый центр «Небо». Храм поклонения потребителю современному человеку. Сколько же на этих площадях, на этих многих этажах можно было бы расселить русских деревень. А так... Словно утверждают этими громадами (сколько их уже построено в городе и окрестностях) — вот истинная цель человечества, его вера и поклонение. А мы тут о какой-то литературе собираемся говорить.

Надо сказать, что разговор, в общем-то, получился довольно «рваным» и скромным. Ни одной мысли не то чтобы развернуть, но даже вкратце договорить ведущая мне не дала. Конечно — не специально. Время в эфире — сорок минут, мало. К тому же звонки слушателей просто разочаровали. Всё не по теме. Такое впечатление, что звонили за тем, чтобы услышать себя по радио — и только. Наталья Валерьевна процитировала отрывки из моих статей и интервью. Заостряла разговор. Это вроде бы давало возможность мне более широко высказаться (цитата из статьи о

приёме в Союз писателей из «Литературной газеты»; из интервью «Руси Державной» о том, что Россия сиять будет своей значимостью для всего остального мира...), но затем сама же перебивала, торопилась... Но что-то стоящее всё равно удалось сказать.

9 сентября

Случайно «наткнулся» на передачу со встречи с художником Михаилом Михайловичем Шемякиным в студии телеканала «Культура» — и заслушался. Сложная человеческая судьба, но ни ропота, ни сожаления, а мудрый, глубокий, радостный взгляд на жизнь, отношение к ней.

Отец — беспризорник. С девяти лет красноармеец, официально (согласно документам из архива) зачислен в военное подразделение. В тринадцать лет уже командовал взводом. Дважды спасал от смерти будущего маршала СССР Георгия Константиновича Жукова. Награждён шестью орденами Красного Знамени. По всем статьям — выдающаяся личность.

Вот и сын оказался Богом отмеченный. Я пропустил, за что, но Шемякину перекрыли (органы КГБ) любую возможность получить художественное (или, например, богословское, семинарское) образование. (Обо всём этом художник рассказывал довольно подробно.) Тогда он устроился в Эрмитаж чернорабочим — таскал мусор. И всё для того, чтобы иметь возможность копировать старых мастеров. Бесплатно. Потому что по тогдашним расценкам час копирования стоил три рубля, а его зарплата составляла 28 рублей в месяц.

Прошёл через психиатрическую больницу — полгода там был, но спасла мать, оформила, как над инвалидом, опеку. И после этого Михаил Михайлович спокойно и убеждённо говорит: «Я никогда не ругаю судьбу».

В 70-е был выслан из страны без всего — только от государства получил 50 долларов на первое время. Во Франции жил в подвале заброшенного Клуба с заколоченными фанерой окнами — зимой. Как и все наши «авангардисты» (диссидентом он никогда не был), считал Запад чем-то лучезарным. Оказалось, всё не так, и Шемякин это быстро понял. Но всё-таки главная ценность тут для него была — писать то, что он хочет, без боязни, что придут и опять укутуют в психушку. (Оказывается, в 70-е было письмо в Политбюро ЦК КПСС главы Комитета государственной безопасности Юрия Владимировича Андропова — его разыскал в архиве Владимир Константинович Буковский — чтобы выслать из страны всех «неформально» думающих и творящих людей.)

Несмотря на это, в мастерской в Нью-Йорке у Шемякина висит лозунг В.И. Ленина «Учиться, учиться, учиться и ещё раз учиться!» В созданном им фонде помощи детям висит портрет Феликса Эдмундовича Дзержинского.

— Если бы он был сейчас жив, то в Петербурге не было бы 50 тысяч бездомных детей, — сказал художник.

И это говорит о потрясающей свободе мысли, о глубоком понимании жизни.

Светлое впечатление оставила у меня эта встреча.

10 сентября

А вот реалии современного «русского мира». В Москве арестован заместитель начальника Главного управления по противодействию коррупции при МВД РФ Дмитрий Захарченко. Поражает размер изъятых денежных средств в рублях и в валюте — более девяти миллиардов рублей. Не миллионов, а именно миллиардов! Весом под полторы тонны.

До какой же тупости, нравственного развращения дошли наши власти. А мы им о свободе творчества, о литературе, об ответственности перед Богом. Бог же для них деньги и только деньги. И как всякий безумный, они потеряли и к ним реальное отношение.

11 сентября

Второй раз пошли вдоль Оки от Канавинского до Молитовского моста по бетонной набережной правого берега. Удивительная прогулка. Будто и не по городу идёшь, а где-то в лесу — так берег зарос кустарником, деревьями. На противоположном берегу корпуса (брошенные) заводов. Не радостное зрелище — выбитые стёкла окон разорённых цехов, обветшалые стены — запустение.

Идёшь по набережной с чувством первооткрывателя неведомых земель. Это странно волнует. Как много мы ещё не знаем в собственном городе. Его можно открывать и открывать для себя. Если не лениться.

Пришла по электронной почте обещанная статья от А.В. Мюрисепа (об Улыбышеве). Большая. 49-ый выпуск «Вертикали. XXI век» почти сформирован. Но я подумал — а почему бы её не дать в нескольких номерах небольшими отрывками?

Начал писать материал для юбилейной книги Нижегородского землячества в Москве (по просьбе Алексея Фёдорова). Я плохо знаком с темой, но попытаюсь что-то сформулировать.

На берегу сквозь деревья (недалеко от Молитовского моста) увидел остов здания. Прошёл к нему. Мощные стены из красного кирпича, высоченные окна, вверху заканчивающиеся сводом, полукругом. Всё заросло деревьями. Но здание большое, внушительное, архитектура и кирпич явно девятнадцатого века. Что здесь было? Нужно уточнить у краеведов. Наверняка скоро все эти остатки постройки будут уничтожены, снесены. Люди довольно безжалостно относятся к своему прошлому.

А на берёзах появились жёлтые пряди. Город прощается с летом.

12 сентября

Вычитываю статью А.В. Мюрисепа «А.Д. Улыбышев в контексте отечественной театральной культуры». Удивляют в языке автора многие обороты, заимствованные из политической литературы 50-60-х годов прошлого века: «Он выражал протест демократической общественности против несвободы существующего крепостного режима в России» или «В особенности ярко выражена демократическая направленность в ведевиях великого русского поэта Н.А. Некрасова».

При подготовке статьи Александр Васильевич много перечитывал театроведческие книг указанного мною периода, и это невольно «въелось» в поры его слога (идеологическая направленность рассуждений авторов). Как незаметно (и оттого вдвойне опасно) эта мертвечина отравляет наше письмо. Но с другой стороны — далеки ли наши современные демократы от подобных размышлений? Всё старо, всё повторяется.

О своих замечаниях я сказал позвонившему вечером Мюрисепу. Вроде бы нашёл понимание. Во всяком случае и без согласия автора всё это из текста вычестил.

14 сентября

Театр драмы показывает премьеру — пьесу Эфраима Кишона «Брачный договор». Перевод с иврита М. Беленького. Режиссёр-постановщик Алла Решетникова. Спектакль имеет жанровое уточнение — семейная комедия с национальным колоритом. Действие происходит в Израиле. Семейная пара, которая в кибуце двадцать лет назад то ли зарегистрировала свой брак, то ли нет — начинает выяснять отношения. Ну и отсюда знакомые всем перипетии. Плюс на всё это накладывается предстоящая свадьба дочери. В главных ролях Сергей Блохин и Елена Суродейкина.

Актёрские затраты на сцене значительны. К концу спектакля комедия переходит в драму. Но всё заканчивается, к всеобщей радости, полным взаимопониманием и любовью, бурным еврейским танцем...

У меня два вопроса к этому спектаклю:

Почему актёры играют «русскую жизнь»? Явный дефицит еврейского национального колорита. И ясно, почему — они не знают, он им не известен, быт, способ общения тех, кого они попытались сыграть. Нет ощущения того особого национального нерва.

Собственно, на какого зрителя этот спектакль рассчитан, для кого поставлен? Боюсь (ввиду моих замечаний) он может быть неинтересен как евреям, так и русским.

Хотя... присутствующие на просмотре министр культуры С.А. Горин и бывший глава синагоги (нижегородской) Липа Грузман остались довольны, выразили своё восхищение увиденным.

Александр Васильевич и Раида Леонидовна Мюрисепы были в своих оценках сдержаны, но всё же с «уклоном» в положительную сторону.

Разъезжались с некоторой задержкой — такси запоздало. От служебного входа театра с Мюрисепами отъезжали последними. Уже сидя в машине увидел, как одиноко бредёт от театра Липа Грузман — на голове шляпа, густая борода отлиывает серебром в свете фонарей. Вечное еврейское одиночество. И вновь я задал себе вопрос — для какой публики поставлена эта пьеса?

15 сентября

Приезжал Владимир Колчин (поэт с Автозавода) за удостоверением члена Нижегородской организации СП. Ходит с трудом, опираясь на клюшку — последствия после удаления опухоли мозга. С удовольствием, в подробностях начал рассказывать о деталях прошедшей операции. Для меня это какая-то непонятная загадка — почему люди так любят говорить (с азартом, с упоением) о своих болезнях. Хотя, конечно, Владимиру Ивановичу сочувствую. Живёт человек, переживает по пустякам, раздражается, строит планы — а в это время внутри него уже включён некий механизм, отсчитывающий дни до неизбежного...

В музее-квартире А.М. Горького, в гостиной на втором этаже — народу битком. Отмечаем 45-летие создания музея. Кроме официальных поздравлений — моё (вспомнил, как в этих стенах нашла приют «Воложка» — литературное объединение прозаиков) и К.И. Шихова (подарил музею Ветлужский этюд).

Коллеги из Орловского музея Леонида Николаевича Андреева на первом этаже представляли фотографии (цветные), сделанные писателем в 1910 году в окрестностях своего дома в Финляндии. Удивительно красивые работы — портреты (в том числе и автопортреты), пейзажи, фотографии дома. Оказывается, в Англии, где оказалась основная часть стеклянных пластин с фотографиями Андреева, он считается (в первую очередь) знаменитым талантливым фотографом. Все его работы изданы в альбомах с комментариями на основных европейских языках (кроме русского).

В Орле хранится около пятидесяти пластин. Несколько штук есть и в нашем музее. Их выставили в «гостевой комнате» на втором этаже (где жил Андреев у Горького). Там же на столе книга с автографом Леонида Николаевича (том рассказов, посвящённый Горькому) и металлическая шкатулка, подаренная Андрееву.

Вообще, я уже много раз отмечал — наш музей просто напичкан мемориальными вещами.

За столом, закусывая водку пирогами, примирительный разговор с Сергеем Чуяновым. На обратном пути уже традиционная бурная полемика с Михаилом Рубцовым по вопросу веры.

Вспомнил, как шёл вчера через Кремль в театр и залюбовался радугой. Такой необычной — тёмно-синие тучи над городом (низкие, тяжёлые, дождевые), а под ними радостное разноцветье. И откуда взялось, где тут солнце пробилось сквозь тучи?

17 сентября

Два дня читал стихи Бориса Лукина и писал о них (и о нём) статейку для «Столицы Нижний». В короткий текст уместил всё — и о его детстве в нашем городе, и цитаты трёх его стихотворений, и биографическую справку, и названия изданных им книг, и рассказал про антологию «Наше время». Отослал текст Лукину. Борису он не понравился. В третьем письме за день попросил его и вовсе не публиковать. Я с готовностью согласился. И всё-таки странно, чего больше в его решении — некой игры в «писателя» или непонимания задач моей статьи в три с небольшим тысячи знаков?

До этого Борис написал (составил) большую статью о моих книгах, на мой взгляд, не совсем удавшуюся ему, но у меня язык не повернулся сказать ему об этом. Всё-таки человек трудился в меру Богом отмеренного таланта. Но Ирина, прочитав, была более категорична. И вот Лукин написал письмо о моём тексте.

— А вот ты никогда не оцениваешь так. Всех жалеешь, — высказала Ирина.

Да нет уж, я лучше буду жалеть самолюбие авторов. А что у меня в текстах получается, что нет — я и сам не хуже своих критиков вижу и могу оценить. Статья о Лукине получилась, зря он отказался от публикации.

В замен тут же приступил к статье для журнала об Иване Кирилловиче Кузьмичёве.

20 сентября

Водная академия. Андрей и Дмитрий Альпидовские представляют свою книгу «Волжские рассказы». По объёму она небольшая. Но это воспоминания о безвозвратно ушедшем времени, и тем она ценна. Надиктовал книгу на магнитофон отец Дмитрий Валентинович, подготовил текст к изданию сын — Андрей Дмитриевич.

В зале кроме студентов — ещё два ветерана, бывшие заместители главы Волжского объединённого речного пароходства. (Кстати — только сейчас узнал, почему «объединённого». Потому что до 1954 года существовало два пароходства: грузовое и грузопассажирское.)

Пришедшие старики вспоминали то время «со слезой в голосе». Слушал их с удовольствием, хотя рассказы были самые незамысловатые — о работе, Константине Константиновиче Короткове (начальнике пароходства с 1960 по 1984 гг. — четырежды бывшим делегатом съездов КПСС — абсолютный рекорд), Волге... Какой прежде была река. Только на таких встречах вдруг так явно понимаешь о безвозвратности времени, о стремительности его. И как с проносящимся временем меняется материальное отражение жизни.

21 сентября

Буквально заставил себя пойти на заседание рабочей группы Издательского совета — так не хотелось участвовать во всей этой говорильне. Но неожиданно получилось интересное обсуждение действительно важных вопросов, касающихся формирования перечня принимаемых к рассмотрению заявок. Решено совсем уж одиозные проекты (хоть они формально и правильно оформлены) не включать в главный список, рассматриваемый полным составом Издательского совета.

Вызвал дискуссии вопрос о повторном рассмотрении заявок, уже однажды отвергнутых советом, не набравших должного количества баллов. Я не удержался и упрекнул областную библиотеку, которая в представленном обзоре не рекомендовала мою книгу очерков о нижегородских писателях к изданию, из-за того, что она, якобы, уже выходила.

— Выходила другая подобная книга с наполовину другим содержанием — «Душа живая». Но и она, её тираж был забран московскими оптовиками. В областную же библиотеку экземпляр «Души живой» подарил я. Видимо, больше этого делать не стоит. И вообще, к «экспертным

оценкам» областной библиотеки много вопросов.

Обращаясь к заместителю министра информационных технологий, предложил:

— Из наших газет полностью исчез разговор о книгах. Невозможно опубликовать самую маленькую рецензию. Хотя бы в подконтрольных местному правительству СМИ это надо исправить.

22 сентября

В Розовом зале ресторана «Меркурий» Главного ярмарочного дома Молодёжный парламент при Законодательном Собрании области провёл заседание Круглого стола на тему: «О развитии бизнес-идей в современных условиях». Не надо бы было мне туда идти — не моя сфера интересов, да и горло начало болеть (всё-таки в Водной академии прохвятило, хотя надеялся, что обойдётся), но как следует не разобравшись, что это за встреча, пообещал Комитету Законодательного собрания по информационной политике принять участие. Когда же прислали сопутствующие документы, то отказываться было уже поздно.

Высидел ровно час (половину заявленного времени). Вообще-то любопытная статистическая, налоговая информация, касающаяся жизнедеятельности Нижегородской области, была доведена до молодёжной (в подавляющем большинстве) аудитории. Но смущает меня во всём этом другое. Как во времена «социализма» нам бесконечно вбивали в головы необходимость выполнения плана, так сегодняшним — безудержное зарабатывание денег. И ни слова — для чего это делать, в чём конечная цель этого «процесса»? Пытаются растить каких-то бездушных роботов. Ни слова о духовных потребностях — культуре, вере, патриотизме... Ничего мы из этой мороки не вырвемся.

Пришла вёрстка «пушкинской» книжки А.И. Пафнутьева — «Гимн любви А.С. Пушкина».

Отец Владимир Чугунов предлагает подготовить книгу избранной прозы к моему 60-летию. Что ж, если не передумает, выпустим. Да только тонковатой получится книжечка, если строго подойти к отбору в неё текстов. Нечем мне особенно похвастаться.

29 сентября

Утро началось со звонка из Комитета Законодательного Собрания. Нужно подготовить письмо от Союза писателей, если я собираюсь остаться в рабочей группе по некоммерческим организациям. Оформление новых бумаг связано с тем, что прошли выборы нового состава депутатов, и новый председатель будет издавать (касающееся нас) новое распоряжение.

Письмо и решение Правления распечатал. Но прежде чем идти домой, «заглянул» в текст статьи об Иване Кирилловиче Кузьмичёве, и как-то так в него втянулся, что дописал о нашем профессоре и старейшем литературоведе, филологе до конца. Конечно, это только черновой вариант, но вся основа в нём уже есть.

Из дома пошёл в театр «Комедия». С моста увидел на воде большую стаю уток — досчитал до пятидесяти и сбился. Почему вдруг, по чьей команде, крику эти птицы из разных концов острова прилетели сюда, к мосту? Что у них за собрание перед отправлением в дальние края? Но так это всё разумно, коллективно, своевременно, что диву даёшься.

Думал, в театр опоздаю, а получилось, что пришёл загодя. Отправился по улице Грузинской в сторону улицы Ошарской (давненько здесь не хаживал) — захотелось посмотреть вновь открытую церковь в бывшем корпусе института микробиологии. Дом этот вернули епархии. Хорошая архитектура начала прошлого века. Теперь всё преображено, отштукатурено, купола на крыше. Внутри (по нынешней традиции) все стены расписаны. Золотом сверкает иконостас, верхняя роспись сводов. И никого... Одна монашка читает на клиросе.

По старому мозаичному полу (и ведь сохранился, хоть и побит, в трещинах — но это первозданно, с момента строительства) подошёл и приложился к кресту и к иконе праздника. И хорошо стало на душе.

По мраморной, зеркально отражающей лестнице вновь спустился вниз, к выходу. Женщина из церковной лавки, видно, обрадовавшись редкому посетителю, несколько назойливо принялась мне рассказывать об истории этих помещений, и что сейчас тут женский монастырь, а раньше дом на пожертвования фотографов Максима Петровича Дмитриева, Андрея Осиповича Карелина и ещё восьми горожан был построен для детей-сирот... И то, что у них есть частицы мощей, другие святыни, а вот люди пока не идут. Видно, не знают.

Спросил:

— Вам только это здание передали?

— Ещё одно, напротив, сгоревшее.

Пообещал к ним ещё зайти. Да и надо будет это сделать. Церковь-то освящена в честь Кирилла и Мефодия.

В театре А.В. Мюрисеп рассказал о своей встрече с Наташей Адриановой. Та решила продать бывшую квартиру Юрия Андреевича, переехать в однокомнатную, а на полученные сверх того деньги издать три ею уже подготовленные книги Юрия Андреевича Адрианова — как я понимаю, по материалам из архива поэта. Да, видно, нелегко живётся Наталье Андреевны. А как помочь, чем — не знаю.

Смотрели спектакль «Дом, который построил Свифт». Известная пьеса Григория Горина. Постановка Вадима Данцигера. Я ещё раньше читал об этой работе интервью с режиссёром в «Столице Нижний» (№ 2, 2016 г.) «Свифт — величайший мудрец с потрясающим чувством юмора».

Мне нравились работы Данцигера в нашей драме, но эта... просто до невозможности скучная, непонятная, какая-то непродуманная. Жаль. Александр Васильевич со мной не согласился (впрочем — осторожно, не категорично), а я и не настаивал.

И во время всего действия зал хотя бы хохотнул... Но думаю, что и такая работа кому-то нравится, по душе.

30 сентября–4 октября д. Сухоборка, река Ветлуга

Вчера вечером, идя домой после спектакля, в Университетском переулке у оврага обратил внимание на ожившее здание (горел свет, в окнах видны отремонтированные помещения) бывшего педагогического училища — добротная постройка из красного кирпича в четыре этажа конца XIX — начала XX века. На новой вывеске значилось, что и оно отныне принадлежит Нижегородской епархии.

День солнечный, тёплый. Едем на Ветлугу с Владимиром Заногой на его новом джипе. Как он скромно сказал: «Стоит немногим более миллиона». До Сухоборки, деревни, где дом художника Владимира Ерофеева, добираемся легко и в хорошем настроении. Хозяин встречает горячей ухой из лебца и судачка, тушёным зайцем, спелыми, сочными осенними яблоками. После застолья — в приготовленную баню, жарко натопленную.

Владимир — хозяин «широкой души» (рыбак, охотник) и просто отменный повар. Даже обыкновенную овсяную кашу, которой он нас будет кормить каждое раннее утро, он приготавливал так, что ели мы её с несравняемым удовольствием.

01.10. Проснулось, ещё и шести часов не было. Солнечно. Ну, думаем, с погодой повезло! Однако вскоре небо заволкло серостью. Ерофеев переправил нас на остров и сказал, чтобы мы шумя шли ему навстречу, на другую оконечность острова. Владимир рассчитывал, что тем самым мы выгоним на него зайцев, которых тут водится, по его словам, «море».

Мы пробирались по высоченной траве, сквозь заросли шиповника (я даже немного набрал этих ягод в пакет), потому намучились вволю. И всё безрезультатно. Никаких зайцев мы не видели. Но песчаные отмели на левом берегу острова (нетронутые, первозданные, хранящие следы

бурного весеннего разлива) — восхитительны, притягательны для глаза. А за рекой прямо к обрыву подступивший лес (в котором в прошлом году мы пытались найти чёрные грузди) горел осенним золотом берёз, светился густой зеленью потемневших к холодам елей. Тишина, покой вокруг. Ощущение, что кроме нас на этой земле и нет никого.

С острова отправились в лес. Причалили к тому мыску, на котором в прошлом году я пытался рыбацкое счастье. На этот раз лесная дорога оказалась пуста — ни единого гриба. Свернули с неё влево — «в дубраву». Ерофеев пообещал, что уж там грибы точно найдём. Не скажу, что все надежды наши оправдались, но всё-таки они с Заногой нарезали немного рыжиков, которые, по возвращению в дом, Владимир Иванович тут же засолил, чтобы на следующий вечер уже нас ими потчевать.

Я ходил по этому смешанному лесу созерцателем. Дубы в нём встречались редко, и сразу выделялись особой своей листвой — густо-желто-оранжевой. Стволы мощны, кряжисты, с широкой кроной. Встречалось множество овражков, траншей, в которых поваленные временем и ветром деревья создавали удивительной таинственности и красоты пейзажи. Такие классические картины русских буреломов. Удивляюсь, почему Владимир Заного так спокойно мимо них проходил, не замечая. Какие этюды могли бы получиться! Да целые картины...

Удивляет количество брошенных тросов. Толстые, они торчат из земли ржавыми боками, кольцами — будто гигантские змеи. Это остатки от работы лесозаготовителей, что несколько десятилетий назад валили здесь тайгу. И невольно думаешь — могла ли выстоять, выжить страна, где столь нерачительно, бесхозяйственно обращались с добром.

Переплывая Ветлугу, проверили две сети Ерофеева. В одну попалась хорошая сорожка, подешчик и судачишка. Как раз к обеду. Зажарили. После отдыха возвращаемся на остров. Солнце багрово заходит за поворот реки. Наступают сумерки. Мы с Заногой вновь «гоним зайцев» — вернее, прогуливаемся по островным зарослям вдоль левого, песчаного (а не обрывистого правого) берега острова.

Поражают высокие завалы из брёвен, лесного хлама далеко от берега, в кустах. Как же здесь бушевала Ветлуга в весенний разлив!

На дальней оконечности встречаемся с вышедшим нам навстречу Володи Ерофеевым.

— Ни один заяц не выскочил. Зато при подходе к острову я одного селезня подстрелил. Так что без дичи всё равно не остались.

Ерофеев нас уводит к недалёкому небольшому продолговатому озеру. Рассказывает, что здесь ему утки чуть ли не на голову сели. Озеро широкое, да и человека в кустах не видно. Вручает мне ружьё.

— Теперь ты будешь стрелять...

Быстро темнеет. Понимаю, что в сумерках сюда утки не прилетят. У них тяга чаще всего идёт по просекам, а не по глухим озерам. Но спорить с захмелевшим от выпитой за день водки Владимиром бесполезно. Потому просто стою и люблюсь, как теряет очертания лес и кустарники вокруг. Как по небу быстро летят, словно лёгкая дымка от далёкого костра, низкие облака.

Вот и первая звезда появилась на небе. Пора в обратный путь. Идём по реке в полной темноте. Не сразу находим своё место для «швартовки». Причаливаем с третьего раза. Ерофеев с трудом прикрепляет цепь лодки к торчащему из земли тросу. Заного своим смартфоном, как фонарём, освещает тропинку к дому.

02.10. Владимир Ерофеев — это такой тип русского человека, который не может не вызывать к себе самых добрых чувств. Я бы даже сказал, что это классический тип русского человека — очень щедрый, не стяжательный, добрый, в чём-то вроде бы несобранный, не аккуратный, не педантичный, но удивительно способный во многих и разнообразных делах. Всё он вроде бы делает спустя рукава, небрежно. Но странно — в итоге всё получается.

Вот топят баню напильными плашками горбыля — толстенными, сырами.

— Володь, чего ты их не поколол?

— И так сгорят, — отвечает он мне.

И сгорают, и баня натоплена жарко. И бьются они с азартом вместе с Заногой берёзовыми вениками. Веники жиденькие, концы не подрублены, там, где держать их рукой, от листьев не очищены.

— Володь, чего же ты веники как следует не приготовил?

— Да и так сойдут.

Вчера проверяли сети. Они все в дырах, где и вовсе в канат скручены, выставлены по реке кое-как. Но ведь и в них рыба ловится (хоть и немного).

Сидим в доме. На кровати хозяина брошены патроны. Беру их в руки и чувствую на них мелкий песок. А те, что с пулями, и вовсе заржавели. Но ведь и такими зайцев, уток бьёт, нас вкуснейшими похлёбками потчует, жаркое на стол выставляет.

Вчера перед тем, как плыть на остров, решили Ерофеев с Заногой на Ветлуге потролинговать. Я сидел в лодке сторонним наблюдателем.

С первого же заброса у Владимира Ивановича воблер за что-то зацепился на дне. Вытащили. Второй заброс оказался последним. Воблер вновь зацепился. Ерофеев суетился, пытался кошкой достать со дна корягу и спасти дорогую снасть — безрезультатно.

Пошли на моторе вверх по реке — спиннингов уже не забрасывали. Причалили к правому берегу. В прошлом году в этих местах я не был. Ерофеев показал на берегу огромную яму глубиной больше двух метров — будто бульдозер её вырыл. А, оказывается, вымыла весной вода на совершенно ровном месте.

— Что за чудо природы? — удивляется Владимир, показывая мне яму.

Проходим к одному озерку — пусто. Подходим к другому — поднимается большая стая уток. Но далековато — Ерофеев не стреляет. Моё внимание привлекает долго тянувшийся, не очень высокий, но обрывисто ровный, поросший деревьями и кустарниками холм. Явно — древний берег реки, от которого со временем Ветлуга отошла на несколько десятков метров. И только в половодья набивала к этому берегу всякий лесной хлам, что застревал в разросшихся зарослях. Позже нечто подобное я увижу и на острове.

Только отчаливаем, чтобы спустаться вдоль берега, где Заного смог бы покидать спиннинг вдоль берега (Ерофеев: «Здесь окунь должен брать»), как после двух взмахов вновь зацеп. Начали разматывать леску (два Володи), и утопили по невниманию «уловистую блесну». Так и вернулись ни с чем. Вот в таком сумбуре прошла попытка половить рыбу.

А уж потом был остров, подстреленный селезень, ночное возвращение.

Сегодня утром Ерофеев объявил, что идём за чёрными груздями в лес «за трассу».

Идти лесной дорогой пришлось довольно далеко. Но день солнечный, тёплый. Белых, подосиновиков довольно много. Но почти все они переросшие, хоть и не червивые. Для сушки можно было бы взять, но что с ними будет до нашего отъезда. Потому берём только молоденькие грибки, а они редки. Чёрных груздей нашли всего несколько штук.

Ерофеев довольно быстро нас в лесу бросил. Поаукал ещё какое-то время, да и замолк. Мол, сами как-нибудь выберетесь. А лес-то совсем незнакомый. Ладно, у Заного был туристический навигатор (замечательная штукавина), а то бы поплутали. И с ним-то ушли довольно далеко от деревни. Но зато по такой чудной лесной дороге прошли — красоты невероятной, с высокими деревьями, с руслами высохших ручейков, с «зарослями» опять, которых по пакету всё-таки нарезали.

Пришли домой.

— Я так и знал, что не заблудитесь. Вы люди бывалые, — была констатация факта Ерофеевым. — А я пока грибов с картошкой пожарил, водочки прикупил.

Ну разве можно было обижаться на такое хозяйское спокойствие?

Вечером вновь баня. Вместо душа обливались на улице из таза. Темнота — «хоть глаз коли». И после тепла бани так сладко выходить в ночной холод, стоять босыми ногами на влажной от росы траве.

После ужина вышел на участок Владимира. Долго смотрел на великолепное в это время года звёздное небо — чистейшее, глубокое, таинственное... И такое приходило в голову...

Перед сном продолжал читать роман Юрия Бондарева «Горячий снег». Взял книгу с собой в поездку. Второй том из подаренного мне писателем собрания сочинений.

03.10. В первую ночь после приезда был дождь. Когда засыпал на диване в мастерской Ерофеева (как и в прошлом году), то капли, бросаемые в досчатую стену порывами ветра, игольчато стучали, пробуждая в душе непонятное беспокойство.

Этот день тоже начался с накрапывания дождя. А мы-то собрались вновь на остров — теперь уже за ягодами шиповника. Но пока два Володи на реке проверяли снасти (и вернулись с неплохим уловом), я рассмотрел прибитые к стене мастерской несколько ветлужских этюдов Ерофеева. Всё-таки удивительно он может передать состояние природы. Каким-то глубинным своим естеством он её чувствует, и потом красками это своё чувство запечатлевает на картоне.

Дождь утих. Но небо хмурое, неприветливое. Собирал шиповник недалеко от берега — слышно, как журчит вода, переваливаясь через торчашие со дна топляки. Ветлуга быстра, напориста, хотя с этой стороны острова и не основное её русло, не фарватер. Набираем ягод меньше, чем по полведра, и решаем возвращаться. Я бы ещё побыл здесь, в тишине, в оторванности от мира, но моим спутникам эта монотонность жизни надоела.

Возвращаемся на свой берег. Выгружаемся. Я первым иду по тропинке вверх, к дому. Тропинка крутая, чтобы легче было подниматься, Владимир вырубил в земле ступени, но глина после дождя скользкая, идти трудно.

Не помню, вначале услышал шипение змеи или увидел её саму — чёрную, угрожающе поднявшую голову. От неожиданности отпрянул назад, на идущего следом Заногу. Тот поднимался за мной с поклажей. Гадюка застыла на краю тропинки и, шипя, смотрела на меня. Владимир попытался её напугать длинной палкой (осторожно, издалека, боязливо), но гадюка не реагировала и со своего места не уползала. Тогда я спустился к реке, взял из лодки небольшой багор и вернулся на тропинку. Змея была на месте. Решил обойти её по склону. Занога делал перед её носом какие-то манипуляции палкой, но гадюка на них не обращала никакого внимания, а пристально, шипя, наблюдала за мной. Выйдя на тропинку выше змеи, я прижал её к земле багром ближе к голове. Подошедший Ерофеев спокойно полоснул змею ножом у головы, потом ещё раз, и, взяв в руки, повесил гадюку на ветку дерева у тропинки — для галок и ворон: «Пусть знают кто здесь хозяин».

Столько лет прожил, и вот впервые в своей жизни встретился с этой ядовитой змеей.

За обедом хозяин угощал необычным, но очень вкусным блюдом — жареными рыбными потрохами (икра, печень, пузыри подлещиков), приправленными репчатым луком и чесноком. Я съел больше половины сковородки.

04.10. На этот раз рыба почти не попалась. Занога несколько растроен. Пока он с Ерофеевым был на реке, проверяли вчерашние дырявые сети, я набрал яблок на брошенном соседнем участке. Антоновка сбросила их в траву. Там их и поднял.

Наступил день отъезда. День ясный. Хорошо обратно возвращаться даже из такого гостеприимного дома, как у Ерофеева. Володя провожал нас и с облегчением, и с грустью — и гости надоели, но и опять остаётся одному с собакой не очень весело.

— Буду работать, писать этюды, словно самого себя успокаивая, сказал нам на прощание.

Помоги ему Бог. А мы с Заногой сделали ещё одну остановку, на высоком берегу Линды перед станцией Киселиха. Пили чай, любовались открывшимися видами. Жаль, что такое хорошее место люди испортили набросанными бутылками, всякой упаковкой, автомобильными шинами. Но даже этому хламу «красота этого чудесного места» сопротивляется... и даже побеждает.

6 октября

Театр драмы. Премьера на нижегородской сцене пьесы Бориса Рацера «Осеннее танго». В спектакле заняты четыре актёра (две пары) — Георгий Демуров, Тамара Кириллова, Анатолий Фирстов, Юлия Муранова. Сюжет незатейливый: у старой одинокой обеспеченной американки делает ремонт русский эмигрант (как впоследствии выясняется — профессор, хирург). У них у обоих выросли дети, теперь живут своей жизнью. Старики, конечно же, страдают от одиночества, тоскуют по детям, внуками, которые, в общем-то, неплохие люди, не забывают о родителях... но у них своя жизнь, своя борьба за выживание. В связи с этим и возникают некоторые сюжетные коллизии, которые сближают стариков, и даже рождают в их сердцах чувства. Другая пара играет на обострение сюжета — интриги, любовный треугольник и так далее.

Хороший, тёплый спектакль. Просто великолепен в нём Георгий Демуров — естественен, абсолютно достоверен в роли «мистера Попова». Замечательный актёр. В паре с Маргаритой Кирилловой у них получился великолепный дуэт. И как явно им проигрывает вторая пара, у которой нет ни глубины создания характера, ни интересного рисунка в разыгрываемых образах. Всё поверхностно и довольно фальшиво.

Давно я не видел на сцене Георгия Сергеевича и теперь искренне порадовался за актёра, глядя на работу мастера.

7 октября

Приезжала ко мне в Союз писателей доктор филологических наук из Арзамаса Родина Галина Ивановна. Вообще-то она специалист по немецкой литературе, но почему-то ещё заинтересовалась жизнью и творчеством Михаила Васильевича Шестерикова — одного из писателей-нижегородцев «первого призыва». Она познакомилась с внучкой Шестерикова, забрала у неё то, что сохранилось в архиве, проштудировала периодику довоенных лет и нашла более ста статей этого автора. Теперь готовит публицистический сборник к печати. (А я-то знал Шестерикова только как поэта, кроме всего прочего опубликовавшего в «Новом мире», в № 10 за 1957 год у Александра Трифоновича Твардовского поэму «Огонёк моей юности»).

К сожалению, в нашем архиве никаких документов Михаила Васильевича не осталось. Даже личного дела. Конечно, может быть, его сдали в фонд, в областной архив (в лучшем случае), но, может, эта папка просто утеряна. Во всяком случае, пообещал, что если что-то найду — сообщу.

Несколько меня удивило, что учёный не знала о публикации письма Твардовского Шестерикову в последнем томе собрания сочинений (красном) Александра Трифоновича.

Подарил Галине Ивановне (профессору) «В предчувствии Апокалипсиса» и №№ 47, 48 «Вертикали. XXI век». Она пообещала прислать статью о Михаиле Васильевиче. Рассказала немного (впрочем, я не интересовался подробностями) о случившихся неприятностях и отстранении Евгения

Павловича Титкова от ректорства Арзамасского педагогического института. По тону понял, что Родина не из сочувствующих ему.

8 октября

Привезли из типографии книжку Анатолия Ивановича Пафнутьева «Гимн любви А.С. Пушкина». Договорились с автором встретиться сегодня. Поднимаюсь по лестнице, и вдруг слышу:

— Валера!

Кричит Пафнутьев из нашего коридорчика. Открываю дверь. Темно. Включаю свет. Анатолий Иванович стоит, забившись в дальний угол.

— Ты чего там делаешь? — спрашиваю его.

— Я пошёл вдоль стены узнать, открыта ли дверь... и потерялся. Не пойму — где оказался.

Смех, да и только. Он и так плохо видит, а тут ещё в темноте. Перепугался. Но книжкой остался доволен.

Приехал с материалами для своего двухтомника А.М. Коломиец. Выпили с ним по две рюмки водки, настоянной на калине с мёдом — вкуснейшая вещь. Начали вспоминать прошлое журнала. Я рассказал, как ходил покупать в окрестные ларьки копеечные пакетики с китайской лапшой быстрого приготовления — денег не было, а голодное состояние доходило до того, что руки дрожали.

Вот так делался журнал, так создавались его номера. И разве можно было всё это выдержать, не бросить, если бы «не воля свыше», которая вела, не давая впасть в отчаяние. Хотя моменты близкие к этому бывали.

Маша Заного заехала с гостями показать свои работы в нашем зале. Талантливый она человек. Впрочем, я об этом писал в своих дневниках.

Пришло письмо из налоговой — ответ на моё послание по поводу латинских букв в названии «Вертикаль. XXI век». Больше ко мне претензий не имеют. Не часто, видимо, им пишут такие издевательские ответы.

9 октября

Вновь пошли прогуляться до Молитовского моста. Хотя и солнышко, но ветер холодный, северный. Небо чистое — до бирюзовости. По склону — всё разнообразие красок. Лишь пирамидальные тополя своей стойкой зеленью напоминают о прошедшем лете. Да золото куполов Благовещенского монастыря сверкает будто прощально, с необъяснимой словами, потаённой грустью. Близко зима, близко...

Отец Владимир Чугунов прислал на телефон сообщение: «Калина поспела». Подразумевается — можно приезжать собирать.

11–13 октября Кунавино

Приехали в дом, когда уже темнело. Успел засветло только сходить на родник за водой, да затопить обе печи — холодно в комнатах, всего два градуса тепла. В большой комнате так и ещё раз топил — в десять часов, чтобы ночью уж наверняка спать спокойно, в тепле.

Ирина, как всегда, покапризначала — не любит холода, боится его. Но легла на кровать у печки с книгой, и почти тут же заснула. А я ещё долго работал с рукописью (своей) для 50-го выпуска «Вертикали. XXI век».

Перед сном читал прозу Юрия Бондарева — замечательный стиль, создающий плоть художественного произведения. Все награды, премии за свои романы Юрием Васильевичем были получены заслуженно, а не из-за его «секретарства».

12.10. С утра вновь затопил печь в первой комнате, и в доме уже основательно потеплело.

На улице занимались всякой мелочью — собирали и обрезали шиповник, обрезал и уносил сломанные ветки яблонь, собирали яблоки для дома. Несколько раз начинал моросить дождь — нудно, противно. Но

довольно быстро переставал, и вновь тяжёлое серое небо давило сверху, обещая близкие холода и сырость. И от этого тоскливо становилось на сердце. Почему плохая погода не угнетает так сильно в городе, как в деревне? Видимо, потому, что тут ты сам с собой — не спрятаться за всякую суету, не забыть сознание (и чувство) новостями из телевизора. Тут волей-неволей приходится думать о вечном.

Хотя городские заботы и здесь достают телефонными звонками. Вот приехал Василий Дворцов на встречу в нашем министерстве культуры по поводу Некрасовского семинара. Хотят всё это развернуть в нечто грандиозное, задействовать несколько районов области. Но я же не могу здесь в деревне всё бросить и вернуться в город. Надо дом в зиму закрыть — будет ли ещё возможность в этом году приехать в Кунавино?

После обеда выпиливал на дальнем участке кусты (даже деревья) облепихи. Мы их не сажали. Это незваные гости с соседнего участка. И уж у законных хозяев их давно нет, а мы вот запустили. Теперь объявил этим «оккупантам» войну — выпиливал всё подряд под корень.

13.10. Ну вот и дождались — первая снежная крупа зашуршала по ещё не опавшим, жёлтым ссохшимся листьям яблонь. И тут же в природе словно всё затаилось — напугано ли, или в ожидании неизбежных перемен? Мы все свои работы закончили, и вот тоже грустно сидим за чаем, вздыхая и вспоминая прошлое. Много всего произошло в этом, сиротливо оставляемом на зиму (с закрытыми окнами) доме. Скольких людей, когда-то перешагивающих порог его, нет теперь в живых. Да, многих он принимал под свой кров, которые затем шли по жизни своей, отдельной от него дорогой. Но ведь, слава Богу, что все они когда-то бывали здесь.

Звонили из типографии «Радонеж». В понедельник привезут тираж «Вертикали-49». Художник из Москвы Алексей Фёдоров просит захватить, когда поеду в столицу, работы его племянника для выставкома. Сам он заканчивает работу над юбилейной книгой Нижегородского землячества — «25 лет Нижегородскому землячеству в столице».

К вечеру погода успокоилась, затихло всё. Почти нет ветра. Но за калиной в дальний угол второго участка уже не пошёл. Не захотелось выходить из тёплого дома до самого приезда машины. Уложил, чтобы отвезти в город, в три здоровенных сумки часть хранящегося в деревне архива — в основном вырезки из газет.

14 октября

В Орле открыт памятник Иоанну Грозному — большой, солидный. Фигура царя на коне, в вытянутой правой руке православный крест, в опущенной левой меч. Высота памятника пять метров. Понятно — либералы подняли вой. «Памятник кровопийце». И это всё так предсказуемо, что меня, например, даже не возмущает. Все, кто укреплял наше государство, строил его, расширял границы России — для них враги. Все, кто нёс народам России горе и муки — благодетели (например, Б.Н. Ельцин).

Любое государственное строительство даётся для народов тяжело, с жертвами. Так было всегда и во всём мире. Но именно Россию наши враги (кстати, множество раз битые нашими предками, но потом милостиво прощаемые) хотят представлять «исчадием ада». Что ж, пусть тешатся.

А между тем 4 ноября в городе Александрове Владимирской области откроется ещё один памятник Иоанну IV.

17 октября

Под окном жёлтая берёза, оранжевая рябина и ещё зелёный американский клён. В одно время увядание и продолжение жизни.

20 октября

Приезжали за номерами «Вертикали-49» отец Сергей Муратов и отец Евгений Юшков. Первый на этот раз без машины — ради прогулки. Побыл у меня недолго. Рассказал, что у него набралось немало статей и каких-то рассказов — «случаев из жизни». Горячо его поддержал в мысли, что всё нужно собрать и издать книжку. Иначе по газетам и интернет-сайтам пропадёт.

Отец Евгений заехал после отпевания. Пили чай, вспоминали Н.П. Мидова. Евгений Николаевич ему звонил, говорил, что мы собирались к нему приехать, поздравить с днём рождения. Николай Павлович дома, болеет. «Что у тебя?» — поинтересовался Юшков. «Да много чего болит. Но главное, сказали врачи — эмоциональное истощение».

Отец Евгений взял десять книжек журнала. Пошёл его провожать, чтобы донести пакет с журналами до парома. Шли по набережной Волги. Погода тихая. Облака тяжёлые, серые, низкие, но ни ветерка — словно заснуло всё в природе. Вода в реке спокойная, гладкая. У берега плавают утки, низко летают, просто скользят над водой, отражаясь в ней — тёмной, осенней. Склоны Александровского парка горят разноцветьем умирающей листвы.

Любуясь всей этой красотой, вдруг заговорили о человеческом эгоизме, который ради наживы окружающую нас красоту может уничтожить. И я тут сознался, что счастливый человек, потому что Господь устроил так, что я лишён трёх страстей, что невыносимо терзают людей — сребролюбия (жадности к деньгам), ревности (к жене) и зависти (например, к более талантливым коллегам). Сознался, и испугался — вдруг это отнимется от меня. Не дай Бог!

Вечером в Союзе писателей Сергей Скатов собрал заседание «Русского Собрания». Пришли профессор Олег Алексеевич Колобов (Подарил свою книгу «Моя жизнь» с любопытным подзаголовком «Опыт автобиографического исследования с документированными приложениями о событиях, действительно свершившихся». 490 страниц, набранных мельчайшим шрифтом.), Михаил Рубцов, Георгий Кузенков, Владимир Заного, Юрий Покровский, Николай Михайлович Лапшин и прочие... Разговор, надо сказать, получился рассудительным и как бы на перспективу. Что там из затеи с созданием «Русского Собрания» получится, пока неизвестно. Нам же следует использовать эту возможность для интеллектуального общения, встреч с интересными людьми, и при этом общении дискутировать (моё предложение — думаю, самое реальное и перспективное).

При расставании (по просьбе Заного) подарил Володе № 49 с началом публикации дневников. Сразу предупредил, чтобы не обижался, если что-то будет «против шерсти». А там будет.

22 октября

Рэм Иванович Чарыков развернул бурную деятельность по пропаганде своей статьи «13 секунд до гибели лётчика-испытателя В.П. Чкалова», опубликованной в «В-49». Периодически звонит мне и сообщает новости «на этом фронте». Я рад, что опубликовал статью, столь важную для автора. Опубликую и следующую, если он её действительно подготовит.

Впервые увидел, как ворона с удовольствием ест рябину. Сидит на ветке и клюёт по одной ягоде. Потом не выдержала, перелетела на самый край другой ветки. Та сильно прогнулась под тяжестью птицы, но ворона удержалась, оторвала большую кисть рябины, села с ней на низкий металлический заборчик у тротуара и принялась уплетать ягоды. Всё это происходило на набережной Федоровского, когда я из Союза писателей (только что закончил писать обзор 49-го выпуска для «Дня литературы») шёл на чай к Лубяко на 3-ю Ямскую улицу.

В этот раз побыл у Татьяны Борисовны совсем недолго. Выполнил давно обещанное — подарил настенный православный календарь.

Второй раз старая учительница сказала:

— Не хочу больше читать. Скоро умирать, а получаемые знания всё равно применять некуда. Решила, что лучше буду рисовать.

Показала старенький (советских времён) блокнот с карандашными рисунками на тему сказов Павла Петровича Бажова и романа «Джейн Эйр». Всё это какое-то детство. И есть в подобной наивности что-то беззащитное, чистое... спокойное отношение к жизни, к своим земным срокам.

26 октября

Завален собственными обязательствами: подготовка сборников стихов Валерия Темнухина и Полины Тарабриной, рассказов Игоря Соловьёва (всеми книгами занимаюсь одновременно), а ещё вычитываю текст собственной книги (из Смоленска Володя Макаренков прислал вёрстку № 15 альманаха «Под часами», где печатают 2002 год «Искр потухающих костров»), поджигает двухтомник собрания сочинений Алексея Марковича Коломийца (попросил автора немного набраться терпения), книга к юбилею С.И. Шуртакова (там тоже огромная работа впереди — одна подготовка к печати рукописей писателя чего стоит!). А уже надо думать и о следующем выпуске «Вертикали. XXI век», текущих союзных делах, отвечать на вопросы газеты «Саровская пустынь», готовить интервью с Борисом Лукиным по поводу антологии «Война и Мир. Великая Отечественная война (1941-1945) в русской поэзии XX-XXI вв.» (он просит помочь в этом нужном деле), писать статью о Евгении Юшкове в № 12 журнала «Столицы Нижний». И вот на этом фоне звонок из Нижегородской академии МВД. Среди их курсантов есть те, кто пишет стихи и прозу. Просят организовать у них литературное объединение. Очень нужное, хорошее дело. Надо и над этим думать. И ведь наверняка, как уже было не раз, с Божьей помощью всё осилю.

Отправил с Борисом Селезнёвым целый ворох старых бухгалтерских документов в областной архив (спасибо, как всегда Татьяна Антипова помогла), письмо митрополиту Нижегородскому и Арзамасскому Гергию на благословение выступлений у нас о. Владимира Гофмана, письма в инстанции на награждение Бориса в связи с 15-летием его «Арины» (и все эти бумаги пришлось самому сочинять и набирать).

27 октября

Пришёл в Союз писателей Анатолий Абрашкин (давно с профессором не виделись). В свитере жарко (в нашем старинном доме сильно, не по сезону, топят) — передел профессора в свою «русскую рубашку», в которой был на Крестном ходе. Вот так и сидели за столом, не торопясь выпивая по рюмочке. Анатолий Александрович пожаловался, что в каком-то солидном научном американском журнале муторят его математическую статью, не печатают, в Москве не пускают в производство его новую историческую книгу. Попросил «Вертикаль» с началом публикации «Искры потухающих костров».

Приехал Евгений Галкин, тоже просит журнал. Начали вспоминать Володю Жильцова. Тут я не вытерпел, рассказал, как Владимир Иванович мелочно предавал, вообще поступал недостойно (эпизод с его интриганством, чтобы не допустить меня на радио, дабы рассказать о Валентине Николаеве).

Евгений Иванович понимает, как Жильцова обыграли, подставили, использовали его в разворовывании денег Союза писателей. И спасла тут Володю от больших неприятностей, как ни горько это звучит, смерть. Иначе пришлось бы за всё ответить ещё и перед органами.

Да, с чего начался разговор с Галкиным. Он был на заседании клуба старых нижегородцев, где отметили 70-летие Жильцова. Ну и посетовали — в городе несколько писательских союзов, а бывшего председателя никто не чествует. Что на это ответить? Кому Владимир верно служил —

Шамшурину, Рябову (без него он даже заседания Правления не начинал, и только когда последний милостиво разрешил, мол, я скоро приеду, можете начинать, отвечая на вопрошания Владимира по телефону) — все его бросили ещё при жизни. Уж тем более не собираются хранить память о нём после смерти.

Но это был выбор самого Жильцова. Только его, и никого другого. Значит, по своему духовному, нравственному потенциалу они ему были ближе, понятнее. А ведь сколько раз я его убеждал освободиться из-под их влияния, отойти от них. Во Владимире Ивановиче было чистое зерно русака. Он был добр, но не хватило характера.

Галкин помянул Пашкова. Александр Павлович из квартиры не выходит, в университете уже не преподаёт, хлопочет, чтобы лечь в клинику, подлечиться.

Но Абрашкин провокатор — так за разговорами по бутылке водки с ним и выпили. Но как хорошо после жаркого кабинета было прогуляться до дома по вечернему, осеннему городу. Сухо, ветерок где-то затаился, и только россыпь огней по склонам холмов и за Окой.

28 октября

Неожиданное известие — Анатолий Анатольевич Парпара, который должен был в Дивееве проводить литературный семинар, разбирать рукописи (ему и билет уже купили, выслали) вдруг оказался в Тамбове. При разговоре с Зимой (Нелли Витальевна ему звонила, чтобы решить о встрече его в Арзамасе) просто бросил трубку, не сочтя нужным объясниться.

Мой первый порыв — ехать самому. Но благодаря некоторым обстоятельствам вовремя одумался. Что за привычка собой затыкать всякую дыру. К тому же надо готовиться к поездке в Москву, делать звонки. Но каков Парпара! Для меня такие поступки — это нечто за гранью...

Прислали вёрстку моей статьи из «Столицы Нижний» о И.К. Кузьмичёве. Перечитал. Ничего, терпимо. Во всяком случае, хоть так вспомним наших филологов-критиков прошлых, советских лет.

30 октября

Проснулся оттого, что услышал ветер за окном — зимний. Подумал — вот и выпал первый снег. Встал, подошёл к окну. Снега немного, но всё им припорошено — газоны с зеленеющей травой, чёрный асфальт, машины. И редкие жёлтые листики на берёзе стали выглядеть так сиротливо, так грустно на них смотреть... Что-то это мне напоминает в собственной жизни, какую-то давнюю тоску.

31 октября–4 ноября Москва

Уже было собрался ехать в столицу на автобусе — даже билеты забронировал. Но за день позвонил Алексей Лосяков — на своей машине готов со мной поехать в Москву. Срочно в Союзе писателей подготовил коробки с книгами для отправки в Российскую книжную палату. Алексей утром заехал, забрал их без меня у охраны — и мы тронулись. В дороге всё, слава Богу, обошлось без происшествий, даже пробки почти миновали — небольшие задержки во Владимире и в Балашихе не в счёт.

Устроившись у Офитова, первым делом поехали в Книжную палату. Оказывається, организация сменила адрес. Теперь она находится на Бульваре Космонавтов, у ВДНХ. Нашли, разгрузились. Вздохнул с облегчением — большое дело сделали. Без помощи Алексея мне было бы трудно с ним справиться.

По возвращению в квартиру позвонил Людмиле Сергеевне Ермаковой — хранительнице архива С.И. Шуртакова. Надеялся, что удастся договориться о встрече где-то в метро, но она настояла, чтобы приехал к ней домой. Это далеко — метро «Тёплый стан» и далее на автобусе. Конечно, не хотелось ехать (да ещё в такую снежно-сырую погоду —

столица нас встретили снежком и слякотью), да куда деваться — нужны материалы для юбилейной книги Семёна Ивановича. В пять часов вечера отправился. Часа за полтора добрался. Долго стоял на автобусной остановке под падающим на плечи снегом.

Архив большой, но несистематизирован. Отобрал некоторые документы, фотографии. С рукописями сложнее — ничего нового. Прихватил с собой пачку писем и одну тетрадку дневников. Дневники, похоже, Шуртаков писал системно. Но где они сейчас, сохранились ли? Почерк хоть и разборчив, но трудно читаемый. Попробую что-то из этой тетради взять.

Людмила Сергеевна сказала, что случайно сохранила дневники, достав их из коробки, приготовленной дочерью Семёна Ивановича для отправки в Сергачскую библиотеку. Так что вполне возможно, сейчас эти биографические материалы разрозненны, разобщены. Да и подготовить их к изданию — большущий труд. Кто за него возьмётся?

Назад ехал веселее. И по книге многое определилось, и дело необходимое (хоть и с натугой) довёл до конца.

Несколько удивило меня обилие икон в комнате Ермаковой (квартира трёхкомнатная, но в ней все живут сами по себе — взрослые сыновья по своим комнатам, и оттого возникает ощущение общезжития) — старых, на досках. Хозяйка сказала, что все их подарил Семён Иванович. Может быть, из родительского дома?

01.11. Утром с Лосяковым в Храме Христа Спасителя. Алексей в нём никогда не был. Разглядывает удивлённо, фотографирует.

В зал церковных соборов очередь. У заграждения перед входом толпа, суeta. Все жаждут попасть на заседание XX Всемирного Русского Народного Собора. Я у заграждения невольно задержался. Нужно было взять второй пригласительный билет. Свой я отдал Лосякову. Увидел Сергея Котьякало — он мне выдал.

— Пошли в нижний храм. Оттуда поднимемся в верхний. А на толпу эту внимания не обращай. Через полтора часа зал наполовину опустеет. Это сейчас ажиотаж.

Повёл Алексея за собой. В Храме Христа Спасителя я его потерял.

В 11 часов совершенно спокойно прошёл на Собор. Как раз с докладом выступал патриарх Кирилл. Говорил как политик. Главный посыл — мы не приемлем западную толерантность. Мы не принимаем чуждые нам моральные «ценности». В отличие от них мы хотим сохранить семью, нормальные отношения между мужчиной и женщиной, нравственное отношение к своим детям в их воспитании. Западный путь ложен, гибелен. Наша Конституция защищает свободы, но и традиционную семью. Разность наших взглядов на мораль (что морально, а что аморально) в нынешнее время нас разъединяет более, чем это было во времена холодной войны, которую мы, якобы, проиграли. Здесь корень появления современного исламского терроризма. Люди не желают следовать примеру Запада, который свои «новые ценности» агрессивно навязывает другим народам — это отрицание религии, веры предков, половых различий, и тому подобного. В конце концов, разрушения семьи в традиционном понимании. Народы выступают против глобализации.

В общем, все тезисы соответствовали названию форума: «Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы». Далее выступили: Председатель Конституционного суда Валерий Дмитриевич Зорькин, заместитель главы администрации президента РФ (зачитал приветствие В.В. Путина) Сергей Владиленович Кириенко, министр культуры РФ Владимир Ростиславович Мединский (зачитал приветствие премьера Д.А. Медведева), депутат Государственной Думы Ирина Анатольевна Яровая, зам. министра иностранных дел Григорий Борисович Карасин (зачитал приветствие министра С.В. Лаврова), было приветствие и от мэра Москвы Сергея Семёновича Собянина.

Как-то уж очень «технично» выступил лётчик-космонавт, Герой СССР

и Герой России Сергей Константинович Крикалёв. Геннадий Андреевич Зюганов говорил долго и правильно. Подчеркнул: «Я участник всех двадцати Соборов».

Владимира Вольфовича Жириновского приняли на ура, как поп-звезду. Тот сходу заявил: «Я единственный из депутатов и крещённый, и венчанный, но меня на все Соборы не приглашали. 25 лет не можем в Госдуме принять закон о русском языке... Зря русские люди пытались угодить Западу — в девятнадцатом веке подавляли их «оранжевые» революции... Сейчас на Западе всем руководят коммунисты, евреи и гомосексуалисты...» Каждый свой тезис он развивал и обосновывал.

Сергей Михайлович Миронов («Справедливая Россия») выступил скучно: «Запад мне неинтересен... Вчера со своей семьёй я был в Оптиной пустыни, где мне подарили книгу писем Амвросия Оптинского... Полная размытость идеологического спектра в нашей стране...»

Вячеслав Алексеевич Никонов («Единая Россия»): «Не ищут места под солнцем, когда сами являются солнцем».

И далее, далее всё выступали и выступали.

Когда я только вошёл в зал, то повстречал В.А. Линника. Обрадовался ему. А потом увидел пачки редактируемой им газеты «Слово». И вот, утомившись слушать, пошёл, взял два разных номера. В одном с удивлением увидел свою статью о стихах В.Г. Калинина. А я и забыл, что ему посылал. Принесу Виктору Григорьевичу сразу три издания с публикациями о нём.

Отправились на трапезу. Еда скромная, но вкусная. После с удивлением узнал, что Собор завершил свою работу. (Когда В.Н. Ганичев объявлял о завершении, я с Андреем Ребровым и Николаем Коняевым стоял в буфете). Никаких выступлений писателей (как это было раньше), никакой дискуссии. Так что за два часа до открытия выставки В.Г. Калинина в залах Академии художеств мы с Лосяковым уже были свободны. Потратили это время на хождение в районе Пречистенки.

Выставка в Российской академии художеств оставила сильное впечатление. Совсем новых работ для меня было немного. Но как была выстроена экспозиция! Как продумана в постепенно увеличивающемся от зала к залу эмоциональном воздействии на зрителя. И чем это достигается — в этом и есть загадка (непостижимая) живописи.

На открытии о Викторе говорилось много добрых слов. Пришёл и Зураб Константинович Церетели, в ресторане которого (тут же, в соседнем доме) мы затем пировали.

По вечерней Москве прошли до метро «Площадь революции», с заходом на Красную площадь — Алексей Лосяков и здесь впервые. В дороге мы с ним немного поспорили — православная ортодоксальность многих лишает возможности свободно, объективно мыслить. А мне всегда хочется, чтобы мой собеседник мыслил шире, объёмнее, обобщающе.

02.11. Утром Алексей уехал за сыном в общежитие геологического института. Оттуда они отбудут в Нижний Новгород. Провожал его у машины — дождался, пока прогреет двигатель, очистит стёкла от снега. Хороший он парень — мягкий, добрый, искренний. Жаль было расставаться. Всегда испытываю в такие моменты неуютное чувство оставленности. Но машина скрылась за поворотом... и моя жизнь потекла своим чередом.

После звонка еду к В.П. Полеванову в «Росгеолэкспертиза» на Малую Ордынку (метро «Третьяковская»). Давно не виделись. Проговорили два с половиной часа — о климате планеты, об экономике Китая, об изменениях в США. Оставил Владимиру Павловичу «Вертикали. XXI век» с его публикацией. В ответ получил от него книжку «Галактика Китай». У Полеванова подготовлено ещё несколько — в компьютере. Он мне их показал. Видеоряд (фотографии), наглядные графики и совсем небольшие текстовые комментарии. Рассчитано на занятых, но думающих людей. Огромные аналитические тексты им читать некогда. От увиденного

(красочно, красиво представленного) в книжке всякий сделает (и довольно быстро) свои выводы.

Владимир Павлович пришлёт для журнала новые материалы.

Да, я вновь спросил о расстрельных списках, рассылаемых губернаторам из осаждённого Верховного Совета в 1993 году. И он мне вновь подтвердил, что это абсолютно достоверная информация — он сам эти списки читал. Полученные по факсу, они лежали на столе губернатора Амурской области.

После пуска космодрома «Восточный» нашлись те, кто вспомнил, чья это была первоначальная идея — и среди журналистов, и среди китайских политиков, посчитавших, что строительство подобного объекта вблизи границы поднебесной — выражение доверия великому соседу. «Хотя я в то время и думать не думал ни о чём подобном» — улыбнулся Полеванов.

В Союз писателей России поехал по приглашению Павла Кренева (Поздеева), чтобы и ему, и Геннадии Иванову передать «Вертикаль-48, 49». Оказывается, Павел Григорьевич отмечает день рождения. Кроме хозяйина кабинета и нас, пришли Николай Иванович Дорошенко, Василий Владимирович Дворцов, Юрий Николаевич Пахомов (Носов), Николай Николаевич Старченко. И вот какая разница в застольях — когда собираемся у меня в Союзе, то споры о литературе, политике, истории (зачастую чересчур горячие), а тут анекдоты, нейтральные истории для развлечения, шуточки. И честное слово — не знаю, что лучше, но мне всё это скучно.

03.11. 25 лет Нижегородскому землячеству в столице. Отмечают в концертном зале Московского культурного фольклорного центра Людмилы Рюминой. Прошло традиционно. Приветствия от власти и ветеранов, большой концерт участников акции «Алтарь Отечества», восторженно встреченный публикой. Застолье.

Передал В.А. Карпочеву подписанный договор на подготовку к печати книги С.И. Шуртакова к 100-летию писателя. Это было одно из главных дел моей поездки. А.С. Фёдоров передал приглашение на праздничный концерт завтра в Кремлёвский Дворец.

04.11. Рано утром разбудило пиканье телефона. Пришло сообщение от Ирины — тревожное. Уснуть больше не смог. Не выдержал, и отправился на вокзал покупать билет в Нижний Новгород. Уж слишком неуютно было на душе. Но на обратном пути в метро подумал — не поторопился ли?

Николай Викторович меня уже дожидался. «Так и знал, что ты за билетом уехал. Жаль, что меня не было. Я бы тебя отговорил».

Из последних московских хлопот: собрал в компьютере у Офитова его книгу прозы; позвонил Р.И. Чарыкову и объяснил, как забрать журнал с публикацией. Лично встретиться у нас не получится.

На платформе Ярославского вокзала, под падающим снегом, долго прощались с Офитовым. Опять я оставил ему всяких поручений по задаче «Вертикали. XXI век» — Александру Казинцеву, Юрию Полякову, Александру Сегеню, Николаю Переяслову... А в купе, вплоть до Нижнего меня ожидали разговоры северян об их нелёгком житье-бытье. Поезд проходящий, шёл до Нового Уренгоя.

10 ноября

По Оке словно кто разбросал листы белой писчей бумаги. Это маленькие льдинки. Они колышутся на длинных, покатых волнах, которые гонит со стороны Волги холодный, порывистый ветер, колющий оттого, что несёт обледенелую снежную крупу.

Льдинки сбиваются в ледяные поля, в ленты на беспокойной воде... Но большинство всё-таки одиноко, малымя пятнышками белеют на тёмной серой воде. Сколько уже хожу по мосту через Оку, а такое вижу впервые.

Настал над рекой, и, несмотря на недобрый ветер, — залюбовался. Однако и что-то тревожное было в созерцании этого одиночества малых льдинок.

12 ноября

Наши музейщики в Литературном музее устроили Круглый стол «Максим Горький в XXI веке: проблемы и перспективы». Неожиданно получилась интересная дискуссия. Собрались представители Горьковских музеев из Нижнего Новгорода (Л.Ю. Моторина, Е.Г. Агафонова, А.М. Лебедева, Т.А. Шухарева), Арзамаса (Т.В. Казнина), Казани (М.Ф. Гаврилова), Института мировой литературы (В.П. Вольнова). Как всегда, отлично выступили наши доктора-филологи В.Т. Захарова и М.Г. Уртминцева. Пришли и из центральных областной и городской библиотек. Кое-что из выступлений я для себя отметил.

Лебедева: Горький собрал большую художественную коллекцию (когда жил в Нижнем Новгороде), которую передал в городской музей. Впоследствии это собрание оказалось разобщено. Картины из него оказались в хранении Русского музея, Третьяковской галереи, в ИМЛ (там был создан даже целый художественный отдел). Есть картины из этого собрания и в частных коллекциях. В Самаре хранится копия «Запорожцев», которую по заказу Алексея Максимовича написал сам автор.

О Ф.И. Шаляпине: мы боролись за это имя, когда было сложно. Теперь Шаляпин забывает Горького. Был юбилей нашего театра оперы и балета (бывший народный дом), на котором ни разу не было названо имя Горького. А ведь по его инициативе и при его материальном участии это здание было построено.

Шухарева: «Домик Каширина» был создан по чертежу, который набросал сам Горький.

Казнина: Несколько комнат в жилом доме XVIII века. Здесь в Арзамасе во время ссылки жил Горький (снимая для семьи весь этаж), написал третий и четвёртый акты «На дне». Сюда приезжал к нему Владимир Иванович Немирович-Данченко. Теперь мы хлопочем — как выкупить оставшиеся комнаты первого этажа, которые нынешними хозяевами выставлены на продажу. Интересный эпизод с делегацией из Индии. Они преклонялись перед памятью Горького, который дружил с Махатмой Ганди.

Я выступал почти в завершении встречи. Говорил о «творческой топке писателя», в которой плавятся идеи, мысли, чувства, переживания. Потому к его высказываниям (письменным и устным) нельзя подходить с обывательской точки зрения. Конечно, особо отметил драматургию писателя и роман «Жизнь Клима Самгина».

15 ноября

Главную новость узнаю из компьютера — арест Министра экономического развития РФ Алексея Улюкаева. Реформатора, сподвижника Егора Гайдара ещё со времён совместной работы с тем в редакции журнала ЦК КПСС «Коммунист» взяли при получении взятки в два миллиона долларов сегодня ночью. И все удивляются.

Да разве они с другими целями рвались к власти, обвиняли в привилегиях партийную верхушку СССР, разваливала страну? Только ради этого.

Уже позже, в новостях перечисляли дома, квартиры, земельные участки, счета этой семьи. Каково это слышать прошлой «партийной верхушке»? Да они перед «реформаторами» нищие, хуже церковных мышей. Впрочем, мало кто из «верхушки» дожил до этих дней.

Долгий разговор с Юрием Изумрудовым по поводу архива С.И. Шуртакова. Он уверяет, что писем было много: «В его квартире пройти было невозможно, всё заставлено коробками. Семён Иванович хранил каждую бумажку, вёл подробную библиографию своих публикаций».

- Почему же он ничего не сдал в архив?
- Потому что не собирался умирать.
- Так 95 лет уже исполнилось!
- Ну и что? Он очень хорошо себя чувствовал.

Бред какой-то. Как себя не чувствуй, но сроки-то человеческой жизни известны.

Юрий напомнил, что хранит архив Бориса Ефимовича Пильника. Я знаю, что такое хранить архив. Его существование имеет ценность только тогда, когда на его разбор кто-то потратит остатки своей собственной жизни, что-то подготовит к публикации, выпустит в свет. Изумрудов вроде бы что-то хочет предложить «Вертикали. XXI век». Сколько я от него подобное уже слышал — не сосчитать. Да и заинтересуют ли меня его изыскания?

Звонок Евгения Галкина. Первый отклик на публикацию глав этого дневника в № 49. Ждёт продолжения.

16 ноября

Солнце! Мороз около десяти градусов. Воздух чист, промыт лёгким ветерком, который колышет пушистые, редкие снежинки. По Оке поплыли большие, белые, чистые ледяные поля — тонкие, ломкие, нежные. Не день, а праздник!

Не могу себя заставить заняться чем-либо серьёзным. Так, ковыряюсь по мелочам. Через два часа пребывания в кабинете решаю идти домой — и тут звонок Евгения Ивановича Галкина с сообщением о смерти Александра Павловича Пашкова. Все свои материалы в газетах, в том числе и обо мне, о «Вертикали» он подписывал псевдонимом Асеевский. Теперь уже не подпишет. Ушёл последний журналист, кто поддержал (печатно) выход журнала заметками, рецензиями, интервью... Увы, многое Александр Павлович так и не сделал. Не издал собранный им справочник периодических изданий нашей области, не написал мемуаров, не собрал в книги своих статей и интервью с замечательными, интереснейшими людьми. А журналист (всю жизнь занимался только культурой) он был талантливый. Правда — лёгкого либерального направления. Состоял в новой партии М.С. Горбачёва. Но вот всё прошло. Последние годы болел, не выходил из дома. Душа у него была добрая, совестливая. Да помянёт его Господь во Царствии Своём.

18 ноября

Поднимаюсь в Кремль, чтобы через него пройти в театр драмы. Там состоится прощание с Пашковым.

Вспомнился случай — как-то Александр Павлович зазвал меня прогуляться по городу. Купили чекушку водки, плавленные сырки и на Верхне-Волжской набережной, в скверике перед жилым домом, на пне недавно спиленного тополя распили. И распорились по политическому вопросу. Да так, что на обратном пути я, оставив Пашкова, спустился вниз к Волге по Чкаловской лестнице.

Когда пришёл на Скобу, на остановку трамвая, то увидел, как Пальч одиноко, сиротливо идёт вниз от Ивановской башни Кремля. Тогда я один уехал на трамвае, не дождавшись Александра. Сейчас я иду тем же путём, и думаю — какие же дурачки мы тогда были.

В фойе приглушённый, траурный свет. Фонари у лестницы покрыты чёрным крепом. Гроб установлен посередине. С двух сторон от него стоят ряды стульев. Все заняты. Вдоль стен, у дверей стоят люди. Несколько человек выступило со словом прощания. Говорили всё правильно, искренне. Но когда стоишь рядом с гробом, то каким ничтожным кажется всё произнесённое по сравнению с теми чувствами, что тревожат твоё сердце, твою душу.

Стали прощаться. Я у гроба задержался, перекрестился (не видел, чтобы ещё кто-нибудь это сделал) и с трудом сдерживая слёзы, подошёл

к Ирине (жене) и Маше (дочери). Ничего я не смог сказать — только кивнул (мол, ну что тут поделаешь). Да, наверное, никакие слова им и не нужны. Теперь они наедине со своей болью.

Гроб вынесли из театра. За ним идут жена и дочь. Остальные как-то жмутся в стороне. И тут они вроде бы как покинуты всеми. В одиночестве пошёл за ними, не глядя — последовал кто-то моему примеру или нет. Гроб поставили в катафалк. Я вновь перекрестился и, не оглядываясь, пошёл по Большой Покровской в сторону Кремля.

19 ноября

Только узнал, что действующего министра правительства страны у нас арестовали впервые с 1953 года. То есть более шестидесяти лет назад арестовали (и затем расстреляли) Лаврентия Павловича Берию, и вот теперь Алексея Улюкаева, который долго не мог поверить, что это правда, а не розыгрыш. Поверив же, начал кому-то звонить, вопрошая: «Что происходит?»

А действительно — что происходит? Понятно, что начата «крупная игра». За министром следили более года — прослушивали телефоны и все средства связи. Об этом сообщено официально. Что из этого следует? Органам известны все «криминальные контакты» (считай — не органам, а В.В. Путину) правительства. И деньги с «Роснефти» он получал не только для себя родимого. И теперь у президента есть рычаг (компромат) влияния на тех, с кем он пока никак не мог справиться. Для меня это вне всяких сомнений. Вопрос только в одном — всю полноту теперешнего влияния Путин употребит на охрану (и во благо) своего олигархического круга, или для изменения экономического курса страны, что в итоге приведёт к поднятию уровня жизни народа? Это главное в произошедшем событии, а не внешняя борьба с коррупцией. Борьба с воровством бюджета важный, но побочный повод для ареста Улюкаева.

Жаль, что главного в этой схеме мы, скорее всего, не узнаем никогда. А так хочется!

Патриарху Кириллу 70 лет. Путин наградил его орденом «За заслуги перед Отечеством» первой степени.

20–21 ноября Саров

Встретила Сывороткина Галина Степановна. Это она устроила мне приглашение от местного Дома учёных. Я в этом культурном центре города пять лет назад уже бывал. И вот новый юбилей литературного объединения «Радуга» — 55 лет.

Первым делом, после прохождения пограничного контроля (а периметр Саровской зоны охраняется по такому же принципу, как государственная граница — два ряда специального забора с колючей проволокой наверху, между ними следовая распаханная полоса) — поехали на такси домой к Гене Ёмкину. Там собрались Екатерина Наговицына из Екатеринбурга (неввысокая, совсем коротко стриженная — я даже сначала подумал, что это мальчишка, сын Геннадия) — писатель, майор спецназа, награждённая орденом Мужества за Чечню; Елена Кашева — прозаик, семья Ёмкина. Квартира в старом двухэтажном «сталинском» доме с просторными комнатами, свободным коридором. Но дом дал трещины, его расселили, и только семья Геннадия доживает в нём последние недели. Хозяин на коляске. Ноги совсем отказали, не работают. Мы давно не виделись, и Гена удивился, что я «совсем седой». А я его последний раз видел, когда он нормально ходил своими ногами, приезжал в Нижний Новгород на писательское собрание. Так летит время... Семья Ёмкиных тёплая. В этом доме хорошо разговаривать, пить чай, вспоминать прошлое.

Поселился в гостинице «Центральная». И это наследие И.В. Сталина. Вернее, А.П. Берии — ведь он вёл ядерный проект СССР. Торжественный вечер «Семь цветов радуги» по мне, так прошёл довольно скромно, но всё было продумано — чтение стихов местными поэтами, demonstra-

ция фотографий и видеозаписей на большом экране, поздравления (глава города, представитель городского отдела культуры, я, Наговицына). Застолье в ресторане с добрыми разговорами и песнями. Совершенно уморительно студенческий фольклор исполнил Саша Ломтев.

Холодно. Ветерок недобро забивается под куртку, от этого становится знобко. Но всё равно от гостиницы (тут остановилась и Наговицына) до собора Серафима Саровского предложил Галине Степановне идти пешком. И пошли. В соборе побыва недолго, приложился к иконе батюшки с частичкой его мощей.

Прошли в собор Всех Святых. Росписи на стенах и куполе покрыты каким-то тёмным составом — для сбережения до реставрационных работ. В советские времена здесь находился хозяйственный магазин, но росписи не пострадали — были укрыты, дабы не смущать покупателей, деревянным потолком.

Музей атомного оружия. Видеть эти творения рук человеческих (тут не муляжи, а настоящие бомбы, боеголовки ракет, торпеда — только без «смертоносной начинки»), способных одномоментно уничтожить десятки, сотни тысяч людей — несколько жутковато. Жутковато не в прямом смысле, а как бы на подсознательном уровне. Потому что осознать всю эту мощь вот так, разумом невозможно.

По моей просьбе пришла Татьяна Криницкая с фотоаппаратом, сделала несколько снимков у «Кузькиной Матери» и прочих «объектов». В частности, у того пульта, с которого давали команду (взрывали) первые атомные заряды в присутствии Лаврентия Павловича.

На огромном экране показали фильм о создании и испытании этих разрушительной силы зарядов. И ведь всё это создаётся, производится здесь!

Приехал Саша Ломтев, повёз на городское кладбище, к могиле Любы Ковшовой. То, что я увидел там, меня покорило. Могильный православный крест (стандартный, тот, что первоначально устанавливают на захоронениях подавляющего большинства русских людей) был обпилен так, что остался один несуразный столбик с верхней поперечной дощечкой, наподобии тех, которыми помечают нахождение безымянных могил. Зачем нужно было такое кощунство?

— Она была атеисткой, — ответила Галина Степановна на мой недоумённый вопрос.

— Не легче ли было вкопать кусок бруса или любую доску?

Когда шли к могиле, я сказал Сывороткиной, что мы хорошо с Любью знали друг друга (и довольно долгое время), но не были близки.

— Да, она мне рассказывала об этом. И о том, что не всегда с вами соглашалась.

Как хорошо после кладбища было проехать в лес к Серебряным ключам. Ключи бьют на берегу речки. (Всё это территория закрытой зоны). На дне их колышется, вздымается фонтанчиками белая песчаная взвесь. Я и водицы испил, и умылся ею, и вдоль берега прошёл до самого дальнего источника.

Проехали к Дальней пустыньке. Памятник Вячеслава Клыкова Серафиму Саровскому хорош. Перешли к речке Саровке, к старой сосне времён батюшки.

Вновь заехали к Ёмкину — проститься.

Доброе чувство оставила у меня в душе эта поездка. Всё благодаря заботам добрейшей Галины Степановны. Свидимся ли ещё? Бог весть. Оставил небольшой комплект последних номеров «Вертикали. XXI век» в библиотеку дивизии внутренних войск, что охраняет эту территорию и для семьи Ковшовых.

22 ноября

Алексей Лосяков привёз те материалы, что отобрал я из архива С.И. Шуртакова. С этого дня начинаю заниматься книгой. Нашей поездкой

в Москву Алексей остался доволен. Готов при случае вновь отправиться, если будут интересные события.

Евгений Галкин привёз заметку (прощальную) о Пашкове для сайта Союза писателей. Просил его написать раньше, да на похоронах не встретились, разошлись. Евгений Иванович поднялся ко мне на второй этаж, а дышит так тяжело, прерывисто, задыхаясь — словно вернулся из дальней дороги. Вспоминали Александра добрым словом. Сколько он рецензий написал на книги местных авторов, сколько подготовил интервью! А сердце, как полагают, не вытерпело постоянной боли от язв на ногах.

Позвонил Чарыков (пока я был в Сарове, от него по электронной почте пришла новая статья) и предложил в декабре приехать в Москву. На Поклонной горе в Зале Героев Советского Союза будут открывать бюст В.П. Чкалова. Соберутся родственники, знаменитые лётчики.

Спросил, сколько нужно денег, чтобы увеличить тираж журнала. Собирается разговаривать с какими-то благотворителями. Я ответил, что в эту затею верю мало. Но сказал аккуратно, чтобы не обидеть старика, потому что тот настроен оптимистически.

24 ноября

В.В. Путин при вручении премий Русского географического общества спросил у мальчика из Ставропольского края девяти лет:

— Где заканчивается граница России?

— Беринговым проливом, граница с США, — ответил тот.

— Граница России нигде не заканчивается! — поправил мальчишку Владимир Владимирович.

Это что-то новенькое в нашем «политкорректном» государстве.

Статья Рэма Ивановича Чарыкова о подготовке экипажа В.П. Чкалова к перелёту в США. Как всё было по-человечески непросто — конкуренция, жалобы, наговоры. А за текстом так и чувствуется зависть «соратников» из тех же лётчиков-испытателей. Вся история человечества эмоционально непроста. Мы об этом забываем за глобальностью, обобщённостью событий. А что там было изначально? Во всех великих деяниях есть своя червоточинка.

25 ноября

В «Арсенале» (центр современного искусства) местное министерство информационных технологий провело встречу с приглашёнными из Москвы специалистами — Олегом Васильевичем Филимоновым (вице-президент АСКИ — ассоциации книгоиздателей) и Галиной Петровной Калининой (представитель Российской книжной палаты). Тему круглого стола обозначили как «Издательские стандарты и нормативы». И если Филимонов всё больше рассказывал о деятельности ассоциации книгоиздателей, то Калинина именно о том, как правильно оформлять книги для Книжной палаты, которой в 2017 году исполняется 100 лет. В прошлом году, как самостоятельное ведомство, указом Путина оно было ликвидировано и сейчас является подразделением Итар ТАСС. Что за блажь?

Все главные параметры оформления книг мною выдерживаются. Есть некоторые нюансы, которые надо бы подправить. Я их учту в дальнейшем.

Разобрала Калинина с десятков книг, изданных в Нижнем Новгороде. Моя «Говорящее дерево» оказалась последней, и только мелькнула на экране, хотя, на мой взгляд, это одна из лучших по оформлению книг. Ну уж такая моя участь — быть незаметным и наименее интересным для публичного разговора.

В завершении вновь говорил Филимонов. Очень долго! Видно, что он хорошо разбирается в процессах книгоиздания в стране, говорит об этом увлечённо. Но всему должна быть своя мера.

26 ноября

Умер Фидель Кастро. На 91-м году жизни. Из нашего мира ушла легенда, которая в 50-х годах прошлого века ворвалась в него с лозунгом: «Свобода или смерть!» Великий лозунг и великий человек, провозгласивший его на далёком острове в Карибском море под боком могущественнейших США. Больше никто из американских стран не смог повторить этого пути, пройти по нему.

Я был на Кубе во времена правления Кастро (1985 год). Видел, как один из дней он бесконечно долго выступал на каком-то собрании или съезде. Уже стемнело, мы шли из гостиницы в какой-то бар (курорт «Варадеро»), а в мерцающих в окнах домов телевизионных экранах всё говорил и говорил Фидель — громко, азартно, энергично жестикулируя. Теперь «Остров Свободы» его оплакивает. Если не явно, то в общенародной душе точно. Такого человека нельзя не любить. Романтик, отдавший свою жизнь за мечту построить справедливое общество здесь, на земле. Не для одного себя — для всех.

Вот подумал об этом, и вспомнил увиденное вчера: После круглого стола в Кремле спускался к себе на улицу Рождественскую, и в темноте не сразу понял — что за разноцветные огоньки мерцают впереди, вроде бы на Волге. И только присмотревшись (сверху, с Кремлёвского холма это хорошо стало видно) разглядел, как по реке медленно, пробиваясь через лёд, идёт первый буксир, за ним в отдалении следом второй, который, в свою очередь, тащит на тросе баржу. Впереди буксиров вода и лёд освещены прожекторами, но свет будто тонет, съедается этой густой тёмной кашей из стылой воды и измятого льда, не отражаясь от поверхности. И только ходовые огни новогодними разноцветными лампочками весело горят над такой неуютной, враждебной Волгой.

Ну, чем это не путь Фиделя, пройденный по мировой истории во второй половине ушедшего века!

29 ноября

Станислав Смирнов собрал топонимическую комиссию вновь по вопросу переименования площади Лядова в Монастырскую (Крестовоздвиженскую). Подготовили протокол нашего заседания. С моими письмами отправили копии в городскую администрацию. Пора бы там понять, что мы крепко вцепились в эту тему. К тому же главного противника переименования депутата Дмитрия Петровича Бирмана в нынешнем составе Думы города нет.

Игорь Александрович Соловьёв решил отметить выход своей книги рассказов «Гипсовая трава». Сегодня у меня забрал тираж, часть сразу отвёз в городскую библиотеку. Сергей Скатов у нас в Союзе писателей провёл встречу Русского Собрания. В итоге в моём кабинете, после всех «сборищ» остались Абрашкин, Рубцов, Соловьёв, Скатов и пришедший журналист Вячеслав Фёдоров из редакции газеты «Земли нижегородской». Он в нашей компании человек новый, хотя раньше мы с ним, конечно же, встречались — и не раз. Осталось у меня впечатление о нём какой-то теплостыдности, безпозиционности. Это родовая болезнь провинциальной журналистики. Ни им ничего не интересно, ни они никому не интересны. Так, копаются в каких-то своих мелких темах — краеведении, и всё том, что этому близко. Единственное — неожиданно предложил выпить в помин Фиделя Кастро, урну с прахом которого сейчас по Кубе везут к месту захоронения. Встали, выпили.

1 декабря

Александр Васильевич Мюрисеп позвонил, вернувшись из Москвы. Был там с театром. Показывали в столице «Павла I». Однодневные гастроли по линии фонда «Золотой Витязь». Организованным всё оказалось не совсем удачно. И в бытовом смысле (две гримуборные на всех), и по приглашению зрителей (полупустой зал).

Я этому не удивляюсь. Но Александр Васильевич с кем-то там встречался, дарил свою книгу «Степень свободы» и «Вертикаль-46» — и этим поездка получилась оправданной. Что же касается спектакля...

— У меня такое впечатление, что нас пригласили для галочки. Чтобы где-то потом отчитаться, что академический театр драмы из Нижнего Новгорода приезжал «благодаря нам, нашим трудам и заботам».

Всё, что делается формально, уходит в пустоту, не принося никакой пользы. Наша проблема не в отсутствии денег (ведь на поездку их выделили), а в холодности и безразличии сердец тех, кто эти деньги «осваивает».

3 декабря

Вновь избранный президент США Дональд Трамп, оказывается, не верит, что это террористы уничтожили два небоскрёба в Нью-Йорке. Об этом он говорил сразу после атаки зданий самолётами, это же подтверждал во время выступлений на предвыборных дебатах.

— Это всё ложь!

Трамп сам строитель небоскрёбов и знает, что говорит. Потому его суждения по этому вопросу заслуживают особого внимания.

После первой атаки на здания за несколько лет до 11 сентября — террористы на подземной парковке взорвали автомобили начинённые взрывчаткой (тогда мощные взрывы разрушили основания большинства несущих колонн здания) — однако небоскрёбы устояли. Трамп со своими специалистами был на месте взрывов. А тут от самолёта всё рухнуло. Рухнули здания, по своим конструктивным особенностям способные выдержать мощное землетрясение. Но главное — небоскрёбы были выстроены из мощных стальных балок, составляющих внешний каркас зданий. Их не могли пробить самолёты. А на съёмках видно, что эти машины входят в здания, как нож в тёплое масло. Причём не только фюзеляжами, но и крыльями — всем корпусом исчезая внутри здания. И это главное подтверждение подстроенности трагедии.

Действительно, думаю я, уж чего-чего, а авиакатастроф по телевидению мы насмотрелись. Даже если самолёт крыльями задевает верхушки деревьев — этого достаточно, чтобы он рухнул, крылья (из лёгкого алюминия) отвалились. Тут же они пробивают мощнейшие стальные балки внешнего контура небоскрёбов беспрепятственно — словно бумагу.

Наверное, сейчас в мире много людей, которые не верят в официальную версию террористической атаки 11 сентября. Но вопрос в другом — став президентом, начнёт ли Трамп новое расследование, обнаружат ли какие-то новые документы по этой теме? Наверяд ли. Ни одна из криминальных загадок в США так и не раскрыта.

Окончательно составил содержание книги к 100-летию С.И. Шурткова. Тут есть и тексты из архива, и воспоминания, специально написанные для этого издания, и известные публицистические работы Семёна Ивановича, и интервью (думаю, мало кому известные) с ним из региональных изданиях.

Любопытен отчёт об обсуждении романа «Одолень-трав», тогда только что опубликованного в журнале «Москва», в Московской писательской организации. Все известные писательские фамилии: В.М. Шугаев, И.Ф. Стаднюк, М.Н. Алексеев, Г.И. Куницын, А.П. Ланщиков, В.А. Устинов, Ф.Ф. Кузнецов, В.А. Костров, А.Я. Марков, А.И. Казинцев, В.Г. Бондаренко, Ю.Ф. Галкин, А.А. Савеличев. 1986 год, декабрь, никто ещё и представить не может, что ждёт страну и их в самом недалёком будущем. Буквально «за порогом».

Писатели, сидя в тёплом зале, рассуждают, что роман нужен молодёжи, что он воспитает их в любви к Отечеству, научит уважать историю собственной страны. В писательской организации полный штат сотрудников. Вот и стенографистка всё аккуратно записывает за выступающими. Затем всё это оформит в аккуратный протокол. А то, что уже всё

поздно, поздно, поздно, всё проиграно — ещё никто не знает, даже не догадывается об этом. И молодёжь в том числе. Страшные чёрные тучи нависают над страной, гибельные тучи. Но в зале тепло, светло, все сотрудники получают зарплату, и думают, что так будет всегда.

4 декабря

Воскресенье. В Союзе писателей разговор (неприятный) с Валерием Темнухиным по поводу издания его сборника стихов «Каяла или Повесть о походе Игоря Святославовича, внука Олегу Святославовичу, который правнук Владимиру Святославовичу «Красное Солнышко» (вновь исправления, редактурa). Впервые отказываюсь дальше работать над книгой, и вообще от дальнейшего сотрудничества. Не очень я этой ситуацией расстроен, но всё-таки...

Посмотрел в окно (после этого, повинного ухода автора), а там идёт снег большими белыми хлопьями. И хорошо, покойно стало на душе. Какая малость нужна человеку, чтобы придти в себя, вернуться в себя.

5 декабря

Валерий Васильевич Никитин позвонил и позвал на премьеру своего моноспектакля «Все мы немного лошади» по маленькой повести Ивана Сергеевича Шмелёва «Мэри». Показал он его на сцене Дома актёра. Так народный артист РСФСР отметил своё 75-летие.

Да, повесть Никитин именно сыграл, а не прочитал. Из реквизита (декораций, понятно, нет) три стула, седло, набор подков, игрушки — собака, воробей, лошадка, хлыст и бейсболка. Игрушки выполняют роль актёров — в повести лошадь, пёс, воробей разговаривают друг с другом. Никитин брал их в руки, но не акцентировал внимания. И оттого условность «героев» не выпирала.

Всё-таки держать в памяти такой большой текст непросто. Были (неизбежные) некоторые заминки, сбои, «спотыкания». Но после антракта Валерий Васильевич «разогрел» себя до такой степени, что финал провёл блестяще. Искренняя, драматичная получилась концовка. Падение лошади на бегах после финиша (жокей Числов корит себя, страдает за Мэри) — сыграл лёжа на сцене. Ну и дальше трагизм только возрастал, к концу спектакля достигнув своей кульминации, чем привёл зрителей в восторг.

— Я думала, до инфаркта доведёт, — сказала, проходя мимо меня, Татьяна Васильевна Цыганкова.

Домой с Наташей, Лёшей и Ириной возвращались в метель. На мосту казалось, что ветер опрокинет машину.

6 декабря

Вот что за прошедшие два дня Ирина узнала о моих предках у моих же родственников (по моей просьбе).

По отцовской линии: прадед был довольно зажиточным человеком. Но более подробных сведений о нём нет. Его сын, мой дед Павел Яковлевич, был грамотен, писал красивым каллиграфическим почерком. Фамилия бабушки Марии в девичестве Рыжова. Они тоже жили в селе Утка Гагинского района (по нынешнему территориальному делению). Её отец ротмистр Егор Львович довольно рано умер. (Видимо, это его фотографию я помню с детства, когда жили летом в деревне). После смерти мужа прабабушка Ульяна вновь создала семью с младшим братом мужа Егора — Захаром. Отчим был добр и заботлив. Увёз всех в 1915 году в Нижний Новгород, где служил дьяконом при храме (ныне улица Пожарского). Семья жила на первом этаже поповского дома. Он и ныне стоит, во втором этаже его прожила последние месяцы своей жизни (в коммунальной квартире) моя мама. Вот такие причудливые совпадения происходят в жизни. Бабушка Маня в девичестве закончила семь классов в школе на Чёрном пруду.

В 1937 году, когда начали рушить храм и скидывать с колокольных колокола, отчим Захар (дьякон) этому воспротивился, за что и был сам сброшен с церкви и погиб. После этой трагедии семья вновь вернулась в Утку.

Как вспоминает моя сестра Лена (я этого не помню), бабушка много молилась. Всего у неё было три сестры и два брата. Прабабушка Ульяна всегда жила с дочерью Татьяной (мамой Люси Сивакиной). Мой отец очень любил бабушку Ульяну и был крестником Татьяны. Не похороны ли прабабушки я запомнил с детства? Её отпевали в Карповской церкви. Перед этим мы заезжали на Канавинский рынок, покупали венок. Впрочем, я был совсем маленьким, и мало что помню.

Из братьев и сестёр бабушки: Василий (пропал безвести в Отечественную войну), Александр, Мария (8 детей), Анна (четверо детей, жила в Правдинске), Татьяна (четверо детей).

Дед мой Павел Яковлевич Сдобняков (прозвище в деревне «Паша красный» — узнал случайно от парней в деревне, когда с ними ходил на пруд ночью ловить рыбу) всю войну прошёл рядовым. Я видел его медали в коробке. Помню рассказ о госпитале (значит, был ранен).

По материнской линии: Дворянский род с Украины (Малороссии) — с Чернигова. Егор Маклюс и Евгения Ивановна Маклюс (дед и бабушка) были троюродными братом и сестрой. Мама, хоть и была тогда совсем маленькой, помнила, что жили богато, имели большое хозяйство. В 1927-1928 гг. во время коллективизации дед, предупреждённый о своём скором аресте, бежал в Сибирь, и семья два года о нём ничего не знала. Бабушка жила одна с восемью детьми (Лазарь, Полина, Анна, Мария, Нина, Валентина, Антонина, Александр) очень тяжело — советская власть всё отобрала.

Через два года (опять же тайно, ночью) дед приехал и увёз семью в Сибирь. К тому времени себе (ну и всем в семье) он поменял фамилию на Маклюсов. Так как был он грамотный, то довольно быстро выбился в местные начальники — председателем сельсовета или что-то в этом роде. Видимо, опасаясь преследования, ещё и всем детям (по документам) написал разные отчества.

Если отец вспоминал войну страшным голодом (собирали кору, траву, из этого что-то пекли, варили), то мать считала, что они выжили в эти годы «за счёт детей» — государство помогало многодетным продовольствием. Ну, и тайга, понятно, кормила. Дед Егор не воевал.

Отец и мама познакомились на строительстве БАМа. Виктор приехал туда в 17 лет к старшему брату Александру. В 18 лет уже женился.

7 декабря

Волга и Ока затянуты льдом. Ветер гонит по нему запорошенному волны позёмки. Редкие полыньи (у моста, на Стрелке слияния рек) парят остывающей водой. Но рыбаков это не смущает. Уже вышли на лёд, насверлили лунок вдоль берега (в том числе и на острове — туда-то как добрались!?) и сидят на ветру, ждут своей удачи (нескольких ёршиков или окуньков).

Мороз крепок. Солнце! И так хорошо дышится, так беспричинно радостно на душе.

Пешком отправился из Союза писателей на улицу Балхашскую в Высокovo, в областной архив, на запись видео-интервью для их фондов. Прислали вопросы и попросили уложиться в час. Я честно предупредил, что вряд ли сумею рассказывать о себе так долго. Но неожиданно разговорился, в оценках происходящих сегодня в культуре процессов не стеснялся, на задаваемые вопросы старался дать нестандартные комментарии. В итоге смог продержаться шестьдесят минут, и дамы, записывавшие беседу, остались довольны. Сказали, что им слушать меня было интересно.

Перепишу для памяти некоторые вопросы:

— Вы родились в Красноярском крае. Когда и почему оказались в Горьком? Расскажите о родителях.

— Служа в Советской Армии, вы публиковались в газете Московского округа ПВО. Вы считаете этот период началом литературной деятельности?

— Тематика вашего раннего творчества, публикации в «Горьковском рабочем».

— Когда вы стали членом Союза писателей России? Когда литературная деятельность стала для вас основной?

— Литература Нижегородского региона. Её оценки.

— О восприятии литературы современной молодёжью. Знает ли она её? В общем, смысл, вокруг чего «вертелся» разговор, ясен.

9 декабря

Никто не мешал, и потому хорошо поработал в своём кабинете. За день — составил вклейку из фотографий для книги С.И. Шуртакова. Всё распределил, подписал. Огромная работа (которую готовил ранее) сейчас завершена процентов на шестьдесят. Это прорыв! Ещё много всего придётся исправлять, добавлять, переписывать. Но костяк сформирован — главный. Фото и документальные материалы — всё любопытно, исторично и в то же время привязано к жизни конкретного человека. От детства до смерти.

Отослал на вёрстку. Буду ждать результат.

14 декабря

Роман «Тишина» Юрия Бондарева захватил так, что читаю не отрываясь. Полное сопереживание героям — потому что всему веришь, всё правда. Конечно, написано это произведение не без влияния Ремарка. Сюжетно. Всё остальное наше. И в «Горячем снеге», и в «Тишине» Бондарев предсказал свою судьбу. Когда подлость, предательство, обывательский страх в конце 80-х заполнили страну, он как Сергей или Константин, герои «Тишины», выбрал нравственную смелость. Этого Юрию Васильевичу не простили до сих пор.

Но как зрима, осязаема, проста, воздушна проза Бондарева! Как художественно достоверно передан дух, атмосфера Москвы тех лет. Даже если не жил в то время в этом городе сам — всё ощущаешь, без всяких скидок на условность. (Точно с такой же достоверностью я до сих пор помню Москву послереволюционную, узнав её по звукам, запахам, движениям из романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита». Как прочитал его текст в 1977 году в журнале — потрёпанном — «Москва» с предисловием Константина Симонова, так и помню по сию пору. И ничто правдивости этих ощущений за столько десятилетий не смогло перебить, изменить, вытравить из моей памяти. Нет, не памяти. Это ощущение глубже, основательнее. Оно живёт где-то внутри меня.)

Лишний раз убеждаешься — не может писатель с мелкой душонкой создать художественный образ благородного, нравственно крепкого героя. Напротив — получается полное саморазоблачение, хотя сам автор этого не понимает, в своём тексте не видит.

У Бондарева же читаешь, и так волнуешься за Сергея, Костю, Асю (чистота, без всякой фальши, придуманной заданности), что сердце «колотится» в груди.

15 декабря Балахна

В историко-художественном музее открытие выставки живописи Владимира Заного. Приехали Виктор Тырданов, Евгений Юсов, Сергей Скатов, Нина Жданова, Маша Заного с мужем и дочерью, Владимир Ерофеев. Директор музея Мария Вячеславовна Карташова — кандидат исторических наук — встретила приветливо. Сотрудница провела экскурсию по залам — просторным, светлым. Экспозицию совсем недавно

разместили в отремонтированном и отреставрированном бывшем доме судопромышленника Плотникова на набережной Волги. Высокое трёхэтажное каменное здание. Кажется, что поставлено на века. Навечно. Стены толщиной чуть ли не в полтора метра. Понятно, что в советское послереволюционное время эти помещения кто только не занимал, пока всё не пришло в окончательный упадок. Теперь музей оставляет самое доброе впечатление. Чувствуется, что в его обновление вложено много старания, труда, неравнодушия, профессионализма. Великолепны залы икон и балахнинского кружева.

В просторном помещении на втором этаже вывешены картины Владимира на историческую тему, несколько натюрмортов и пейзажей. Приехал на открытие и выступил архимандрит мужского Благовещенского монастыря отец Александр.

Я в своём слове сказал, что был одним из первых зрителей (ещё в мастерской) большинства представленных здесь картин. Владимир не сразу пришёл к такой внешней простоте и ясности в разговоре со зрителями. Были у него и очень «жёсткие» картины (распятие на металлических швеллерах, с горящим городом у подножия...). Были картины, где, не доверяя зрителю, что он поймёт главную, вложенную в изображение идею, Занюга то над монастырём, то над городом изображал белилами пропись Богородицы. Теперь же его картины (Серафим Саровский, Патриарх Гермоген, князь Владимир, Нижний Новгород...) более спокойны. Но, думаю, их идея любви к Отечеству, вере предков, русской истории полностью передаётся зрителям. Без всяких дополнительных подсказок, объяснения.

В Нижнем расставались у Московского вокзала (сюда привезла нас «Газель») на душевном подъёме, по-братски. Все остались довольны общением — увиденным музеем, разговорами во время застолья, песнями.

С Сергеем Скатовым простились на площади Ленина. На чистом небе взошла ровная, круглая луна. Все тёмные пятна на ней контрастно различимы — и в телескоп смотреть не нужно. Будто это круг подсвечен изнутри ровным электрическим светом. Снег под ногой утоптан, твёрд и скрипит, как расшатанная половица. Лицо щиплет мороз. Сегодня перевалило за двадцать градусов. Хорошо!

16 декабря

В Сирии освобождён второй по величине после Дамаска город — Алеппо. Но вновь террористами захвачена Пальмира. Такое впечатление, что и эту страну всё-таки разорвут в клочья. Хотя и ясно, часть её Асаду мы отстоять помогли.

19 декабря

Какой-то чёрный день в России. Вчера рухнул большой «Ил» с военными на Севере. Вроде бы никто не погиб, но несколько десятков пострадали, в том числе и очень тяжело.

Вчера стали поступать сообщения из Иркутска о гибели людей, выпивших «Боярышник» — жидкость для очистки стёкол. Уже сколько говорят о запрете продажи этих пузырьков через автоматы, но воз и ныне там. К вечеру стало известно о 12 умерших, сегодня утром перевалили за двадцать, вечером объявили о сорока восьми умерших, и это не предел. Есть те, кто лежит в реанимации в коме.

В Анкаре, в галерее современного искусства, при открытии фотовыставки «Россия глазами турок» застрелен посол России в Турции Андрей Карлов. Убийца кричал: «Не забудем Алеппо. Не забудем Сирию». Как оказалось, это бывший полицейский. Вскоре его застрелили охранники — тут же, в галерее. Я думаю — это расплата за ту невнятность действий России в Сирии, которую демонстрирует наша страна последние месяцы при взятии Алеппо. Бесконечные «гуманитарные паузы», оправдание перед Западом о том, что наши самолёты не бомбят этот город, наконец,

эвакуация боевиков с оружием из окружённых заблокированных кварталов (вместо того, чтобы их там либо уничтожить, либо взять в плен). Эта невнятица, действительно, производит впечатление, что Россия виновата, и с неё следует спросить. Мы же в ответ бесконечно оправдываемся, пытаемся говорить с точки зрения моральных ценностей с теми, кто этих ценностей не понимает и не принимает. Нет, у войны неизменные правила — вера в свою победу и стремление её достичь. Иначе — беда тем, кто в неё ввязался.

В городской библиотеке посмотрел книги особого хранения — редкие: конец восемнадцатого и начало девятнадцатого веков. Держишь в руках вещь, которую так же держал в давние времена кто-то. И это «соприкосновение рук» делает время материальной категорией. Люди просто редко об этом задумываются.

В Балахнинском музее с таким же чувством прикасался к деревянным трубам шестнадцатого века (с их помощью добывали соляной раствор), которые достали из земли при береговых работах на Волге. Но ведь и это дерево кто-то выдалбливал, закапывал в землю. И оно хранит прикосновение чьих-то рук давней (для нас, теперешних, просто сказочной) эпохи.

Ближе к полуночи последняя на сегодня (я надеюсь) новость — в Берлине большой грузовой автомобиль протаранил Рождественскую ярмарку. Девять человек погибло, более пятидесяти ранено. Случившееся объявили терактом. Подобное уже случалось во Франции. Председатель ООН Панги Мун охарактеризовал убийство в Германии, как трагедию и «нападение на нашу цивилизацию». Произошедшие за последние месяцы теракты в других (не европейских) странах ни трагедией, ни «нападением на цивилизацию» не считались. Впрочем, такое разделение для нас не ново.

20 декабря

Морозы за двадцать градусов. Температура скачет вниз и вверх на те же двадцать градусов в сутки. Невероятно!

Пришёл в кабинет. Вносили правку и дополнения в текст Михаила Рубцова «Ход особого назначения». Дошли только до половины. Приезжал отец Евгений Юшков. Привёз последние тексты для переиздаваемой им книги «Последняя тетрадь». Тоже всё подготовил и отправил на вёрстку.

Прислали текст от В.А. Карпочева для книги С.И. Шуртакова. Думаю, это завершающий материал.

До «Стрелки» шли с Михаилом. Снег на мосту замёрз до каменной твёрдости, лёгкий ветерок обжигает лицо раскалённым железом. Говорили о малом народе, который (Рубцов процитировал высказывание Иоанна Богослова из Апокалипсиса) в конце времён останется верен Богу.

— Как ты относишься к маргиналам?

— Ты же знаешь. Очень плохо. Только ты заблуждаешься — в конце времён маргиналами (толпой, прельщённой чудесами тёмной силы) окажется большинство. Меньшинство составят те, кто трезво будут чувствовать, размышлять, не соблазнятся и, как следствие, не предадут своей веры в Бога. Маргиналы ни в чём не сомневаются, не размышляют, а думают «как все». Потому легко сбиваются в толпу, продают, а потом вновь обвиняют кого-то, кто их обманул. Они никогда не сознаются, что рады обманываться. Потому что пищи для их ума служат не знания, а сплетни, слухи и прочая словесная шелуха.

Число погибших в Иркутске от отравления уже шестьдесят человек. В Берлине — двенадцать и сорок восемь пострадавших. В городах объявлен траур.

21 декабря

Перед тем, как идти в Литературный музей, занёс в отдел комплектования областной библиотеки книги Игоря Соловьёва «Гипсовая трава» и

Полины Тарабриной «Рассвет». Давно этого не делал сам, всё на Татьяну Антипову надеялся. Теперь она на больничном, а я стараюсь все долги перед Новым годом закрыть — 50 штук сборников Тарабриной в городскую библиотеку, отошлю книжки Анатолия Пафнутьева «Гимн любви А.С. Пушкина» в США Геннадию Петрову и в Ярославскую область Анатолию Строкину.

В музее долгий, почти полтора часа, доклад «о проделанной за года работе» нового директора Ларисы Моториной. Оглядывал зал. Как-то потускнел он, поблек, потерял свою торжественность и праздничность. За стеклом в закутке сиротливо стоят отреставрированные рабочий стол и стул М. Горького. И позолота люстр потускнела.

Показали отрывок фильма о приезде В.И. Ленина к М. Горькому, о том, как слушала игру на рояле, подаренном Горьким Пешковым. Перешли в Каминный зал к этому самому роялю, который музей (давно) выкупил у наследников писателя. Преподаватель консерватории исполнила на нём несколько произведений. Её ученики третьего курса пели.

Я стоял с отцом Владимиром Чугуновым, слушал и оглядывал зал. И так мне было грустно! Насколько изменился состав гостей, тех, кто перед Новым годом приходит на встречи в Литературный музей! Многих нет в живых, другие тяжело больны — старость. Время, время...

С Еленой Геннадиевной Агафоновой решили, как нашему норвежцу Саше показать новогоднее представление. Ким Иванович Шихов рассказал, что на выставке в Сергиевом посаде, организованной Международной академией культуры и искусства, мой портрет его работы висит на центральном месте. Валерий Павлович Киселёв жаловался, что новая директор городского Департамента культуры Наталья Суханова решила его уволить с должности директора музея в Парке Победы. А ведь он его создавал «с нуля». «Она уже разогнала весь старый аппарат в своём департаменте. Набрала молодых». У всех свои и радости, и заботы.

За столом оказалось народу не так много, и прошло всё скучновато. Неповторимый дух праздника, торжественности, как мне показалось, ушёл из этих стен.

25 декабря

Итог трагедии в Иркутске (смотри запись от 19.12.) — около восьмидесяти человек умерло выпив гадость под названием «Боярышник»; жидкость для ванн. Но России накрыла новая беда — гибель ещё 92 человек. Самолёт Ту-154 вылетел из аэропорта Чкаловский в Сирию. На борту ансамбль имени Александрова (праздничная концертная программа для наших воинов), 9 журналистов, военнослужащие, доктор Лиза — Елизавета Глинка (только что получила Государственную премию РФ за спасение детей Донбасса). В Адлере самолёт сел на дозаправку. Вновь вылетел в 5:25. Через две минуты в 5:27 пропал с радаров. Машина рухнула в Чёрное море недалеко от Сочи, в 1.5 км от берега, не успев набрать высоту. Экипаж сигнала бедствия не подавал. Возбуждено уголовное дело. Следствие рассматривает, как всегда, две версии — ошибка экипажа и неисправность самолёта. Но я почти убеждён — это теракт. И заложили в самолёт взрывчатку именно в Адлере. Сигнал для взрыва послали, пока борт далеко не ушёл.

Назавтра в стране объявлен траур.

27 декабря

Заезжал Филипп — внук отца Евгения Юшкова. Расспросил его, где они сейчас работают. Оказывается — расписывают центральную алтарную часть в соборе (красном) в Гордеевке рядом со Смоленской церковью. Раньше они и боковые приделы в этом соборе расписывали. Работа растянулась на долгое время. Предложил сделать им семейную выставку в нашем зале. Понимаю, все заняты, суета, заказы — но ведь художники что-то и для души написали. Филипп обещал подумать.

Такие светлые у отца Евгения внуки и внучки. И талантливые. Вот что значит воспитываться в духовной, православной среде. И таким контрастом воспоминания о прошедшей у нас в Союзе писателей 24 декабря новогодней встрече. Как плохо наши литераторы знают отечественную литературу, как эгоистичны и недоброжелательны к коллегам. Одни разговоры о том, где что напечатали, да где какими премиями их обделили. А если вспомнят кого, то, как Людмила Калинина покойную Галину Егоренкову: «Её пригласили в Нижний Новгород, дали квартиру, а она оказалась алкоголичкой, лесбиянкой, и сын у неё непутёвый, попал в тюрьму». И ни слова о статьях и рецензиях Галины Ивановны, о её книге «Духовная жажда: Современный герой в прозе писателей-горьковчан 70-х — начала 80-х годов», что вышла в Волго-Вятском книжном издательстве в 1983 году. Пришлось обо всём этом напомнить мне.

Задыхаюсь я в такой атмосфере.

Со вторым изданием отца Евгения «Последняя тетрадь», похоже, справились. Осталась типография. Хорошая получилась книга. Мудрая в своей простоте и доходчивости. Хорошим изданием в этот раз «Вертикаль. XXI век» завершает год.

Шёл от своей Наташи с улицы Бориса Панина (у себя на работе распечатала вёрстку «Тетрадей») домой наслаждаясь поднявшейся метелью, швырявшей в лицо, в глаза крупинки снега. Потеплело, погода повернула на оттепель — вот и погнал ветер снежок. Да в городе среди домов не очень разгонишься. Но кое-где на тротуарах (если почищены — что большая редкость) появились перемёты.

На улице Рождественской заглянул к себе в рабочий кабинет, в темноте прошёл к столу у окна (уже несколько дней нет света, завтра будет разбираться электрик), оставил распечатку, чтобы передать во время скорой встречи отцу Евгению для окончательного прочтения и утверждения.

29 декабря

В Нижегородском Доме актёра им. В. Вихрова Нижегородский русский народный оркестр устроил концерт «Новогодний маскарад». Конечно же, и в нём занят Александр Васильевич Мюрисеп — как без него. Номер получился уморительным. В отрывке из «Летучей мыши» он сыграл (станцевал и спел) Пеликана.

Два часа артисты Камерного музыкального театра имени В.Т. Степанова исполняли номера из мюзиклов, оперетт, отдельные песни. Зал полон «советской недобитой интеллигенцией», принимающей всё, что происходило на сцене, восторженно. В свою очередь, доброжелательство зала передалось актёрам, музыкантам. Дирижировавший оркестром русских народных инструментов Борис (не русская фамилия — не запомнил) стал «раскрепощёно» подгонять музыкантов. В итоге забылось, что музыку исполняет не симфонический оркестр (у которого, несомненно, больше возможности), а только домры, балалайки, баяны... Концерт «взял» не высоким профессионализмом (хотя и в этом отношении всё было достойно), не изяществом, а доверительностью, какой-то домашней теплотой, когда зал и сцена едины.

Добрые чувства остались во мне после этой встречи.

31 декабря

У меня в кабинете с Коломойцем. Формально — из номера 50-го передать Алексею Марковичу некоторые рукописи (Е.П. Титкова, Р.И. Чарыкова, С.А. Смирнова) для корректорской вычитки. По-сути получилось — простились с уходящим годом несколькими рюмками доброго напитка. Много в это время вспомнили хорошего, что связывало нас все эти годы — пятнадцать лет дружбы, прошедшей через испытания.

Шёл после встречи через мост, и злой ветер швырял в лицо крупчатым снегом.

Дома смотрел по интернету передачи телекомпании «Царь-Град» с Михаилом Хазинным (28.12.2016 г.). Немыслимое разграбление нашей страны продолжается, и выйти из этого состояния, похоже, удастся не скоро. Что же всех нас ждёт впереди?..

К вечеру температура ушла на плюс. Девчонки с мужьями уехали встречать Новый год. Внук Саша («норвежец», как называет его отец Евгений) мирно спит. Мальчишка — чудо! А мы с Ириной даже за стол не садимся — впервые в жизни так обыденно этот праздник «отмечаю».

Пишу эту запись под Гимн России, что слышен из кухни от работающего телевизора. Наступил год моего шестидесятилетия — с тишиной в квартире и бесконечным громом салютов за окном.

Хорошо и покойно на душе.